

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

НАЙДЕН МЕРТВЫМ

ТУПОЕ ОРУДИЕ

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

Джорджет Хейер – родоначальница популярного жанра «любовный роман в стиле эпохи Регентства», автор историко-приключенческих произведений, писательница, чьи книги в XXI веке переживают второе рождение.

Она обращалась к криминальному жанру не так уж часто, однако ее книгами восхищалась Агата Кристи, и они считаются классическими образцами английского детектива.

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

НАЙДЕН МЕРТВЫМ

.....

ТУПОЕ ОРУДИЕ

АСТ
Москва

Серия «Золотой век английского детектива»

Georgette Heyer
THEY FOUND HIM DEAD
A BLUNT INSTRUMENT

Перевод с английского Л. Мордуховича («Найден мертвым»),
А. Ахмеровой («Тупое орудие»)

Компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства The Buckman Agency.

Хейер, Джорджет.

Х 35 Найден мертвым. Тупое орудие : [сборник] / Джорджет Хейер; [пер. с англ. Л. Мордуховича, А. Ахмеровой]. — Москва : АСТ, 2015. — 480 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-088607-4

Миллионер Сайлас Кейн обнаружен мертвым на скалистом берегу бухты, неподалеку от своего роскошного особняка. Несчастный случай? Но через несколько дней в особняке выстрелом из револьвера убивают его наследника и компаньона — Клемента.

Позодрение падает на Джима Кейна: теперь он — наследник огромного состояния, и у него нет алиби. Но на него происходит несколько покушений, и он едва не становится третьей жертвой преступника...

Эрнест Флетчер — богат и любитель женщин — был убит в собственном кабинете. Но кто нанес ему смертельный удар тупым орудием? Незамужняя сестра? Погрязший в долгах племянник? Красавица соседка? Партнеры по сомнительным сделкам?

Инспектор Ханнисайд начинает расследование и вскоре приходит к выводу: у Флетчера было много врагов, а его смерть выгодна им всем...

УДК 821.111-312.4
ББК 84 (4Вел)-44

© Georgette Rougier, 1937, 1938

© Перевод. Л. Мордухович, 2012

Школа перевода В. Баканова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-088607-4

ТУПОЕ ОРУДИЕ

Глава первая

Легкий ветерок теребил занавески на стеклянной двери и нес в кабинет аромат глицинии, обвивающей стену дома. Услышав шелест занавесок, полицейский повернул голову. Мутные голубые глаза его смотрели мрачно и подозрительно. Он стоял посреди кабинета, склонившись над человеком, что сидел за письменным столом с двумя тумбами, а тут выпрямился, подошел к стеклянной двери и глянул на вечерний сад. Луч фонаря ощупал силуэты цветущих кустов, но обнаружил лишь невзрачную кошку; сверкнув зелеными глазами, она шмыгнула в кусты. Других признаков жизни не наблюдалось. Полицейский внимательно осмотрел сад и вновь подошел к столу.

Сидящий за столом человек не обратил на это ни малейшего внимания: он был мертв. Голова покойного лежала на раскрытом бюваре, в гладких напояженных волосах запекалась кровь.

Полицейский тяжело вздохнул. Дрожащая рука застыла над телефоном. Он отдернул ее, стер кровь с ладони и лишь потом взял трубку.

В коридоре слышались шаги. Не выпуская трубку из рук, полицейский повернулся к двери.

Вошел немолодой дворецкий с подносом, на котором стояли сифон, графин с виски и стаканы. Увидев констебля, дворецкий вздрогнул и устремил взгляд

на хозяина. Стакан покачнулся, звякнул о графин, но поднос Симмонс не выронил, а по-прежнему держал его в руках, вперив глаза в спину Эрнеста Флетчера.

Констебль Гласс продиктовал телефонистке номер участка. Его ровный, бесстрастный голос заставил Симмонса оторвать взгляд от покойного.

— Господи, он мертв? — пролепетал дворецкий.

— Не поминай имени Господа Бога твоего всуе, — строго пробасил Гласс.

Симмонс принадлежал тому же религиозному течению, что констебль Гласс, поэтому понял его лучше, чем телефонистка — барышня обиделась. Недоразумение разрешили, номер участка повторили, а Симмонс тем временем поставил поднос и боязливо приблизился к телу хозяина. Один взгляд на разможенный череп, и дворецкий отступил. Бледный как полотно, он посмотрел на констебля и дрожащим голосом осведомился:

— Кто мог такое совершить?

— Это выяснять не нам, — ответил Гласс. — Мистер Симмонс, будьте любезны, закройте дверь.

— Если не возражаете, мистер Гласс, я закрою ее с другой стороны, — отозвался дворецкий. — Зрелище весьма неприятное. Признаюсь, мне не по себе.

— Вы останетесь, пока я не исполню профессиональный долг и не задам вам пару вопросов.

— Что я могу рассказать? Я тут ни при чем.

Гласс не ответил: его наконец соединили с участком. Симмонс нервно сглотнул, закрыл дверь и застыл неподалеку, чтобы видеть лишь спину мистера Флетчера.

Констебль Гласс назвал свое имя, месторасположение и доложил сержанту об убийстве.

«Бездушные полицейские! — думал Симмонс, возмущенный спокойствием Гласса. — У нас что, трупы с проломленными головами на каждом шагу встреча-

ются? Этот Гласс, сухарь бесчувственный, стоит в шаге от трупа и соловьем по телефону заливается, точно на суде показания дает. И все это, глядя на покойника. Нормального человека стошнит от такого зрелища!»

Гласс положил трубку и спрятал носовой платок в карман.

— Вот муж, который уповал не на милость Господню, а на богатство свое, — произнес он.

Мрачное утверждение вывело Симмонса из задумчивости — он захрипел в знак согласия.

— Святая правда, мистер Гласс. «Горе венцу гордыни!»* Но как это случилось? Как вы сюда попали? Вот так история, не чаял, что окажусь в самом центре подобного!

— Я пришел по дорожке. — Гласс показал на стеклянную дверь, потом достал из кармана блокнот, огрызок карандаша и пригвоздил дворецкого типично полицейским взглядом. — С вашего позволения, мистер Симмонс, начнем.

— Что толку начинать, мистер Гласс? Я не знаю ровным счетом ничего.

— Вы знаете, когда в последний раз видели мистера Флетчера живым, — гнул свое Гласс, не замечая паники дворецкого.

— Пожалуй, когда проводил сюда мистера Эйбрахама Бадда.

— Когда это было?

— Точно не скажу. Наверное, час назад. — Дворецкий не без труда собрался с мыслями и добавил: — Около девяти. Не позднее: я как раз убирал посуду в столовой.

— Вы знакомы с этим мистером Баддом? — спросил Гласс, не отрывая взгляда от блокнота.

* «Книга пророка Исайи» 28:1. — Здесь и далее примеч. пер.

— Нет, прежде я его не видел... кажется, не видел.

— Ясно. И когда он ушел?

— Не знаю. Он, наверное, ушел через сад, той же дорожкой, что пришли сюда вы, мистер Гласс.

— Это у вас в порядке вещей?

— Да... то есть нет, — ответил Симмонс. — Мистер Гласс, вы понимаете, о чем я?

— Нет, — категорично заявил Гласс.

— У хозяина были знакомые, которые ходили к нему через сад. — Симмонс тяжело вздохнул. — Женщины, мистер Гласс.

— «Ты живешь среди коварства»*, — проговорил Гласс, с неодобрением оглядывая уютный кабинет.

— Святая правда. Сколько горячих молитв я...

Договорить не дала открывшаяся дверь. Ни Симмонс, ни Гласс не слышали приближающихся шагов и не помешали войти стройному юноше в дурно сидящем смокинге. Тот застыл на пороге, а при виде полицейского захлопал длинными ресницами и неодобрительно улыбнулся.

— Ой, простите! — воскликнул юноша. — Странно вас здесь видеть.

Говорил он низким голосом и довольно быстро — сразу не разберешь. Вялая прядь темных волос рассыпалась по лбу, рубашка с пленой грудью, невообразимый галстук... «Все как у бездельников-поэтов», — подумал Гласс.

— Почему меня странно здесь видеть? — подозрительно спросил полицейский. — Сэр, разве мы знакомы?

— Нет-нет! — Юноша покачал головой. Его нервный взгляд обежал кабинет и остановился на трупе Эрнеста Флетчера. — Если меня вырвет, будет очень

* «Книга пророка Иеремии» 9:6.

не по-мужски? Что же делать? — Юноша искал ответ в глазах Симмонса и Гласса, наткнулся на холодное равнодушие и посмотрел на поднос. — Да, вот что. — Юноша шагнул к подносу, щедро плеснул в стакан виски и буквально капнул содовую.

— Это мистер Невилл Флетчер, племянник хозяйина, — ответил Симмонс на невысказанный вопрос Гласса.

— Сэр, вы здесь живете?

— В данный момент живу, но убийства не по мне. Есть в них что-то варварское. К тому же такого не бывает.

— Однако, сэр, убийство произошло, — не без удивления проговорил Гласс.

— Вот это мне и претит. Убийства совершаются исключительно в чужих семьях. Личный опыт — а любой человек считает его богатым — не учит справляться с такими аномальными ситуациями.

Юноша нервно захихикал. Чувствовалось, что вопреки внешней браваде он сильно потрясен. Дворецкий с любопытством посмотрел на него, потом на Гласса, который, на минуту задержав взгляд на Невилле Флетчере, лизнул кончик карандаша и спросил:

— Сэр, когда вы в последний раз видели мистера Флетчера?

— За ужином. В столовой. Нет, в коридоре, если быть до конца точным.

— Пожалуйста, определитесь, — невозмутимо посоветовал Гласс.

— Да-да, конечно. После ужина дядя пошел сюда, а я в бильярдную. Расстались мы в коридоре.

— В котором часу это было?

— Не знаю, — покачал головой Невилл. — После ужина. Симмонс, вы не подскажете?

— Нет, сэр, с такой точностью — нет. Из столовой хозяин обычно выходит без десяти девять.

— А позднее вы мистера Флетчера не видели?

— Нет, я увидел его лишь сейчас. Еще есть вопросы, или мне можно идти?

— Было бы весьма кстати, сэр, если бы вы подробно рассказали, чем занимались с момента расставания с покойным до 22:05.

— Гонял шары в бильярдной.

— Один?

— Да, но потом меня разыскала тетя, и я ушел.

— Ваша тетя, сэр?

— Мисс Флетчер, сестра хозяина, — вмешался дворецкий.

— Сэр, вы вышли из бильярдной вместе с тетей? Затем вы были с ней?

— Нет, и это лишний раз доказывает, что вежливость воздается сторицей. Я улизнул от тети, о чем сейчас жалею. Проводи я ее в гостиную, получил бы алиби, а теперь у меня его нет. Я поднялся в свою комнату, почитал книгу и... неужели заснул? — Невилл с сомнением посмотрел на дядин стул и содрогнулся. — Господи, ничего подобного я и представить не мог! Это же из области фантастики...

— Прошу прощения, мистер Гласс, кажется, в дверь звонят, — перебил Невилла Симмонс и поспешил в коридор.

Пару секунд спустя в кабинет вошел сержант полиции со свитой, а в коридоре раздался взволнованный голос мисс Флетчер, настоятельно требовавшей объяснить, что означает сие вторжение.

Невилл выскользнул из кабинета и взял тетю под руку.

— Тетя, пройдемте со мной. Я все объясню.

— Кто эти люди? — не унималась мисс Флетчер. — На вид вылитые полицейские!

— Так оно и есть, — кивнул Невилл. — Большинство из них точно полицейские. Тетя Люси, послушайте...

— Нас обокрали!

— Нет... — Невилл запнулся. — Хотя не исключе-
но. Извините, тетушка, но все куда страшнее. Эрни се-
рьезно пострадал... — Он начал заикаться, с тревогой
поглядывая на тетю.

— Невилл, милый, не бубни. Что ты сказал?

— Эрни пострадал... погиб.

— Погиб? Эрни? — пролепетала мисс Флетчер. —
Не верю! Как он мог погибнуть? Невилл, ты же зна-
ешь, что я не люблю такие шутки! Они жестокие, а про
то, что на грани приличия, я и не говорю.

— Это не шутка.

— Не-е-ет! — простонала она. — Невилл,пусти ме-
ня к нему, сейчас же!

— Бесполезно. Тем более вам нельзя нервничать.
Мне самому не по себе.

— Невилл, ты что-то скрываешь!

— Дело в том, что... Эрни убит.

Голубые навывкате глаза тети впились в Невилла.
Она раскрыла рот, но не смогла издать ни звука. Со-
вершенно выбитый из колеи, Невилл развел руками:

— Чем мне вам помочь? Я бы с удовольствием, да
не знаю как. Вам плохо? Признаю, я растерялся, но
ведь ситуация для цивилизованного мира нетипичная.
Волей-неволей растеряешься.

— Эрни убит? Я отказываюсь верить!

— Ах, тетя, не глупите! — воскликнул Невилл, вы-
давая свою тревогу и волнение. — Не сам же он себе
голову проломил.

Мисс Флетчер всхлипнула и рухнула на ближай-
ший стул.

— Извините, тетя, — сказал Невилл, закурив сига-
рету, — рано или поздно вы бы все равно узнали.

Мисс Флетчер собралась с мыслями и через неко-
торое время спросила:

— Кто же мог убить нашего дорогого Эрни?

— Тетя, такой вопрос точно не ко мне!

— Это ошибка, ужасная ошибка! Ах, Эрни, Эрни!

Мисс Флетчер разрыдалась. Утешить ее Невилл даже не пробовал — он сидел в большом кресле напротив и курил.

Тем временем в кабинете констебль Гласс подробно докладывал о случившемся старшему по званию. Доктор уже уехал, полицейские фотографы тоже, тело мистера Флетчера увезли.

— Я патрулировал участок, в 22:02 был на Вейл-авеню. Когда добрался до Мейпл-гроув — как вы знаете, сэр, она соединяет Вейл-авеню и Арден-роуд, — я заметил мужчину. Он весьма подозрительным образом выскользнул за садовую калитку и быстро зашагал к Арден-роуд.

— Вы смогли бы его узнать?

— Нет, сержант. Было довольно темно, а лицо его я не увидел. Не успел я подумать, что он, собственно, замышляет, как мужчина свернул на Арден-роуд. — Гласс нахмурился и добавил: — Насколько я разобрал, роста он был среднего, в светлой фетровой шляпе. Не знаю, почему он показался мне подозрительным. Наверное, чересчур быстро вышел за калитку мистера Флетчера. Господь направлял мои стопы.

— Достаточно! — осадил его сержант. — Что было дальше?

— Я крикнул, чтобы мужчина остановился, но он и не подумал, а секундой позже свернул на Арден-роуд. Это обстоятельство заставило меня осмотреть владения Флетчеров. Садовая калитка была открыта. Я заметил свет за этой стеклянной дверью и прошел сюда по дорожке, решив выяснить, не случилось ли что в доме. Покойного я увидел в этой самой позе. И на моих часах, и на местных было 22:05. Прежде всего я установил, что мистер Флетчер мертв. Убедившись,

что помочь ему невозможно, я произвел обыск кабинета и проверил, не скрывается ли кто в саду. Затем, в 22:10, я попросил телефонистку связать меня с участком. Пока ждал соединения, в кабинет вошел Джозеф Симмонс, дворецкий, с подносом, который сейчас стоит на столе. Я велел ему задержаться и опросил. Симмонс заявил, что около 21:00 покойного посетил некто Эйбрахам Бадд. Симмонс проводил вышеупомянутого Бадда в этот кабинет. Утверждает, что время его ухода ему неизвестно.

— Вы составили словесный портрет Бадда?

— Нет, сэр, не успел: как раз тогда в кабинет вошел мистер Невилл Флетчер. По его словам, в последний раз он видел покойного в 20:50, когда они вместе вышли из столовой.

— Хорошо, через минуту мы его вызовем. Вам есть что добавить?

— Больше я ничего не видел, — ответил Гласс, на миг задумавшись.

— Ладно, разберемся, что к чему. По-моему, тут все ясно: виноват удиравший через садовую калитку. Наш друг Эйбрахам Бадд.

— Сержант, я склоняюсь к другому мнению, — заявил Гласс.

— Неужели? И почему? — удивился сержант. — Вас снова направляет Господь?

Гласс, доселе бесстрастный, обжег его гневным взглядом.

— «Кошунник — мерзость для людей!»* — воскликнул он.

— Довольно! — снова осадил его сержант. — Дорогой мой, не забывайте, что говорите со старшим по званию.

* «Книга Притчей Соломоновых» 24:9.

— «Не любит распутный обличающих его и к мудрым не пойдет»*. Бадд не таился: вошел через парадную дверь и имени своего не скрывал.

— Достойный аргумент, согласен, — проворчал сержант. — Возможно, убийство непредумышленное. Ведите сюда дворецкого.

— Джозеф Симмонс известен мне как добрый христианин, — заявил Гласс, направляясь к двери.

— Ясно, ясно, ведите его!

Дворецкого, по-прежнему бледного как полотно, Гласс разыскал в коридоре. Симмонс вошел в кабинет, боязливо косясь на письменный стол. Стул, который стоял рядом, пустовал, и Симмонс с облегчением вздохнул.

— Ваше имя? — спросил сержант.

— Джозеф Симмонс, сэр.

— Должность?

— Я служу... служил дворецким у мистера Флетчера.

— Давно на него работаете?

— Шесть с половиной лет, сэр.

— Вы утверждаете, — сержант сверился с записями Гласса, — что в последний раз видели хозяина живым около 21:00, когда проводили в его кабинет некоего мистера Эйбрахама Бадда, так?

— Да, сэр. У меня есть его визитка. — Симмонс протянул сержанту картонный прямоугольник.

Сержант взял его и вслух прочел:

— «Мистер Эйбрахам Бадд, Бишопсгейт 333с, Ист-Сентрал». Что ж, по крайней мере знаем, где его искать. Так вы утверждаете, что с ним не знакомы?

— Сержант, до сегодняшнего вечера я этого человека в глаза не видел. Не имею привычки впускать в дом таких, как он, — надменно отчеканил Симмонс.

* «Книга Притчей Соломоновых» 15:12.

Гласс отмел фарисейство одной меткой фразой:

— «Высок Господь, и смиренного видит, и гордого узнает издали»*, — грозно напомнил он.

— «Душа моя падает во мне»**, — покаялся Симмонс.

— Довольно о душе! — рассердился сержант. — И не обращайтесь внимания на Гласса. Меня, меня слушайте! Можете описать внешность этого Бадда?

— О да, сэр! Невысокий, коренастый, в костюме, который иначе как кричащим не назовешь. Сдается мне, иудей.

— Невысокий и коренастый, — разочарованно повторил сержант. — По описанию — чистый зазывала. Покойный его ждал?

— Вряд ли. Мистер Бадд заявил, что дело срочное, и мне оставалось лишь отнести его визитку мистеру Флетчеру. По-моему, мистер Флетчер был весьма раздосадован.

— Хотите сказать, напуган?

— Нет, сэр, нет! Мистер Флетчер посетовал на «клятую дерзость», но через минуту велел пригласить мистера Бадда, что я и сделал.

— Все это случилось около девяти? А признаков ссоры вы не слышали?

Дворецкий замялся.

— Сэр, ссорой я бы это не назвал. Хозяин что-то говорил на повышенных тонах, но о чем, не знаю, ведь я был через коридор от него, в столовой, а потом в буфетной.

— Значит, вы не уверены, что в кабинете произошла ссора?

* Псалтирь 137:6.

** «Плач Иеремии» 3:20.

— Не уверен, сэр. Мистер Бадд мне вспыльчивым не показался. Скорее, наоборот. Сдается мне, что он боялся хозяина.

— Боялся? Хм, значит, мистер Флетчер был вспыльчивым?

— Ничего подобного, сэр! Как правило, он был весьма обходителен. Сердился крайне редко.

— А сегодня сердился? Ну, из-за прихода мистера Бадда?

Дворецкий замялся.

— Мне кажется, сэр, хозяин рассердился чуть раньше. Незадолго до ужина у них с мистером Невиллом... произошла небольшая размолвка.

— С мистером Невиллом? То есть с племянником? Он здесь живет?

— Нет, мистер Невилл приехал сегодня после обеда, по-моему, на несколько дней.

— Его ожидали?

— Если да, то меня об этом не уведомили. По совести говоря, мистер Невилл — довольно эксцентричный молодой человек. Приехать к дяде без предупреждения для него совершенно в порядке вещей.

— А размолвка с дядей тоже в порядке вещей?

— Не хочу вводить вас, сэр, в заблуждение: ссоры не было. Когда я подал херес и коктейли, мне показалось, что оба весьма недовольны друг другом. Хозяин явно сердился, что, по опыту скажу, для него не характерно, а когда я входил в столовую, подлинно услышал, как он говорит, что не желает об этом знать, а мистер Невилл может катиться к черту.

— Неужели? А как насчет мистера Невилла? Он тоже сердился?

— Мне трудно судить, сэр. Мистер Невилл — необычный молодой джентльмен, не склонный выстав-

лять напоказ свои чувства. Порой сомневаюсь, что они у него вообще есть.

— Конечно, есть, да еще какие! — Невилл только вошел в кабинет и услышал последнее заявление дворецкого.

Сержант еще не сталкивался с бесшумной поступью молодого мистера Флетчера и на миг застыл. Невилл улыбнулся своей снисходительной улыбочкой и негромко произнес:

— Добрый вечер! Все это ужасно, правда? Надеюсь, вы уже что-то выяснили. Моя тетя желает с вами поговорить, прежде чем вы уедете. Так вам известно, кто убил моего дядю?

— Для таких вопросов еще не время, — осторожно выдал сержант.

— Ваш ответ сулит долгую неопределенность, а она очень угнетает.

— Ситуация неприятна для всех, — кивнул сержант и повернулся к Симмонсу: — Вы пока можете идти.

Симмонс удалился, а сержант, оглядывавший Невилла с явным любопытством, попросил молодого человека сесть. Тот любезно выполнил просьбу, выбрав низкое кресло у камина.

— Надеюсь, сэр, вы мне поможете. Если не ошибаюсь, с покойным вы были очень близки.

— Нет, ничего подобного! — потрясенно воскликнул Невилл.

— Нет? Хотите сказать, что не ладили с мистером Флетчером?

— Еще как ладил. Да я со всеми лажу, но без близости.

— Сэр, я имел в виду, что...

— Теперь ясно. Знал ли я дядины секреты? Нет, сержант. Секреты и чужие проблемы я ненавижу, — доверительно проговорил Невилл.

Сержант растерялся, но быстро взял себя в руки и спросил:

— Как бы то ни было, знали вы его хорошо, верно, сэр?

— Это не обсуждается, — буркнул Невилл.

— Как, по-вашему, были у него враги?

— Были. Разве не ясно?

— Сэр, я пытаюсь определить...

— Вы же видите, что я растерян не меньше вашего.

Вы ведь не были знакомы с моим дядей?

— Нет, сэр, не был.

Невилл выпускал колечки дыма и задумчиво наблюдал за их движением.

— Дядю все звали Эрни, — вздохнул он. — Женщины, разумеется, звали его «милый Эрни», понимаете?

Сержант смерил его задумчивым взглядом и проговорил:

— Да, сэр, кажется, понимаю. Должен сказать, я слышал о нем только хорошее. Так вы не представляете, кто мог таить на него злобу?

Невилл покачал головой. Сержант с досадой на него посмотрел и сверился с блокнотом Гласса.

— Значит, вы из столовой отправились в бильярдную и находились там, пока вас не разыскала мисс Флетчер. В котором часу это было?

Невилл сконфуженно улыбнулся.

— Не знаете, сэр? Даже приблизительно? Попробуйте вспомнить!

— Увы, время для меня до сих пор не имело практически никакого значения. Вам поможет, если я скажу, что, по тетиным словам, у дяди в то время был весьма необычный посетитель? Толстый коротышка со шляпой в руках. Она видела его в коридоре.

— А сами вы его не видели? — быстро спросил сержант.

— Нет.

— Он все еще был у вашего дяди, когда вы поднялись к себе?

— Думаете, я под дверью подслушиваю?

— Конечно, нет, сэр, просто...

— Особенно, когда мне совсем неинтересно... — произнес Невилл.

— Так, сэр, предположим, что между 21:00 и 22:00 вы поднялись к себе...

— В половине десятого, — уточнил Невилл.

— То есть... Сэр, минуту назад вы говорили, что не знаете, сколько было времени.

— Ну да, а сейчас вспомнил, как разок прокуковала кукушка.

Сержант растерянно взглянул на Гласса, который с неодобрительным видом застыл у двери. «Неужели этот чудак Невилл не в себе?» — подумал сержант.

— Сэр, о чем это вы?

— Только о часах на лестнице, — отозвался Невилл.

— Часы с кукушкой! А я уже решил... И они отбивают полчаса?

— Хотя частенько врут.

— Об этом сейчас и поговорим. Сэр, куда выходят окна вашей комнаты?

— На север.

— Получается, она в задней части дома. Если бы кто-нибудь шел по дорожке через сад, вы бы слышали?

— Не знаю. Я ничего не слышал; впрочем, я и не прислушивался.

— Ясно, — вздохнул сержант. — Пока это все, сэр. Вы, конечно же, понимаете, что придется задержаться здесь на пару дней? Таковы правила. Надеюсь, мы в ближайшее время со всем разберемся.

— Согласен, — кивнул Невилл, задумчиво глядя на картину напротив камина. — Послушайте, это ведь не ограбление?

— Наверняка мы пока не знаем. Вряд ли грабитель явился, когда бодрствовали и мистер Флетчер, и домашняя челядь.

— Да уж, непохоже. Если вы не в курсе, сейф за этой картиной.

— Я в курсе, сэр, мне дворецкий сообщил. Отпечатки пальцев мы сняли и ждем адвоката мистера Флетчера, чтобы вскрыть сейф. Что-нибудь нашли, Хепуорт? — спросил он констебля.

— Немного, сержант, но хочу кое-что вам показать.

Сержант тотчас шагнул к стеклянной двери, а Невилл выпрямил спину и двинулся за ним.

— Можно мне с вами? — негромко спросил он, когда сержант оглянулся.

— Почему бы и нет, сэр? Между прочим, вскоре после десяти за садовую калитку выскользнул мужчина. Если не ошибаюсь, это и есть наш фигурант.

— Тот мужчина... толстяк? — предположил Невилл, сощурившись.

— Сэр, а это не слишком просто? — снисходительно поинтересовался сержант — Нет, сэр, невзрачного вида мужчина в шляпе. Ну, Хепуорт, показывайте.

Констебль подвел их к цветущему смородиновому кусту на клумбе у самого дома и посветил на землю. На рыхлой почве отпечатались следы туфель на высоком каблуке.

— Сержант, они совсем свежие, — проговорил Хепуорт. — За этим кустом кто-то прятался.

— Вот и появляется ОНА! — воскликнул Невилл. — Разве не здорово?

Глава вторая

К половине двенадцатого полиция, за исключением констебля, оставленного присматривать за домом, покинула усадьбу Грейстоунс. Сержант деликатно допросил мисс Флетчер, но та не смогла помочь правосудию. Следы туфелек на клумбе ее не удивили.

— Бедный Эрни был так хорош собой! — ворковала она. — Разумеется, нельзя забывать, что мужчины не такие, как мы.

Сержант выслушал целый панегирик о покойном Эрнесте Флетчере: каким он был обаятельным, общительным, воспитанным, веселым, отважным, щедрым. И как прекрасно относился к сестре. Из моря слов удалось выловить некоторые факты. Например, Невилл — сын Теда, давно умершего брата Эрни. Разумеется, он дядин наследник. Невилл — милый мальчик, но очень, очень непредсказуемый. Да, бедный Эрни рассердился, когда Невилл попал в тюрьму в ужасной балканской стране. Нет, ничего серьезного, Невилл — настоящий разиня, паспорт потерял. А что до той русской в Будапеште... Однажды утром, еще до завтрака, она заявила в гостиничный номер Невилла со всем своим скарбом и выложила: мол, накануне на вечеринке ее пригласил Невилл. Да, к сожалению, молодые люди порой напиваются, а та женщина явно занималась сами понимаете чем. А Невилл совсем не такой... С другой стороны, как не посочувствовать бедняжке Эрни, которому пришлось откупаться от той мерзавки. Нет, нельзя сказать, что Эрни совершенно не любил Невилла. Общего у них было мало, но кровь не вода, о чем Эрни помнил...

В ответ на вопросы поконкретнее мисс Флетчер заявила, что не представляет, кто мог таить хоть ка-

плю злобы на ее брата. Убийца просто маньяк, в газетах постоянно о них пишут...

Сержант не без труда от нее отделался и спешно уехал. Тетка и племянник остались один на один в гостиной.

— Все это похоже на страшный сон! — воскликнула мисс Флетчер, прижав ладонь к виску. — В коридоре дежурит полицейский, а кабинет милого Эрни заперли.

— Какая разница? — удивился Невилл. — Вам хотелось что-то уничтожить?

— Это было бы в высшей степени нечестно, однако Эрни наверняка не понравилось бы, что в его дела суют нос чужаки. В кабинете вряд что-то такое хранится. Но ведь ты, милый, знаешь, какие вы, мужчины, даже лучшие из вас.

— Нет, не знаю, расскажите, пожалуйста!

— Хотя на эту сторону жизни мужчин принято смотреть сквозь пальцы, — начала мисс Флетчер, — боюсь, у Эрни были женщины. Думаю — наверняка, конечно же, не знаю! — некоторых его дам я приличными не назвала бы.

— Мужчины — существа странные, — осторожно согласился Невилл.

— Да, милый. Само собой, я тихо радовалась, ведь однажды я уже испугалась, что Эрни поймают.

— Поймают?

— Ну да, в сети брака, — пояснила мисс Флетчер. — Как бы я оправилась от такого удара? К счастью, постоянством твой дядя не отличался.

Невилл изумленно посмотрел на тетю, а та грустно улыбнулась, явно не считая, что сказала что-то особенное. Тетя казалась воплощением благопристойности — пожилая, пухленькая, с облаком седых волос, кроткими глазами, сейчас покрасневшими от слез, и чопорными губками без намека на помаду.

— Я очень расстроен, — объявил Невилл. — Пожалуйста, пойду спать.

— Я тебя расстроила? — удрученно спросила тетя. — Но ведь это непременно выяснилось бы, и ты рано или поздно узнал бы правду.

— Тетушка, это же мой дядя! — воскликнул Невилл.

— Дорогой, ты очень странно выражаешься, — посоветовала она. — Впрочем, неудивительно, нервы на пределе. Полагаешь, стоит предложить полицейскому чай или кофе?

Невилл оставил тетю за разговором с констеблем и поднялся к себе. Вскоре мисс Флетчер постучалась к нему и спросила, все ли хорошо. Невилл ответил, что он в полном порядке, но хочет спать. Мисс Флетчер пожелала племяннику спокойной ночи, пообещала больше не тревожить и ушла в переднюю часть дома, в свою спальню.

Невилл Флетчер запер дверь, по толстой водосточной трубе спустился из окна на крышу веранды, пристроенной со стороны гостиной, а потом на землю.

Сад спал, озаренный луной. На случай если калитку караулят, Невилл скользнул к ограде, отделявшей сад от Арден-роуд. По шпалерам влезть легче легкого — Невилл перемахнул через ограду, проворно спрыгнул на дорогу, закурил сигарету и двинулся в западном направлении. Ярдов через сто он оказался у переулка, параллельного Мейпл-гроув, свернул в переулок и проник за первые же ворота. Большой квадратный дом четко вырисовывался в сиянии луны, в нескольких окнах за шторами горел свет. Окно первого этажа, слева от двери, было открыто. Невилл подошел к нему, раздвинул шторы и заглянул в комнату.

За секретером писала женщина, свет настольной лампы ярко озарял ее золотые локоны. Она была в вечернем платье, на спинке стула висела парчовая на-

кидка. Невилл задумчиво посмотрел на красавицу и влез в комнату.

Женщина тотчас подняла голову, поперхнулась от неожиданности, но испуг в ее глазах быстро сменился облегчением. Милое личико залилось краской.

— Господи, Невилл, ты меня напугал!

— По сравнению с моими сегодняшними переживаниями это ерунда, — отозвался тот. — Не поверишь, что за цирк творится в Грейстоунс!

Женщина положила недописанное письмо в бювар.

— Хочешь сказать, все получилось? — спросила она с сомнением.

— Не получилось, а получил, — поправил Невилл. — Я получил нервотрепку.

Он подошел ближе и, к ее удивлению, опустился на колени.

— Невилл, в чем...

Он схватил женщину за лодыжку.

— Душа моя, посмотрим-ка на твою ножку. — Невилл притянул ее ногу поближе и осмотрел серебристую лайковую туфельку. — Да я суший провидец! Эх, вляпались мы, как эти туфельки. — Он отпустил ее ногу и поднялся.

Глаза женщины расширились от тревоги. Она взглянула на свои туфли и накрыла их подолом платья.

— О чем это ты?

— Хватит, прелесть моя! Сегодня ты была у Эрни и пряталась в кустах под окном кабинета.

— Откуда ты знаешь?

— Да так, интуиция подсказывает. Могла бы предоставить это мне. Зачем было меня втягивать, если сама в стороне не осталась? Бог свидетель, я рвение не проявлял.

— В этом-то и дело. Я решила, что ты не справишься, тем более ты с самого начала возражал.

— Возражал, и да, человек я ненадежный, только не дать мне шанс было очень глупо. Ты-то сама их получила?

— Нет. Он только засмеялся.

— Прелестно! — воскликнул Невилл. — И ты ша-рахнула Эрни по голове?

— Не глупи!

— Если это фарс, по тебе театр плачет. — Невилл оценивающе на нее взглянул. — Ты видела, кто это сделал?

— Кто сделал — что? — недовольно переспросила женщина.

— Размозжил Эрни голову. Его убили, дурочка!

С ее губ сорвался полустон-полукрик.

— Нет, Невилл, ты шутишь!

— Разве ты не в курсе? — Невилл растянул губы в улыбке.

Женщина заглянула ему в глаза.

— Я тут ни при чем! — выпалила она, побледнев.

— Да, пожалуй, силенок бы тебе не хватило, — согласился Невилл.

Распахнулась дверь. В комнату вошла стройная девушка с копной каштановых кудрей и моноклем в левом глазу.

— Хелен, ты меня звала? — спокойно поинтересовалась она, но тут заметила Невилла и с нескрываемым отвращением добавила: — Ну вот, явился не запылился!

— Знал бы, что застану тебя, стервочка, сидел бы дома, — ласково отозвался Невилл.

Мисс Дру презрительно фыркнула и внимательно оглядела сестру.

— Выглядишь как покойница, — отметила она. — Что-то случилось?

Хелен Норт заломила руки:

— Эрни Флетчер убит.

— Замечательно, — невозмутимо произнесла мисс Дру. — И Невилл пришел тебе об этом сообщить?

Хелен содрогнулась.

— Прекрати! Это ужасно, ужасно!

— А по-моему, интересно. — Мисс Дру вытащила сигарету из стоявшей на столе сигаретницы и вставила в длинный мундштук. — Ненавижу чересчур манерных, чересчур улыбчивых мужчин. Кто его убил?

— Не знаю! Не могу сейчас думать! — вскричала Хелен. — Салли... Невилл... О Господи! — Она затравленно взглянула сперва на сестру, потом на молодого человека, рухнула на диван и закрыла лицо руками.

— Если это фарс, то отменный, — проговорил Невилл. — Если нет — пустая трата времени. Прекрати, Хелен, мне неловко.

Салли обожгла его неодобрительным взглядом:

— Похоже, ты не слишком расстроен.

— Ты час назад меня не видела, — отозвался Невилл. — Я даже самообладание потерял.

Салли хмыкнула.

— Выкладывай, как все случилось! — потребовала она. — Вдруг из этого выйдет нечто занятное?

— Чудесная мысль! — похвалил Невилл. — Эрни умер не напрасно.

— Всегда хотела стать свидетельницей настоящего убийства, — задумчиво проговорила Салли. — Что сделали с Эрни?

— Проломили голову, — ответил Невилл.

Хелен застонала, а ее сестра кивнула с видом знающего.

— Удар тупым предметом, — проговорила она. — Ты в курсе, кто это сделал?

— Я — нет, а Хелен, возможно, в курсе.

Хелен вскинула голову:

— Я же сказала, меня там не было!

— Милая, тувельки выдают тебя с головой.

— Да, я была там, но не в момент убийства! Я в нем не замешана!

Монокль выпал из глаза мисс Дру. Она вставила его обратно и пытливо взглянула на сестру.

— Что значит, была, но не в момент убийства? Ты сегодня ходила в Грейстоунс?

Хелен замялась.

— Да, мы встречались. Во-первых, я чертовски устала от стрекота твоей пишущей машинки, а во-вторых, очень хотела увидеть Эрни.

— Выкладывай, что у тебя с Эрни Флетчером, не тяни! — не унималась Салли.

— Как пурист, убедительно прошу не использовать настоящее время, — сказал Невилл.

— Ты-то наверняка в курсе? — бросилась в атаку Салли. — Выкладывай, черт побери!

— Все не так, как ты думаешь! — зачастила Хелен. — Признаю, Эрни мне нравился, но не до такой степени.

— Раз с Невиллом поделилась, то и со мной сможешь, — заявила Салли. — Только не надо сказок вроде «пошла к нему из-за стрекота пишущей машинки». Все равно не поверю.

— Давай колись! Салли обожает мерзкие истории, — подначил Невилл.

Хелен вспыхнула:

— Обязательно так выражаться?

— Милочка, я с самого начала говорил, что для меня это слишком мерзко и банально. Зачем сейчас цепляться?

— Тебе неведомо отчаяние! — посетовала Хелен.

— Все дело в моей божественной отрешенности.

— Надеюсь, убийство повесят на тебя, — вмешалась Салли. — Что тогда будет с твоей божественной отрешенностью?

Невилл задумался.

— Вопрос, конечно, интересный, — согласился он. — Естественно, внешне я бы сохранял спокойствие, а вот испугался бы на самом деле? Надеюсь, что нет.

Хелен ударила кулаком по дивану:

— Слова, слова — что в них толку?

— Нет ничего более омерзительного, чем культ материального, — отозвался Невилл. — Милочка, у тебя мещанское мировоззрение.

— Да замолчи ты! — Салли подошла к дивану и устроилась рядом с Хелен. — Успокойся, старушка, и расскажи все по порядку. Если ты села в лужу, я постараюсь тебя вытащить.

— Не вытащишь! — с несчастным видом воскликнула Хелен. — У Эрни были мои долговые расписки. Полиция наверняка их найдет, и разразится страшный скандал.

— Долговые расписки? — хмуро переспросила Салли. — Откуда они у него? Откуда они вообще взялись?

— Расписки по моим карточным долгам. Невилл думает, что Эрни их выкупил.

— Зачем, ради всего святого? — изумилась Салли, и монокль снова выпал из ее глаза.

— Вот что значит кристальная чистота помыслов! — восхитился Невилл. — Мне даже неловко.

— Да все я понимаю! — пылко возразила Салли. — Но эта история с невыплаченными долгами чересчур vieux jeu*. Не дай Бог мне использовать такое в своих книгах!

— Так ты эскапистка? — сочувственно поинтересовался Невилл. — Поэтому пишешь неправдоподобные романы? Тебе невыносима суровая правда жизни?

* Старомодно (фр.).

— Мои романы неправдоподобные?! Возможно, ты не в курсе, что критики причисляют меня к шестерке лучших авторов детективов.

— Если ты им веришь, значит, совсем не разбираешься в людях, — парировал Невилл.

— Хватит! — в гневе крикнула Хелен. — Разве сейчас это важно? Мне-то что делать?

— Ладно, займемся твоей бедой, — проговорила Салли, отвернувшись от Невилла. — По-моему, мне известно далеко не все. Когда ты увлеклась Эрни Флетчером?

— Вовсе я им не увлеклась, просто Эрни был очень милым и умел сочувствовать. Почти как подруга... Нет, так, конечно же, не скажешь... Не знаю, как выразиться. Рядом с Эрни я чувствовала себя хрупкой фарфоровой статуэткой.

— Видимо, это делало твою жизнь интереснее, — задумчиво проговорил Невилл.

— Да замолчи ты! Продолжай, Хелен. Когда все началось?

— Ах, наверное, когда мы с ним познакомились, точнее, по-настоящему познакомились. Эрни не позволял себе вольностей — ничего подобного! Я только недавно поняла, что он об этом мечтал. Я думала... Господи, о чем я только думала?!

— Вообще ни о чем, — вставил Невилл. — Ты витала в облаках.

— Пожалуй, он прав, — кивнула Салли. — Ты явно потеряла голову. А что говорит Джон?

Ее сестра залилась краской и отвела взгляд.

— Не знаю. Мы с Джоном... стали чужими задолго до того, как в моей жизни появился Эрни.

Невилл в изнеможении рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

— Боже! — простонал он. — Дражайшая, давай и мы станем чужими людьми! Лучше так, чем я скачусь на клише.

— Если честно, я бы тоже запретила употребление «стали чужими людьми» и «вошел в мою жизнь», — призналась Салли. — Хелен, отбрось сантименты, дело-то серьезное. Я чувствовала, что у вас с Джоном не все гладко. Порой женщины не понимают, какой клад им достался! Что вы не поделили? Мне-то казалось, Джон — воплощение девичьих грез.

— Ах, разве такое объяснишь?! — Глаза Хелен наполнились слезами. — Я вышла за него совсем молодой и думала, что все будет как в моих мечтах. Я себя не оправдываю. Джон — хороший человек, но меня он не понимает и не разделяет моих стремлений — к развлечениям, веселью, удовольствию!

— Так ты его не любишь? — напрямик спросила Салли.

— Мне казалось, что люблю, только все пошло наперекосяк. Был бы Джон другим... ты же его знаешь! Если бы он устроил мне скандал или даже избил, я взялась бы за ум, но он просто заполз в свою раковину. Еще он вечно занят, а я скучала и стала отвлекаться без него. Салли, я правда не знаю, как все началось и как мы дошли до такой жизни, но теперь мы совершенно чужие. — По щекам Хелен заструились слезы. — Все бы отдала, чтобы повернуть время вспять, — добавила она дрожащим голосом. — Меж нами непреодолимая пропасть, а сегодняшняя трагедия добьет меня окончательно. Я запятнаю имя Джона, и если он потребует развода, соглашусь.

— Не будь душой! — постаралась утешить ее Салли. — Джон — человек порядочный и в беде тебя не бросит. За долги на развод не подают, а если у Эрни Флетчера найдут твои расписки, станет ясно, что ты не прелюбодейка.

— Если их найдут и все откроется, я наложу на себя руки! — воскликнула Хелен. — Я не вынесу этого, не вынесу! Джон не подозревает, что я лудоманка. Азартные игры он презирает больше всего на свете. Невилл — негодяй, однако сейчас он прав: история мерзкая.

— Великолепно! — искренне восхитилась мисс Дру. — Рафинированный грех, безжалостные хищники, а на десерт — самоубийства, так получается?

— Не помню ни рафинированности, ни самоубийств. Там очень скверно, только азарт есть азарт. Знал бы Джон, кто ходит в это место!.. Салли, если откроется, что я там была, в мою порядочность никто не поверит!

— Зачем же ты туда ходила?

— Чтобы нервы пощекотать. В Лаймхаус* для того и ездят. Сперва мне очень понравилось: азарт — это мое второе «я». Потом я проиграла довольно крупную сумму и опрометчиво решила, что смогу отыграться. Да ты, наверное, знаешь, какое болото эти карты.

— Что же ты жемчуг не продала?

Хелен слабо улыбнулась:

— Он ничего не стоит.

— Как? — охнула Салли.

— Это подделка, — с горечью пояснила Хелен. — Настоящий я давным-давно продала. И не только его. Я особа расточительная, а Джон предупреждал, что деньгами сорить не позволит. Вот я и продавала драгоценности.

— Хелен!

— Ты ведь искала материал для чего-то занятного? — не открывая глаз, спросил Невилл.

— Такое я не использовала бы, даже если бы речь не шла о Хелен, — проговорила Салли. — Это совсем

* Район на востоке Лондона, в описываемое время бедный, грязный, заселенный иностранными матросами.

не в моем стиле. Другое дело — убийство... Кстати, сестричка, кто тебя туда втянул? Милый Эрни?

— Нет, что ты! — вскричала Хелен. — Как раз наоборот, он меня вытащил. Говорил, что все образуется, просил не волноваться...

— Вот змей! — запальчиво воскликнула Салли.

— Эрни был таким обходительным! Он заполучил те мерзкие расписки, и сперва я была ему благодарна!

— А потом он начал тебя шантажировать!

— Н-нет, твои догадки не совсем верны. Расписки Эрни использовал, но, по-моему, не всерьез, как-то шутя, тем более он был сильно в меня влюблен. Наверное, я успокоилась и не воспринимала его должным образом, однако потом перепугалась и сон потеряла от мысли, что мои расписки у Эрни. Поэтому и обратилась к Невиллу — в надежде, что он меня выручит.

— К Невиллу? — с презрением переспросила мисс Дру. — Еще бы к деревенскому дурачку обратилась!

— Других помощников не нашлось. А Невилл очень умный, хоть и неисправим.

— По деревенским стандартам? — оживился Невилл.

— Возможно, мозги у него есть, но не припомню, чтобы он для кого-то старался. Или просто вел себя прилично. И вообще, как ты уговорила его помочь...

— Капля камень точит, — пробормотал Невилл.

— Раз обещал помочь, слово нужно держать. Ты хоть попытался?

— Да, и сцена получилась душераздирающая.

— Почему? Эрни вышел из берегов?

— Нет, скорее, удивился. Да и я тоже. Представь меня нордическим рыцарем на современный лад, ценящим приличия и хорошие манеры.

— Знаешь, ты не черствый, ты бездушный, — изрекла Салли и посмотрела на сестру: — Тебе нужна дуэнья?

— Да, в какой-то мере. Кроме того, я хотела тебя видеть.

— Спасибо! А что стряслось?

— Ничего, Салли, ничего! Глупо с моей стороны, но я подумала, что если спокойно поговорю с Эрни и положусь на его благородство, все будет хорошо. Ты работала над книгой, поэтому я взяла накидку и выскользнула через черный ход. Решила навеститься в Грейстоунс и застать Эрни в кабинете.

— Полагаю, ты не впервые навевывалась к Эрни таким образом, — сказала проникательная Салли.

Хелен зарделась:

— Нет, не впервые. Я пару раз к нему ходила, но потом поняла, что он в меня влюблен, и визиты прекратила. Честное слово, прежде я считала его кем-то вроде забавного дядюшки.

— Значит, ты совсем глупая. Рассказывай дальше! В котором часу ты устроила эту безумную вылазку?

— В половине десятого. Я знала, что к тому времени ты с головой уйдешь в свой глупый роман, — неожиданно огрызнулась Хелен. — Что Эрни в своем кабинете, я тоже знала, потому что когда свернула с Арденруд на Мейпл-гроув, из садовой калитки Грейстоунс вышел мужчина и зашагал к Вейл-авеню.

— Эйбрахам, — проговорил Невилл. — Значит, он ни при чем. Очень жаль, хороший кандидат.

— Не понимаю, о чем ты. Я вошла в сад и по дорожке направилась к кабинету. Эрни был там, но я быстро поняла, что явилась напрасно. Он держался... отвратительно. Ну, насколько способен обаятельный человек.

— Это все из-за моих игр в джентльмена, — проговорил Невилл. — Эрни не виноват.

— Долго ты у него была? — спросила Салли. — Подумай, это важно.

— Тут и думать нечего: я знаю, — ответила Хелен. — Эрни обмолвился, что нас могут застать вместе в такое

неподобающее время, а я взглянула на часы и сказала, что если без четверти десять для него неподобающее время, то он настоящий викторианец, а я-то считала его эдуардианцем*.

— Да уж, — кивнула Салли.

— Тут я всплыла, — призналась Хелен, — и той же дорогой вернулась сюда.

— Сразу вернулась?

Хелен смущенно взглянула на Невилла, который наблюдал за ней с ленивым удовольствием.

— Нет, — наконец сказала она, — не сразу. Скрипнула калитка, а я, разумеется, не хотела, чтобы меня заметили, и спряталась за куст у дома.

— Кто это был? — спросила Салли.

— Не знаю, не видела. Мужчина, насколько я поняла.

— Продолжай!

— Он вошел в кабинет и, по-моему, закрыл за собой стеклянную дверь. Голоса едва доносились.

— Тогда ты воспользовалась шансом и сбежала?

— Да, конечно, — кивнула Хелен.

— Никто, кроме Эрни, тебя не видел?

— Нет.

— И ты даже носовой платок под кустом не оставила?

— Конечно, нет.

— Тогда с убийством тебя связывают лишь расписки, — объявила Салли. — Надо заполучить их раньше полиции.

— Как? — воскликнула Хелен. — На столе их не было.

— Откуда ты знаешь? — мгновенно вскинулась Салли.

* Правление короля Эдуарда VII (1901—1910) характеризовалось отходом от строгой викторианской морали.

— Ну, Эрни что-то говорил...

— Я бы не слишком доверяла его словам. Расписки, конечно, могут быть в сейфе, но, надеюсь, сейфами Эрни не увлекался. Невилл, это по твоей части.

Молодой человек разлепил веки, обвел сестер сонным взглядом и подошел к столу, на котором стояла сигаретница. Закурил, достал свой пустой портсигар и не спеша его наполнил.

— Салли, милая, а ты палку не перегибаешь? — вкрадчиво спросил он.

— Ничего подобного. Ты там гостишь, ты обещал помочь Хелен и запросто разыщешь расписки. Пока к делу не подключился Скотланд-Ярд...

— Скотланд-Ярд! — охнула Хелен.

— По-моему, это неизбежно, — отозвалась Салли. — Ну как, Невилл, рискнешь?

— Нет, милая. — Невилл засунул последнюю сигарету в свой портсигар.

— Если бы речь шла о твоих расписках, ты бы не мешкал.

— Пожалуй, нет. — Невилл посмотрел на Салли. — Однако они не мои, и я не желаю иметь к ним ни малейшего отношения.

— Будь в тебе хоть капля порядочности или благородства...

— Умоляю, не делай из меня Гангу Дина*! Найди другого кандидата. Среди твоих знакомых наверняка множество джентльменов куда достойнее меня.

— Замечательно! — отозвалась Салли. — Сама справлюсь, если у тебя пороха не хватает!

— Не хочу остужать твой юношеский пыл, золотая моя, но должен предупредить: в передней Грейстоунс караулит решительно настроенный полицейский.

* Ганга Дин — герой одноименного стихотворения Р. Киплинга, честный, бесстрашный индеец.

У Салли аж лицо вытянулось.

— Об этом я не подумала, — медленно проговорила она. Тут у нее возникла идея. — Хочешь сказать, его оставили следить за домом?

— На гостя он не похож.

— Ты идиот, полный идиот! Зачем притащился сюда, если за домом следят?

— За сигаретами. Мои кончились.

— Не валяй дурака! Неужели не понимаешь, что привел полицию к Хелен?!

— Ничего подобного! — Невилл сконфуженно улыбнулся. — Я вылез из окна своей комнаты и перемахнул через ограду.

— Ты... Неужели? — воскликнула Салли, перестав хмуриться. — Если честно, такого я от тебя не ждала.

— Атавизм, — пояснил Невилл.

— Как тебе это удалось? — с восхищением спросила Хелен.

— Только не делайте неверных выводов! — с тревогой воскликнул Невилл. — Ни капли героизма, смелости и даже решительности не потребовалось.

— Не может быть!.. Я бы в жизни не отважилась.

— Дело не в отваге, а скорее, в преимуществах университетского образования.

— По-моему, ты поступил очень благородно, — возразила Салли. — Только, увы, долговые расписки это добыть не поможет.

— И не пытайся, — посоветовал Невилл. — Ты до них не доберешься. Наверное, они действительно у Эрни в сейфе.

— Любой сейф можно открыть, — мрачно проговорила Салли, подперев подбородок руками. — Думаю, код ты не знаешь?

— Впервые за целый вечер ты права. Господи, как я ненавижу женщин!

— Салли, ты умеешь открывать сейфы?! — От изумления Хелен даже забыла о своих проблемах.

— Пока не умею, но ничего, проштудирую литературу и научусь. Про суп я, разумеется, слышала.

— Про какой еще суп? — удивился Невилл. — Если речь о кулинарии, я неплохо подкован, хотя вдохновляюсь редко.

— Идиот! Какая кулинария?! Суп — смесь, которой открывают сейфы. Забыла, из чего именно ее готовят, но там есть взрывчатка.

— Правда? — воскликнул Невилл. — Какая прелесть! Дежурному полицейскому такой суп точно понравится.

— Готовить суп я не собиралась, даже если бы знала рецепт.

— Так проявляется твоя женская слабость. Преодолей ее, милая, и на сейфе не останавливайся. Взорви весь дом — заодно и полицейского уничтожишь.

— Смейся-смейся, — проворчала Салли. — Конечно, проблемы-то не у тебя! — Она встала и начала мерить комнату шагами. — Так, проанализируем ситуацию. Сейф открыть мы не можем, от полицейского избавиться не можем — ничего не можем. Писала бы я о таком в книге — наверняка нашла бы выход. Почему же сейчас руки опускаются?

— Во-первых, герои твоих книг куда отважнее нас, — со слабым подобием интереса заявил Невилл.

— Не обязательно.

— Еще как обязательно! Твои персонажи малость идеализированы. Во-вторых, герои твоих книг куда умнее нас. Книжная ты знала бы, как варить суп...

— И где купить неведомые мне составляющие, — добавила Салли.

— Вот именно. Хелен закричала бы «караул», выманила бы полицейского из дома, ты тем временем

взорвала бы сейф и сбежала с расписками, а я выдал бы байку про шум в кабинете и грабителя. По-твоему, хоть один из нас на такое способен?

— По-моему, нет. Да и сценарий твой никуда не годится, потому что делает из Хелен приманку и выдает нас с головой.

— Хелен никто бы не увидел. Пока полицейский будет выбираться из дома, она растает во мраке ночи.

— Давайте обсудим наши шансы! — взмолилась Хелен.

— Я пойду дальше и обрисую неизбежное. Мы затаимся, а полиция пусть себе хлопочет. Эрни мертв, так что нам остается лишь сохранять спокойствие. Мы всецело в руках судьбы. Завораживающая ситуация!

— И очень опасная, — уточнила Салли.

— Конечно! Но неужели страх тебя не завораживает? Хелен в ее карточном аду еще как завораживает.

— Хватит об этом! — воскликнула Хелен. — Довольно ужасных разговоров, я от них в полном отчаянии.

— Прими бикарбонат калия, — посоветовал Невилл, — а я пойду домой, спать. Кстати, спасибо за сигареты. И еще, кстати, где сейчас, по-твоему, Джон?

— В Берлине, — не раздумывая ответила Хелен.

— Там его нет, — объявил Невилл. — Я сегодня видел его в Лондоне.

Мертвенно-бледная Хелен тотчас вскочила и впилась в него обжигающим взглядом:

— Неправда! Джон точно в Берлине.

— А я его видел, — пробормотал Невилл. Он уже стоял у окна и собирался раздвинуть шторы.

— Тебе показалось! — воскликнула она, бросившись к молодому человеку. — Думаешь, мне неизвестно, где мой муж?

— Что ты, милая! — проворковал Невилл. — Разве я такое говорил?

Глава третья

— Дело, по-моему, небезнадежное, — заявил сержант Хемингуэй, возвращая своему начальнику пачку листов с машинописным текстом.

— Пожалуй, — согласился Ханнасайд. — Но любопытные моменты есть.

— Да, суперинтендант, — кивнул инспектор Тру. — Я так себе и сказал. К примеру, следы. Их оставила не старая леди: она такую обувь не носит.

— Значит, горничная со своим кавалером прощалась, — предположил опытный Хемингуэй.

— Вряд ли, — возразил Ханнасайд. — Горничная не повела бы кавалера под окно хозяина.

— Тамошняя повариха — женщина очень порядочная, она замужем за дворецким Симмонсом, — сказал инспектор, — а горничная — ее племянница. Миссис Симмонс клянется, что ни горничная, ни судомойка тем вечером из дома не отлучались.

— По-моему, следы тут не главное, — упрямылся Хемингуэй. — Нужно разыскать того типа — как бишь его? — ну, которого Гласс видел. Только и всего.

— Вы злитесь, старина? — изогнул бровь Ханнасайд.

— Не люблю простые дела. Что в них интересного? И проломленные черепа не люблю. Мне бы что-нибудь тонкое и витиеватое...

— Повторяю, здесь есть любопытные моменты. — Ханнасайд слабо улыбнулся. — Похоже, убитого все любили. Ни у кого не было ни тени мотива.

— Ну, мы еще не начали расследование, — проговорил Хемингуэй. — Уверен, стоит копнуть чуть глубже, как появится целое море фигурантов с уймой мотивов.

— Вы же только что сказали, что нужно лишь найти типа, которого видел констебль Гласс.

— Да, шеф, я так сказал и, думаю, не ошибся. Но помяните мое слово, пуганицы здесь будет предостаточно. Я на таких делах собаку съел.

— А по-моему, — медленно начал инспектор, — главное — найти орудие убийства.

— Да, орудие — один из тех любопытных моментов, — отозвался Ханнасайд. — Гласс, похоже, уверен, что незнакомец, которого он видел, уходил с пустыми руками. Кстати, что за человек этот Гласс? Надежный?

— Очень надежный, сэр, совестливый и глубоко верующий. У них в церкви борются с дьяволом и получают право судить от имени Господа. Сам я англиканин, однако на свете кого только нет! Сэр, я хотел отдать его в ваше распоряжение. Гласс — один из лучших моих людей: не слишком быстрый, зато уравновешенный и ответственный. Да и труп обнаружил именно он, так что вполне логично прикрепить его к следственной группе.

— Хорошо, — рассеянно кивнул Ханнасайд, пробегая глазами отпечатанный листок.

— Хочу предупредить вас, сэр, — начал инспектор, кашлянув. — У Гласса весьма неприятная привычка цитировать Библию к месту и не к месту. Он любитель мелодраматизма, если вы понимаете, о чем я.

— Уверен, сержант Хемингуэй найдет с ним общий язык, — проговорил Ханнасайд, явно заинтересовавшись.

— Эх, не зря мне это дело не понравилось, — буркнул Хемингуэй.

Через полчаса Хемингуэй осмотрел сад усадьбы Грейстоунс, изучил следы под кустом цветущей смородины, недовольно взглянул на неповоротливого здоровяка Гласса и повторил свое высказывание.

— «Если ты в день бедствия оказался слабым, то бедна сила твоя»*, — пожурил его Гласс.

— Дружище, станете дерзить — мы не поладим, — с откровенной неприязнью отозвался Хемингуэй.

— Слова не мои, сержант, они из Священного Писания, — пояснил Гласс.

— Всему на свете есть свое место и свое время, — парировал Хемингуэй. — Сейчас не время для Священного Писания и явно не место. Так, слушать меня! В котором часу вчера вечером из Грейстоунс выскользнул тот тип? Сразу после десяти?

— Да, сержант.

— Уже темнело?

— Верно, сержант.

— Стемнело настолько, что как следует рассмотреть его не удалось?

— Лицо рассмотреть не удалось, а вот запомнить, как он сложен и как одет, я сумел.

— А разобрать, было что у него в руках или нет, вы не сумели?

— Он шел с пустыми руками, — уверенно ответил Гласс. — Я не стану лжесвидетельствовать против ближнего своего.

— Довольно! — воскликнул Хемингуэй. — Вы давно служите в этом районе?

— Три года, сержант.

— Что вам известно о Флетчерах?

— «Выкатились от жира глаза их, бродят помыслы в сердце»**.

— Да, ценное наблюдение. А о племяннике что скажете?

— О нем мне ничего не ведомо — ни хорошего, ни дурного.

* «Книга Притчей Соломоновых» 24:10.

** Псалтирь 72:7.

— А о покойном Эрнесте?

— «Стремящийся к злу стремится к смерти своей»*, — проговорил Гласс, заметно помрачнев.

— К какому еще злу? — насторожился Хемингуэй. Гласс пронзил его строгим взглядом:

— Его душа погрязла в суете, лицемерии, блуде...

— Довольно! — воскликнул сержант. — Все мы не без греха. Насколько я понимаю, покойного Эрнеста многие любили.

— Да, правда. Он слыл человеком обходительным и добрым. «Но лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?»**

— Я не спорю, но откуда вам известно про блуд? Следы под окном подсказали?

— Нет, не следы, а Джозеф Симмонс. Человек глупый, но идет дорогой добра. И знает тайны хозяина своего.

— Неужели? Сейчас проверим! — сказал сержант и быстро проследовал к дому.

Через стеклянную дверь Хемингуэй вошел в кабинет и обнаружил там своего шефа в компании адвоката Эрнеста Флетчера. В кресле развалился Невилл Флетчер с сигаретой в зубах.

— Суперинтендант, позвольте мне удалиться, — проговорил адвокат. — Если возникнут дополнительные вопросы, вот моя визитка.

— Спасибо, — поблагодарил его Ханнасайд.

Адвокат положил завещание Эрнеста Флетчера в портфель и настороженно взглянул на Невилла поверх пенсне:

— Невилл, вам очень посчастливилось. Надеюсь, вы окажетесь достойным благ, которыми наделил вас бедный дядя Эрнест.

* «Книга Притчей Соломоновых» 11:19.

** «Книга пророка Иеремии» 17:9.

Губы Невилла тронула улыбка.

— Я тоже надеюсь! Очень постараюсь, чтобы пош-
лое богатство не сгубило мою душу.

— Богатство — это большая ответственность, —
строго сказал адвокат.

— Я в курсе. Увы. Придется носить шляпу и сле-
дить за новостями.

— Надеюсь, этим вы не ограничитесь, — отозвал-
ся адвокат. — А сейчас, если позволите, я хотел бы
побеседовать с вашей тетушкой. Не проводите меня
к ней?

Невилл поднялся и распахнул дверь перед адвока-
том. Они вместе вышли из кабинета.

— Это что за тип? — спросил шефа Хемингуэй, сто-
явший у стеклянной двери.

— Наследник, — ответил Ханнасайд. — Мистер Не-
вилл Флетчер.

— Вряд ли он наш фигурант. Даже стоять ровно не
в состоянии.

— Сержант, внешность обманчива. — Глаза Ханна-
сайда лукаво блеснули. — Этот вялый молодой чело-
век — рекордсмен по прыжкам в высоту и, по словам
адвоката, член сборной команды Оксфорда.

— Правда? В жизни бы не подумал. И он наслед-
ник? Пожалуйста, мотив для убийства номер один.

— Надо обратить на него внимание, если с тем не-
известным посетителем ничего не выйдет, — произ-
нес Ханнасайд. — Смотрите, какие сокровища нам
попались!

Сержант подошел к столу и, глянув через плечо
шефа, разглядел три листочка, подписанные Хелен
Норт.

— Долговые расписки, — пробормотал он. — Леди
сорила деньгами будь здоров!.. От этих бумажек мерзко

пахнет шантажом. Думаю, наш друг Ихавод* с разговорами об изобличении зла недалек от истины.

— Мое имя не Ихавод, а Малахия**, — чопорно поправил из сада Гласс.

— Какая досада! — отозвался Хемингуэй. — Шеф, а те следы, какова их цена?

— По заключению экспертов, крайне маловероятно, что смертельный удар Эрнесту Флетчеру нанесла женщина. Тем не менее я тоже считаю, что эти расписки стоит изучить.

— Молодой Невилл об этой Хелен Норт не слышал?

— Я не спрашивал. Пока не хочу поднимать лишний шум: вдруг расписки к делу не относятся? — Ханнасайд перехватил взгляд Гласса. — А вам это имя что-нибудь говорит?

— Супруги Норт проживают менее чем в пяти минутах ходьбы отсюда, — медленно ответил Гласс.

С губ Хемингуэя сорвался беззвучный свист.

— Вы их знаете? — спросил Ханнасайд.

— Нет, сэр.

— А адрес?

— Их дом стоит на улице, параллельной Мейплгроув, и называется Честнатс.

Хемингуэй тем временем рассматривал фотографии, лежащие на столе.

— Да, Гласс, похоже, вы не промахнулись. Нужно отдать должное покойному Эрнесту: знал толк в женщинах. Настоящий гарем! — Он с восхищением взглянул на большой портрет очаровательной блондинки, одетой во что-то вроде веера из страусовых перьев. — Танцовщица Лили Логан. Ай да фигура!

Гласс содрогнулся и отвел глаза.

* Имя Ихавод в переводе с иврита означает «бесславию».

** Имя Малахия в переводе с иврита означает «вестник мой».

— «Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его?»* «Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и безрассудная»**.

— У каждого свое мнение, — пробормотал Хемингуэй и, отложив портрет Лили Логан, оценивающе посмотрел на другую улыбающуюся красотку. — Вот что значит жить в свое удовольствие! О-па! — Его взгляд остановился на портрете кудрявой брюнетки. — Эту леди я где-то видел.

— Неудивительно, если вспомнить, что подруги покойного в основном из кордебалета, — сухо отметил Ханнасайд.

— «С любовью от Энжелы», — прочел вслух сержант и задумчиво потер подбородок. — В памяти что-то крутится... Шеф, а вам это лицо не знакомо?

Ханнасайд глянул на фотографию.

— Немного знакомо, — признал суперинтендант. — Актриса, наверное. В ближайшее время проверим.

Хемингуэй держал фотографию в вытянутой руке.

— А вы, Гласс, не в курсе?

— Не желаю смотреть на блудницу, — огрызнулся Гласс. — «Последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый»***.

— Слушайте, да что с вами такое? — не выдержал сержант. — Какая-то актриса дала от ворот поворот?

— Я не вожусь с актрисами.

— Тогда прекратите их поносить! — Хемингуэй положил портрет на стол. — Шеф, у вас еще есть вопросы?

— Пока нет.

Распахнулась дверь, и в кабинет вошла мисс Флетчер. Бледная, в глубоком трауре, она смогла улыбнуться Ханнасайду.

* «Книга Притчей Соломоновых» 6:27.

** «Книга Притчей Соломоновых» 11:22.

*** «Книга Притчей Соломоновых» 5:4.

— Ах, суперинтендант... Вы ведь суперинтендант, да? Ханнасайд поднялся и незаметно накрыл фотографии бюваром.

— Совершенно верно, мадам.

Мисс Флетчер взглянула на заваленный бумагами стол.

— Боже мой, сколько у вас работы! Чаю не желаете? Ханнасайд отказался, чем явно разочаровал хозяйку, и спросил, не хочет ли она с ним поговорить.

— Да, пожалуй, только, может, в другое время? Вы сейчас заняты, я не должна вас отвлекать.

— Мисс Флетчер, я в вашем полном распоряжении. Присядьте, пожалуйста. Гласс, подождите в коридоре.

— У вас такое доброе лицо! — заворковала мисс Флетчер. — Ничего подобного я не ожидала. Подкрепиться точно не желаете? Чашку кофе с сэндвичем?

— Спасибо, мисс Флетчер, не нужно. О чем вы хотите поговорить?

— Боюсь, я напрасно трачу ваше время. Следовало спросить дорогого мистера Лоуренса, пока он был здесь. Мы с ним знакомы так давно, что считаем скорее другом, чем адвокатом. Надеюсь, он тоже так считает, хотя совмещать обе роли не обязан. Да, зря я его не спросила: вопрос как раз по его части...

— В чем дело, мисс Флетчер? — осведомился Ханнасайд, прервав бессвязный монолог.

— В репортерах, — призналась она. — Понимаю, беднягам нужно зарабатывать на жизнь, и если вдуматься, работа у них не из легких, да и обижать людей не хочется...

— Они вам докучают? — перебил Ханнасайд. — Просто передайте через дворецкого, что заявлений делать не намерены.

— По-моему, это не слишком любезно, — неуверенно проговорила мисс Флетчер. — Один из бедняг

явно страдает от истощения. С другой стороны, очень не хочется видеть свою фотографию в газетах.

— Конечно, мисс Флетчер. Чем меньше вы им скажете, тем лучше.

— Полностью с вами согласна, но что делать с племянником? Невилл — большой балагур, а кто знает, во что поверят люди. Не могли бы вы с ним поговорить? Думаю, к вашим словам он прислушается больше, чем к моим.

— Что он затеял? — спросил Ханнасайд.

— Представился репортеру нашим лакеем. Мол, его фамилия Криппен*, но он желает остаться инкогнито.

Ханнасайд ухмыльнулся:

— Ну, мисс Флетчер, из-за этого слишком переживать не стоит.

— Да, пожалуй, только другим репортерам Невилл представился югославским шпионом, прибывшим в Лондон с секретным заданием. Сейчас он на лужайке у парадного крыльца — потчует газетчиков нелепицей о международном заговоре, у истоков которого якобы стоял мой брат. Невилл — прекрасный актер, да еще по-сербски говорит, недаром по Балканам путешествовал. А ведь репортеров обманывать нехорошо, как вы считаете?

— Да, с прессой шутки плохи, — согласился Ханнасайд. — Прошу вас, Хемингуэй, скажите мистеру Флетчеру, что я хочу с ним побеседовать.

— Как мне вас благодарить!.. — воскликнула мисс Флетчер. — Нельзя забывать, что бедняжка Невилл вырос без материнской ласки. По-моему, этим многое объясняется. Он милый мальчик, и я очень его люблю, но почему-то бессердечный, как многие молодые люди в наши дни. Ничто его не трогает, даже трагедия вро-

* Харви Криппен — американский стоматолог-гомеопат, повешен за убийство жены.

де этой. — У мисс Флетчер задрожали губы, она нащупала платочек и промокнула глаза. — Извините, мы с покойным братом были очень близки. До сих пор не верится, что с ним могло такое случиться.

— Понимаю, мэм, для вас это страшный удар, — с сочувствием проговорил Ханнасайд.

— Да, мой брат был само обаяние. Его все любили.

— Мисс Флетчер, я сделал точно такой же вывод. Тем не менее выходит, как минимум один враг у вашего брата был. Вам никто в голову не приходит?

— Нет! Впрочем, все его... знакомые мне неизвестны. — Она с тревогой взглянула на Ханнасайда. — Мне хотелось и об этом с вами поговорить... Боюсь, вас удивит, что я затрагиваю такую тему...

— Мисс Флетчер, можете быть со мной предельно откровенны, — подбодрил ее Ханнасайд.

— Мой брат, — чуть слышно начала она, глядя ему через плечо, — заводил отношения... с женщинами.

Ханнасайд кивнул.

— Я брата не расспрашивала, и сам он ничего не рассказывал, но я, конечно же, знала о его романах. В дни моей юности дамы такое не обсуждали. Сейчас другие времена, молодые люди говорят на любые темы, и, по-моему, напрасно. Кое о чем лучше умалчивать, как вы считаете? Однако мне пришлось в голову — я всю ночь об этом думала, — что моего брата могли убить... из ревности.

— Не исключено, — отозвался Ханнасайд.

— Если так, все обязательно вскроется. Но если вы поймете, что причина в другом, или вообще не выясните, кто убийца... может, личную жизнь моего брата не стоит предавать огласке?

— Разумеется, — кивнул Ханнасайд. — Я прекрасно понимаю вашу позицию и ваши чувства, мисс Флетчер. Обещаю уважать их, насколько возможно.

— Вы так добры! — вздохнула мисс Флетчер. — Я опасаюсь, что газетчики напечатают какую-нибудь гадость о моем бедном брате, ну, что письма раздобудут... Наверное, вы понимаете, о чем я.

— Об этом не тревожьтесь, — успокоил ее Ханна-сайд. — Письма такого свойства мы не обнаружили.

— Очень вам благодарна! — выпалила мисс Флетчер. — У меня камень с души свалился.

Тут в кабинет вошел ее племянник в сопровождении сержанта Хемингуэя. Мисс Флетчер встала и робко улыбнулась суперинтенданту. Невилл о чем-то рассказывал, как всегда быстро и негромко, а по внимательному лицу Хемингуэя было ясно, что рассказ интересный. Увидев тетю, Невилл запнулся на середине предложения и посоветовал ей откровенничать с полицией только в присутствии адвоката. Мисс Флетчер объяснила Ханнасайду, что Невилл шутит, и направилась к двери.

— Полиции нужно подчиняться, но вы, суперинтендант, прервали меня в самый неподходящий момент! — посетовал Невилл, закрыв за ней дверь.

— Очень жаль. — Глаза Ханнасайда лукаво блеснули. — Сложности на международной арене?

— Ага, я только выпустил на сцену черногорского патриота с ножом...

— Послушайте моего совета, не дурачьте прессу. Вряд ли, конечно, но вдруг вашу байку про заговор напечатают?

— Очень на это надеюсь! — воскликнул Невилл. — Байка отличная, и сочинял я ее с большим тщанием. У вас ко мне дело? Я рассказывал сержанту про свои приключения в Скопье. Приличной историю не назовешь, но, к счастью, ваш сержант отнюдь не праведник. Да мы с ним почти родственные души!

Усмешка мигом исчезла с лица Хемингуэя. Он густо покраснел и смущенно откашлялся.

— По-моему, сейчас не время для похабных анекдотов, как вы считаете? — спросил Ханнасайд.

— Не согласен! — радостно воскликнул Невилл. — Грязные истории хороши в любой момент, была бы подходящая компания.

— Скажите, мистер Флетчер, вы хорошо знали своего дядю?

— Думаю, мне проще сказать «нет». Чувствую, еще немного, и наш разговор пойдет в тупик.

— Почему? — без обиняков спросил Ханнасайд.

— Чужая душа — потемки. Матери твердят, что знают своих детей как облупленных. Они ошибаются. Грубо ошибаются. Назойливость неприятна. Она сбивает с толку и тревожит.

Смысл рубленых, как телеграфное сообщение, фраз Ханнасайд уловил не без труда.

— Все же я хотел бы получить ответ. Вы знали своего дядю, насколько один человек может знать другого?

— Нет. Усвоению нового всегда предшествует интерес.

— А вас дядя не интересовал?

— Ни он, ни кто другой. Разве только вынужденно, да и то большой вопрос. Вы любите людей?

— А вы нет?

Невилл развел руками и чуть заметно ссутулился.

— Разве что некоторых и самую малость.

— Вы аскет? — сухо спросил Ханнасайд.

— Скорее, гедонист. Близкие отношения приятны лишь поначалу, а потом они в тягость.

— Мысли у вас оригинальные, — хмуро отметил Ханнасайд, — только расследованию не помогут.

Глаза Невилла лукаво вспыхнули.

— Так держитесь от меня подальше. Сами видите, помогать я не желаю. Длительное общение со мной пагубно для ваших нервов.

— Вы правы, — процедил суперинтендант. — Не смею вас дольше задерживать.

— Можно мне вернуться к дражайшим репортерам?

— Да, если находите это приятным или... разумным.

— Не хуже кормления золотых рыбок, — отозвался Невилл и скользнул за стеклянную дверь.

Сержант проводил его взглядом и шумно выдохнул.

— Ну и тип! Никогда таких не видел.

Ханнасайд заворчал, и Хемингуэй испытующе на него посмотрел:

— Вы к нему не прониклись, да, шеф?

— Нет, и не поверил ему.

— Признаюсь, я не до конца понял, о чем он толкует.

— По-моему, он знает больше, чем показывает, и не хочет, чтобы его допрашивали. Так или иначе, Невилл подождет. — Ханнасайд глянул на свои часы и поднялся. — Займитесь бумагами и фотографиями, а я навещу миссис Норт. Эйбрахама Бадда тоже оставляю вам. Вернетесь в город, узнайте в управлении, нет ли чего любопытного среди отпечатков пальцев.

До Честнатс суперинтендант добрался без приключений, вручил свою визитку и вскоре попал в уютную гостиную в глубине дома. Там он застал не только Хелен Норт, но и мисс Дру, которая сидела у окна за пишущей машинкой.

— Доброе утро! — взволнованно сказала Хелен, шагнув навстречу гостю. — Я миссис Норт. Вы хотели меня видеть?

— Да, — ответил Ханнасайд и, кинув взгляд в сторону окна, добавил: — Думаю, нам стоит поговорить наедине.

— Нет! Пусть моя сестра останется. Не присядете? Я... никогда прежде не принимала детективов.

— Миссис Норт, я расследую убийство Эрнеста Флетчера, который, насколько мне известно, был вашим знакомым.

— Да-да, продолжайте, пожалуйста!

— Так вам известно, что мистер Флетчер убит? — спросил Ханнасайд.

— Это известно и нам, и мяснику, и молочнику, и всем слугам, и почтальону, и мальчишке-газетчику, — вмешалась Салли, не дав сестре и рта открыть.

Суперинтендант оценивающе на нее посмотрел и коротко кивнул.

— Худые вести не лежат на месте, особенно в пригородах, — с натянутой улыбкой проговорила Хелен.

— Да, наверное, — согласился Ханнасайд. — Миссис Норт, когда вы в последний раз видели мистера Флетчера?

— С какой целью вы задаете этот вопрос? — осведомилась Салли.

— Я расследую убийство, мисс...

— Меня зовут Салли Дру. Неужели вы считаете, что моей сестре известны подробности убийства?

— Я готов поверить, что подробности ей неизвестны, — ответил Ханнасайд с неожиданным для Салли добродушием. — Но у меня есть и повод, и право задать миссис Норт определенные вопросы.

— Разумеется, разумеется! — закивала Хелен. — Вспомнить бы еще, когда я в последний раз видела Эрнест Флетчера. По-моему... мы встречались в Лондоне. Да, на вечеринке неделю назад.

— И с тех пор ни разу? Вы уверены?

Ханнасайд внимательно следил за Хелен: ее щеки то краснели, то бледнели, а настороженный взгляд говорил о сомнениях.

— Да, уверена. Конечно, уверена!

— А вчера вечером или ночью вы, случайно, его не видели?

— Вчера вечером? — переспросила Хелен. — Нет. С чего вы взяли?

— У меня есть основания предполагать, что вчера вечером мистера Флетчера навестила некая дама.

— Боже милостивый, почему же непременно я?

— Миссис Норт, поймите меня правильно, — спокойно начал Ханнасайд. — Я не утверждаю, что та дама — вы. Более того, мне неловко беспокоить вас такими вопросами. Но факт присутствия дамы в усадьбе Грейстоунс расследовать необходимо. Кем бы ни была та особа, она может пролить свет на убийство.

— Каким образом? — быстро спросила Хелен.

— По чистой случайности она могла видеть убийцу.

— Ой! — вздрогнула Хелен. — Но откуда нелепое предположение, что это я...

— Миссис Норт, сомнения разрешить проще простого, — сухо заявил Ханнасайд, не дав ей закончить. — Какой у вас размер обуви?

Лицо Хелен перекопилось от страха. Она взглянула на сестру, которая тотчас пришла на помощь:

— Пять с половиной, как и у меня, да?

— Да, правильно! Думаю, этот размер почти у всех женщин нашего роста.

— Спасибо! — сказал Ханнасайд. — Не одолжите мне туфли, которые вы носили вчера вечером?

— Одолжить туфли? Право, суперинтендант, это невозможно.

— Почему, миссис Норт?

— Ну, видите ли... Глупость какая! Я не замешана в убийстве Эрни Флетчера!

— Значит, вы с легким сердцем на полчаса одолжите мне свои туфли, — подытожил Ханнасайд.

— Конечно, одолжит! — заверила его Салли. — И я свои дам. Я тоже знала Эрнеста Флетчера, поэтому так же, как сестра, могла быть вчера в Грейстоунс.

— Верно, да не совсем, — отозвался Ханнасайд.

Хелен опустилась на диван.

— Это невыносимо! — прохрипела она. — Почему вы терзаете меня? Только потому, что я знала Эрни Флетчера...

— Снова верно, да не совсем. Миссис Норт, это ваши?

Хелен посмотрела на листочки, которые суперинтендант достал из записной книжки. Она густо покраснела, зато немного расслабилась.

— Да, мои. И что с того?

— Полагаю, вы согласитесь, что они требуют объяснения. Вы одалживали деньги у мистера Флетчера?

— Нет. Все не так, как вы думаете. Эрни перекупил долги, чтобы вызволить меня... из беды, и я... понемногу их выплачивала. — Хелен украдкой подняла глаза и, теребя носовой платок, добавила: — Не хочу, чтобы об этом знал мой муж. Он... то есть я... Это просто кошмар!

— Хорошо понимаю ваше нежелание обсуждать свою личную жизнь. Наверное, вам будет проще решиться на откровенность, если скажу, что, помимо вероятной связи с делом, эти расписки меня не интересуют и раздувать ненужный... скандал я совершенно не намерен.

— Скандал раздувать не из-за чего, — отозвалась Хелен. — Мистер Флетчер был мне просто другом, а наши отношения — дружескими. Не знаю, что вы себе представляете...

— Не хотите, чтобы представлял, — будьте со мной откровенны. Я сказал, что понимаю вашу позицию, миссис Норт, но, согласитесь, присутствие ваших расписок в сейфе Эрнеста Флетчера требует досконального расследования. Если убедите меня в том, что не приходили в Грейстоунс вчера вечером, я не стану беспокоить расспросами, которые вам, естественно, неприятны. Но если оставите свое заявление голословным и не по-

зволите сравнить туюфлю со следами, обнаруженными в саду, буду вынужден продолжить расследование. Боюсь, тогда неуютной вам огласки не избежать.

Салли встала из-за стола и подошла к гостю.

— Суперинтендант, это очень похоже на угрозу.

— Пожалуй, вы правы, — невозмутимо отозвался тот. — Хотя это не угроза. Я лишь пытаюсь доказать вашей сестре, что лучший вариант для нее — полная откровенность. Если понадобится расспрашивать ее слуг о том, где она была накануне вечером...

— Ясно. — Салли недовольно скривилась, достала сигарету из стоящей на столе сигаретницы, вставила в мундштук и, задумчиво взглянув на Ханнасайда, вытащила из кармана зажигалку. Появился язычок пламени, Салли закурила и, снова взглянув на Ханнасайда, сказала: — Он прав, Хелен, и твоей личной жизнью впрямь не интересуется.

В глазах Хелен мелькнула паника.

— Да, вчера я навещала Эрни Флетчера, — призналась она после небольшой паузы. — Как я уже объяснила, он был... он был мне добрым другом, несмотря на разницу в возрасте. Я считала его дядюшкой.

— Понятно, — кивнул Ханнасайд. — Вы пошли к нему с определенной целью?

— Не совсем. Моя сестра была занята, я скучала и, подумав, что еще не поздно, решила навестить Эрни.

Хелен почувствовала, что краснеет, но Ханнасайд лишь спросил:

— В котором часу вы пришли в Грейстоунс?

— Примерно без двадцати пяти десять: из дома я вышла в половине десятого.

— Мисс Норт, а теперь расскажите, что случилось дальше.

— Рассказывать почти нечего. Шла я по Арден-роуд, во-первых, потому что так быстрее, чем по нашему переулку и Вейл-авеню, а во-вторых — наверное,

вы удивитесь, только ничего удивительного нет, — не хотелось встречаться с мисс Флетчер. Вот я и решила, если войду через садовую калитку, то вполне могу застать Эрни... мистера Флетчера в кабинете. — Хелен сделала паузу и с отчаянием воскликнула: — Ужасно! Звучит как рассказ о пошлом любовном свидании, но это не так, совсем не так!

— Не надо унижаться, — посоветовала ей сестра. — Разумеется, это не так, иначе для визита к Эрни ты сочинила бы убедительный предлог.

— Прекрати! Думаешь, я не понимаю, какое впечатление производят мои слова? Впечатление ложное, ведь мало кто знает, в каких отношениях я была с Эрни.

— Ты экзальтированная идиотка; не сомневаюсь, что у суперинтенданта сложилось именно такое впечатление, — бодро сказала Салли. — Почему ты вошла через калитку, к делу совершенно не относится, так что рассказывай дальше.

— Так, о чем же я... Ах да! Мистер Флетчер был в своем кабинете... Ой, совсем из головы вылетело! Когда я свернула на Мейпл-гроув, из сада Флетчеров выходил мужчина. Не знаю, важно ли вам это.

— Описать его можете?

— Невысокий толстяк, больше ничего не помню. Солнце уже село, и лицо его разглядеть не удалось. Мужчина направился в сторону Вейл-авеню, а я, как уже говорила, застала мистера Флетчера в его кабинете.

— Он был один?

— О да!

— А потом?

— Потом... потом ничего. Мы с ним... поговорили, я сказала, что мне пора домой, и ушла.

— Помните, в котором часу это было?

— Без четверти десять.

— Без четверти десять? — переспросил суперинтендант, оторвавшись от блокнота.

— На каминной полке стоят часы, и я обратила внимание на время.

— Получается, вы провели с мистером Флетчером не более десяти минут?

— Получается, так. Да, минут десять.

— Весьма короткий визит, вам не кажется, миссис Норт?

— Почему вас... Не понимаю, о чем вы.

— Я удивлен. Вы, по собственному утверждению, отправились к мистеру Флетчеру развеять скуку, а провели с ним десять минут. Случилось нечто, заставившее вас поспешно уйти?

— Ничего подобного. Просто мистер Флетчер был занят, и я решила ему не докучать.

Ханна сайд сделал запись в блокноте.

— Ясно. Итак, из кабинета вы вышли в 21:45. Домой отправились той же дорогой?

— Да, только не сразу. Скрипнула калитка. Мне совершенно не хотелось столкнуться с кем-нибудь в саду Флетчеров, в такой-то час! Вот я и спряталась за кустом.

— Выходит, мистер Флетчер не проводил вас до калитки?

— Нет, — пролепетала Хелен, — зачем ему?

— Да, в самом деле! — воскликнул Ханна сайд. — Итак, миссис Норт, вы спрятались за кустом. Вошедшего в сад не видели?

— Уже стемнело, а из-за куста много не разглядишь. Могу лишь сказать, что это был мужчина, довольно невзрачный, лицо его помешала рассмотреть шляпа.

— Что за шляпа, миссис Норт?

— По-моему, хомбург.

— Светлая или темная?

— Кажется, светлая, — неуверенно ответила Хелен.

— А трость вы не заметили?

— Трости точно не было.

— Мужчина вошел в дом?

— Да, в кабинет мистера Флетчера.

— Что случилось дальше?

— Понятия не имею. Я ушла при первой же возможности и больше ничего сказать не могу.

Ханнаайд захлопнул блокнот и испытующе взглянул на Хелен.

— Миссис Норт, вы утверждаете, что ваш визит к мистеру Флетчеру не связан с этими расписками?

— Не понимаю, я же...

— По-моему, вы рассказали не всю правду.

— Не знаю, что вы думаете и что подозреваете, но...

— Я подозреваю, что мистер Флетчер угрожал использовать эти расписки против вас.

— Абсурд! Мистер Флетчер был моим другом.

— Тогда почему он хранил ваши долговые расписки в сейфе? Если вы правы и он приобрел их из благородных побуждений, разве не естественно было уничтожить их или вернуть вам?

— Намекаете, что мистер Флетчер меня шантажировал? Какая чушь! Боже милостивый, зачем ему меня шантажировать?

— Возможно, он пытался таким образом получить то, что вы, миссис Норт, давать не желали.

— Вы не имеете права! — зардевшись, воскликнула Хелен. — И вообще, о каком шантаже вы говорите?

— Думаю, мистер Флетчер угрожал показать эти расписки вашему мужу.

— Он... он бы так не поступил! — слабо возразила Хелен.

— Миссис Норт, где ваш муж?

— В Берлине: уехал на прошлой неделе и вернется не раньше среды.

Уже на последних словах Хелен изменилась в лице. Щелкнул замок входной двери, и Ханнаайд проворно оглянулся. На пороге, держась за дверную ручку, стоял мужчина с холодными серыми глазами.

Глава четвертая

Хелен испуганно вскрикнула, побледнела как полотно и в оцепенении уставилась на вошедшего. Тишину нарушила Салли.

— Привет, Джон, — беззаботно бросила она. — Откуда ты взялся?

Джон Норт закрыл дверь и отошел от порога.

— Как дела, Салли? — Красивый статный мужчина среднего роста, он излучал спокойствие и уверенность в себе. Джон пожал руку свояченице и кивнул жене. — Хелен, Салли не дает тебе скучать?

— Да, она меня навещает... Джон, как ты здесь оказался? Я думала, ты в Берлине.

— Разобрался с делами быстрее, чем рассчитывал. — Джон оценивающе взглянул на Ханнасайда. — Ты нас познакомишь?

— Конечно. — Хелен умоляюще взглянула на Ханнасайда. — Это суперинтендант... Простите, я забыла вашу фамилию.

— Ханнасайд, — подсказал тот.

— Да, из Скотланд-Ярда. Джон, случилось нечто страшное, просто-напросто отвратительное. Убит Эрнест Флетчер.

— Это не объясняет присутствия суперинтенданта в моем доме, — спокойно проговорил Джон. — Суперинтендант, что вы здесь делаете?

— Джон, неужели ты не понимаешь? — затараторила Хелен, не дав Ханнасайду открыть рот. — Суперинтендант всеми силами пытается раскрыть преступление. Он услышал, что я знала Эрни, и пришел спросить, не могу ли я ему помочь. Разумеется, не могу, для меня все это тайна, покрытая мраком.

Джон Норт удивленно приподнял брови:

— Суперинтендант, вы обходите всех знакомых Флетчера? Или подозреваете, что череп ему разможила моя жена? Вряд ли ей это по силам.

— Вы отлично проинформированы, мистер Норт. Откуда вам известно, что Эрнесту Флетчеру разможили череп?

Джон Норт смерил полицейского насмешливым взглядом, достал из-под мышки газеты и протянул Ханнасайду:

— Вот, ознакомьтесь с моим источником информации, если желаете.

— Быстро они, — отметил Ханнасайд, пробежав глазами колонки вечерней газеты. — Мистер Норт, вы знали убитого?

— Да, хотя и не очень близко. Если вы допрашиваете всех знакомых Флетчера, может, пройдете в библиотеку и допросите меня? — Норт распахнул дверь. — Или вы еще не закончили с моей женой?

— Как раз закончил. — Ханнасайд повернулся к Хелен и, встретив ее затравленный взгляд, ободряюще улыбнулся. — Спасибо, миссис Норт, не смею вас больше задерживать. Всего хорошего, мисс Дру.

— Со мной вы точно не закончили, — заверила Салли. — Вряд ли вам что-то говорит мое имя — то есть мы с вами в равном положении, — но я пишу детективы, а с настоящими преступлениями пока не сталкивалась. Особенно меня интересует ход расследования: писателю немудрено запутаться в тонкостях полицейского протокола.

— Да, пожалуй, — отозвался потрясенный Ханнасайд.

— Кое-чему вы меня уже научили. — Салли неожиданно улыбнулась: — Прежде я изображала детективов не слишком приятными личностями.

— Спасибо! — засмеялся Ханнасайд, отвесил поклон Хелен и вышел из гостиной.

— Сюда, суперинтендант. — Джон Норт повел его коридором. — Так о чем вы хотели меня спросить? Вам ведь уже известно, что я знал Флетчера.

— Знали, но не очень хорошо, верно?

— Не так хорошо, как моя жена, — пояснил Норт. — Вы наверняка установите, что особенно близко Флетчер сходиллся с женщинами.

— Вы его не жаловали, да, мистер Норт?

— Большой симпатией не испытывал. Флетчер был настоящим донжуаном, а мне донжуаны не нравятся.

— По-вашему, он представлял опасность... ну, для женщин?

— Опасность? О нет, вряд ли, — вяло отозвался Норт. — К примеру, моя жена считала его кем-то вроде домашнего кота.

— Ясно. Получается, как супруг вы не считали нужным, допустим, ревновать к нему?

— Отвечу только за себя, хотя вы другого и не ждете. К Флетчеру я не ревновал. Что-нибудь еще?

— Да, мистер Норт. Когда вы вернулись в Англию?

— Вчера после обеда я уже был в Лондоне.

— Но к супруге в Марли приехали только сегодня утром?

— Именно так, суперинтендант.

— Где же вы ночевали?

— В своей квартире, суперинтендант.

— Адрес назовете?

— Портленд-плейс.

— Подобное часто случается?

— Да, нередко.

— Мистер Норт, извините за прямоту, но я попрошу вас объяснить чуть подробнее. Вы с миссис Норт живете порознь?

— Все не так, как вы думаете, — ответил Норт. — По-моему, в моей лондонской ночевке вам чудится не-

что зловещее. Мы с Хелен женаты уже пять лет и по пятам друг за другом давно не ходим.

Голос Норта зазвенел от раздражения, и Ханнасайд это мгновенно отметил.

— Я частенько задерживаюсь в Лондоне, — беззаботно добавил Норт, словно опомнившись.

— Ужинали вы тоже у себя в квартире?

— Нет, в клубе.

— А после ужина?

— После ужина я вернулся в квартиру и лег спать.

— У вас есть слуги или вы были один?

— Я был один. Квартира в доме гостиничного типа, но слуге я в тот вечер дал выходной. Боюсь, в данный момент никаких подтверждающих доказательств у меня нет. Хотите снять отпечатки пальцев?

— Пока нет, благодарю, — ответил Ханнасайд. — У меня все, не смею вас больше задерживать.

Норт подошел к двери.

— Возникнут вопросы — уверен, вы знаете, где меня искать, — проговорил он. — Мой рабочий адрес, как и адрес квартиры, есть в лондонском телефонном справочнике.

Норт проводил Ханнасайда в переднюю. Там на столе-сороконожке рядом с замшевыми перчатками лежала светло-серая шляпа. Ханнасайд окинул ее внимательным взглядом и молча взял со стула свою шляпу.

Когда суперинтендант ушел, Норт неспешно вернулся в гостиную и услышал язвительный возглас хозяйки:

— Да у тебя явно мозги отказали! Неужели надеешься скрыть это от... — При виде Джона Салли осеклась.

Норт закрыл дверь, швырнул на стол газету, которую до сих пор сжимал под мышкой, и вкрадчиво спросил:

— Что Хелен надеется от меня скрыть?

— Разве я сказала, что от тебя? — парировала Салли.

— Это вполне очевидно. — Джон стал аккуратно набивать трубку. Повисла напряженная тишина. Хелен судорожно стиснула колени и не сводила взгляда с лица мужа. Норт спрятал кисет в карман, поднял глаза и перехватил ее взгляд. — Ну, в чем дело?

— Джон, почему ты вдруг вернулся? — сменила тему Хелен.

— Тебе действительно интересно? — спросил Джон.

— Ты приехал шпионить за мной! — воскликнула она дрожащим голосом.

Норт посуровел, но молча достал из кармана спички и раскурил трубку.

— Может, мне тактично удалиться? — беззаботно спросила мисс Дру. — Очень не хотелось бы вас стеснять.

— Нет, не уходи! — отозвалась Хелен. — Ничего глубоко личного мы с Джоном обсуждать не станем. — Она взглянула на мужа и с фальшивой беспечностью добавила: — Любопытно, почему ты вернулся посреди дня? Если бы по мне соскучился, приехал бы вчера.

— Не соскучился, — невозмутимо произнес Джон. — По-моему, у нас с тобой не те отношения. Я прочел об убийстве Флетчера, потому и приехал.

— Вот, что я говорила! — воскликнула Салли. — Воплощение девичьих грез! Саму меня покровители не привлекают, но для глупенькой куколочки вроде тебя, Хелен, такой муж — самое то.

— Не болтай ерунду! — Голос Хелен дрогнул. — Джон, ты серьезно думаешь, что я замешана в убийстве?

— Нет, — холодно ответил Норт после небольшой паузы, — серьезно я об этом не думал до тех пор, пока не увидел в гостиной суперинтенданта из Скотланд-Ярда.

Хелен словно окаменела.

— Ты ведь понимаешь, в чем дело! Он хотел только...

— Да, понимаю. — Впервые за все время в голосе Джона появились резкие нотки. — Суперинтендант хотел выяснить, не твои ли следы в саду. Так они твои?

— Прежде чем ответить, досчитай до ста, — посоветовала Салли, взглядевшись в мрачное лицо Джона, а сама подумала: «Черт, все сложнее, чем я предполагала».

— Помолчать не можешь? — огрызнулась Хелен. — Чего ты добиваешься?

— Чтобы ты прекратила глупо врать. Вашему браку, возможно, конец, зато, я не сомневаюсь, Джон расстается, чтобы тебя не посадили за убийство.

— Я не убивала его, не убивала! Неужели ты впрямь меня подозреваешь?!

— Следы в саду твои? — снова спросил Норт.

Хелен вскочила.

— Да, мои!

— Нельзя же так объявлять новости! — простонала Салли. — Боже правый, Джон, хватит столбом стоять! Подумать только, я писала книги о таких, как ты, а сама ни слову не верила!

Джон проигнорировал выпад свояченицы и обратился к жене:

— Боюсь, я покажусь тебе неоправданно бесцеремонным, но очень хотелось бы выяснить причину твоего тайного — а он явно тайный! — визита к Флетчеру.

— Я ходила к нему как к другу. Ничего тайного в наших отношениях не было. Вряд ли ты мне веришь, но это так.

Салли протерла стекло моногля.

— Мисс Салли Дру, автор блистательных детективных романов, подтверждает эти показания.

— Салли, ты свидетельница пристрастная, — сухо напомнил Джон. — Не ерепенься, Хелен, я интересу-

юсь из любопытства. На самом деле разницы нет. Куда важнее другое: что тебе известно об убийстве?

— Ровным счетом ничего!

— В котором часу ты была у Флетчера? — спросил Джон.

— Рано, очень рано! Из его кабинета я ушла без четверти десять. Понимаю, звучит неправдоподобно, но причина моего визита совершенно непримечательна. Я хотела спросить, поедет он со мной на следующей неделе к Динбери.

Джон ее не слушал, он снова взял газету и внимательно прочел передовицу.

— Тело Флетчера обнаружили в 22:05, — проговорил он и испытующе взглянул на жену: — И тебе не известно ровным счетом ничего?

— Я увидела, как по дорожке идет мужчина, — тихо сказала Хелен, — поэтому и спряталась.

Норт аккуратно сложил газету.

— По дорожке шел мужчина? Кто?

— Не могу сказать.

— То есть ты его не узнала?

— Да, точнее... точнее, я его не разглядела. Я лишь видела, как он вошел в гостиную через стеклянную дверь.

— Ты сказала это полиции?

— Д-да... сказала.

— Суперинтендант спрашивал, узнаешь ли ты того мужчину при встрече?

— Нет, я сразу предупредила его, что не разглядела почти ничего — лишь мельком увидела непримечательного мужчину в светлой шляпе.

— В светлой шляпе? — после небольшой паузы переспросил Норт. — Так ты узнаешь его при встрече?

— Говорю же, нет! Кто он, не имею ни малейшего понятия.

— Надеюсь, суперинтендант тебе поверил.

— Почему? — Салли не сводила с Джона глаз.

— Почему? — Норт равнодушно посмотрел на свояченицу. — Разумеется, потому что я не хочу видеть свою жену на свидетельской трибуне.

— Господи, мне ведь не придется давать показания на суде? — пролепетала Хелен. — Я лучше умру! Ужас, какой ужас...

— В самом деле, — процедил Норт.

Салли раскачивала монокль на шнурке, но тут встала его в глаз и спросила:

— Джон, суперинтендант подозревает, что ты тут замешан?

— Понятия не имею, что он подозревает, однако связь Хелен с этим делом явно дала ему пищу для размышлений. По-моему, у него старомодные представления о ревнивых мужьях.

Салли склонила голову набок:

— Мне кажется, ты сам немного старомоден. Да еще нагрянул сюда так внезапно, что суперинтендант наверняка подумал: это неспроста.

— Почему? Убей я Флетчера, ни за что не появился бы здесь сегодня.

Салли обдумала его слова.

— Кто знает. С другой стороны, если бы ты затаился, а Ханнаайд выяснил, что тебя в Берлине вообще не было, получилось бы еще подозрительнее.

— Поверь, немного здравого смысла у меня есть. Когда совершу преступление, замету следы на совесть. — Норт взглянул на свои часы. — Хелен, пожалуйста, распорядись, чтобы ленч подали быстрее. Мне нужно обратно в Лондон.

— Пойду скажу Эвансу. — Салли выскользнула из гостиной и плотно закрыла за собой дверь.

Хелен машинально поправила статуэтку на каминной полке.

— А ты... вернешься?

— Конечно, — ответил Джон.

— Ты очень зол из-за этого... — сбивчиво пролепетала она.

— Все, хватит. Сделанного не воротишь, а ты не раскаешься, хоть злись, хоть не злись.

Хелен прижала ладонь к щеке.

— Ты не веришь, но романа с Эрни у меня не было.

— Еще как верю! — парировал Норт.

— Веришь? — Хелен опустила руку. — Не думаешь, что меня угораздило в него влюбиться? Я-то решила...

— Ты решила, что раз мне не нравились Флетчер и ваша с ним дружба, значит, я ревновал? — насмешливо поинтересовался Джон. — Ты ошиблась, милая. Я всегда чувствовал, что на такого, как Флетчер, ты не западешь.

— Да я вообще ни на кого не западаю. Звучит по-викториански, но я храню тебе верность.

— Пожалуй.

— Тогда почему ты так относился к моей дружбе с Эрни? Знал ведь, что пошлый роман я не заведу!

— Я сомневался не в тебе, а во Флетчере, — пояснил Норт. — И сразу дал понять, что не потерплю вашей дружбы.

— По какому праву ты требовал, чтобы я порвала с ним или еще с кем-то из друзей? Ты позволил мне идти своей дорогой, сам пошел своей...

— Пустой разговор, — перебил ее Джон. — Ты пошла своей дорогой, но, если не ошибаюсь, еще два года назад я поставил тебя в известность, что ни с долгами, ни с твоими выходками мириться не намерен. Шесть месяцев назад я попросил тебя держаться подальше от Эрнеста Флетчера. Ты же с ним почти не расставалась.

— Эрни мне нравился, однако никакой влюбленности не было!

— Увы, окружающие это не понимают.

— Зато ты понимал!

Норт прищурился.

— Я понимал, что женщины считают Флетчера неотразимым.

— Именно! Я тоже считала Эрни неотразимым, но любить... Нет, нет и нет! — Хелен резко отвернулась, как слепая, подошла к окну и, не глядя на мужа, продолжила: — Зачем же ты сегодня приехал? Решил, что я... замешана в убийстве?

— Да, решил.

— Тогда не понимаю, зачем ты явился, — горько сказала Хелен.

— Не глупи! — куда мягче проговорил Норт после небольшой паузы. — Как бы то ни было, мы супруги, и беды у нас общие. Впрочем, надеюсь, все обойдется. Не беспокойся. А если суперинтендант Ханнасайд допросит тебя снова, не говори лишнего.

— Я буду очень осторожна, — пообещала Хелен.

Вернулась мисс Дру, сообщив, что ленч будет готов через пять минут.

— Спасибо. Пойду вымою руки. — Норт оставил женщин одних.

— Скажи ему правду. — Салли задумчиво посмотрела на сестру.

— Нет.

— Ну и дура!

— Я не смогу. Спорить бессмысленно: ты просто не понимаешь.

— Для Джона правда лучше очевидной альтернативы.

— Ошибаешься. Он знает, что между мной и Эрни ничего не было.

— Неужели?

— О чем это ты? — Хелен резко обернулась.

— Я запуталась. Порой мне кажется наоборот. Если бы Джон знал, что вы с Эрни просто друзья, не ненавидел бы его так откровенно.

— Согласна, Эрни ему не нравился, но чтобы ненавидеть... Полная ерунда.

— Никакая не ерунда, и ты, дорогая, прекрасно это знаешь. Джон и не думает скорбеть по Эрни. Более того, ничуть не удивлюсь, если ему известно куда больше, чем тебе кажется.

— Вот что значит писательница до мозга костей! — засмеялась Хелен.

— Истинная правда! По этой самой причине после ленча я прогуляюсь в Грейстоунс и осмотрю место преступления.

— Нельзя туда ходить!

— Что же меня остановит?

— Салли, это неприлично!

— К черту приличия! Пойду и растормошу несчастного трутня Невилла. Вот еще один тип, который осведомлен куда лучше, чем хочет показать.

— Надеюсь, полиция не обделяет его вниманием. Потенциал-то у Невилла огромный.

— Потенциал чего?

— Один ноль в твою пользу, сестра. Я понятия не имею, но очень постараюсь выяснить.

Тут объявили, что ленч подан, и убийство Эрнеста Флетчера больше не обсуждали. За столом Хелен разговаривала мало, а ела еще меньше. Мисс Дру бодро болтала о всяких пустяках, а Норт быстро расправился с едой и встал из-за стола, объявив жене, что к ужину вернется.

Дамы выпили кофе, и Салли посоветовала сестре отдохнуть. К ее удивлению, та согласилась и даже позволила проводить себя на второй этаж.

— Ты ведь на самом деле в Грейстоунс не собираешься? — спросила Хелен, когда Салли опускала жалюзи.

— Еще как собираюсь. Передам твои соболезнования бедной мисс Флетчер. Скажу, что ты обязательно ей напишешь.

— Ой, написать впрямь нужно! — пролепетала Хелен, откинувшись на подушки.

— Успеешь, сперва поспи, — осадил ее Салли и выскользнула из комнаты.

Полчаса спустя у парадной двери Грейстоунс ее встретили с известием, что мисс Флетчер отдыхает. Спрашивать Невилла не понадобилось: молодой джентльмен сам вышел из гостиной в переднюю и пригласил Салли развеять его скуку.

Покашливание и мрачная чопорность Симмонса красноречиво свидетельствовали о том, что он считает приглашение несвоевременным. Увы, Невилл и Салли не удостоили его вниманием, и Симмонсу осталось удалиться в свои владения и в назидание жене описывать печальную участь, которая ожидает жестокосердных безбожников.

Тем временем Невилл проводил Салли в гостиную.

— Что, милая, поглазеть пришла? — осведомился он. — Ты опоздала: дно пруда уже обшарили.

— Ох! Значит, полиция ищет орудие убийства?

— Да, но им не угодишь. Я предлагал им булавы тети Люси, колотушку, бронзовое пресс-папье со стола дяди Эрни... Ничего не понравилось.

— Так на его столе было бронзовое пресс-папье? Хм-м!

— Вообще-то не было, — шепнул Невилл. — Я его туда поставил.

— Ради Бога, зачем?

— Чтобы полицейские не заскучали, — с ангельской улыбкой отозвался Невилл.

— Вот посадят тебя за убийство — получишь по заслугам, — проговорила Салли.

— Точно, но меня не посадят. Что, не прогадал я насчет Честнейшего Джона?

— Не прогадал. Откуда ты узнал, что он вернулся?

— Ну, молва быстро разносится.

— Неправда!

— Ладно, дорогуша. Я видел, как он едет на станцию. Из страны бежит, да?

— Только не Джон, не в его стиле. Да и зачем ему бежать?

— Не втирайте мне очки, юная леди! Тебя саму это тревожит.

— Ничуть. Интерес у меня чисто теоретический. Почему полицейские уверены, что орудие убийства до сих пор в Грейстоунс? Из-за того, что Хелен сказала?

— Со мной они особо не откровенничают, — отозвался Невилл. — А что сказала Хелен?

— Что не сомневается: тот мужчина пришел с пустыми руками.

— Не сомневается? Святые небеса, вот это воображение! Сперва она того мужчину вообще не разглядела, а теперь утверждает, что тот явился с пустыми руками. Еще немного, и Хелен вспомнятся его кривые ноги и раскосые глаза.

— Ты, змей подколодный! Хелен только из-за сумерек его не узнала...

— Ты впрямь так думаешь? — удивился Невилл. — У тебя добрая душа и ни капли коварства.

— Что? По-твоему, Хелен узнала того типа, и это был Джон?

— Именно. Мысли у меня грязные, порочные.

— Точнее и я не выразилась бы.

— Конечно.

— Ну, у меня мысли такие же грязные и порочные, а сейчас в них крутится, что деньги Эрни унаследовал ты.

— Да-да, — радостно подтвердил Невилл. — Я без пяти минут плутократ.

— Неужели? — подначила Салли. — Повезло мистеру Невиллу Флетчеру, он ведь в долгах как в шелках.

Глава пятая

Невилл принял ее вызов с невозмутимым спокойствием.

— Полностью с тобой не соглашусь, — проговорил он после небольшой паузы.

— Неужели? Ты не согласен, что богатство лучше долгов? — едко поинтересовалась Салли.

— Кто к чему привык.

— Брось дурачиться! Думаешь, я на это куплюсь?

— Нет.

— Тогда зачем так говорить?

— Просто о твоих мыслях я не задумывался, — пояснил Невилл. — Непродуктивное занятие.

— Хочешь сказать, тебя не волнует, что ты по уши в долгах?

— Почему бы и нет?

— Так не бывает, вот почему. Нет ничего ужаснее безденежья: кредиторы не дают вздохнуть, каждый день приходят новые счета, да еще со скрытыми угрозами, долги неуклонно растут...

— У меня все не так! — успокоил ее Невилл. — Я счета даже не просматриваю.

— А потом сразу в суд.

— К долгам быстро привыкаешь. К тому же суды Эрни ненавидел, поэтому самые страшные мои долги

оплачивал. В общем, все шло без сучка без задоринки. Сейчас из-за дядиных денег не видать мне покоя. Доконают ведь!

— Найми секретаря.

— Нет, это не по мне. К секретарю нужен дом, к дому — слуги. Оглянуться не успею, попаду в тиски респектабельности.

Такая позиция потрясла Салли до глубины души.

— Если честно, подобное мне в голову не приходило, — призналась она. — Звучит и впрямь ужасно. Что ты намерен делать?

— Сию секунду — ничего. А вот на следующей неделе могу запросто податься в Болгарию. Об этой стране я почти ничего не знаю.

— И тебе это вполне по карману, да?

— Первым классом до Софии, а там люкс в лучшем отеле? Да, приобщусь к прекрасному!

Салли невольно втянулась в разговор о путешествиях. Несвязный, но захватывающий рассказ Невилла о приключениях во время бесцельных безденежных странствий она слушала, затаив дыхание.

— Боже, как здорово! — с тоской воскликнула она. — Эх, была бы я мужчиной... Напиши об этом книгу!

— Тогда у странствий появится цель, и конец веселью, — категорично заявил Невилл.

— Да ты впрямь недочеловек! — Салли с любопытством на него взглянула. — Тебя что-нибудь в жизни волнует?

— Да. Проблема, как избежать волнений.

— Ненавижу парадоксы, — ухмыльнувшись, проговорила Салли. — А нынешняя ситуация тебя волнует?

— Убийство Эрни? Нет, зачем волноваться?

— Затем, что у тебя был неплохой мотив убить дядю?

— Глупости!

— Полиция иного мнения.

— Сейчас они слишком заняты поисками неизвестного, которого видели Хелен и Малахия.

— Хелен и кто?

— Ты не знакома с Малахией? — встрепенулся Невилл. — Сейчас представлю вас друг другу. Пошли!

— Но кто это? — не унималась Салли.

Невилл взял ее за руку и через стеклянную дверь повел в сад.

— Полицейский, обнаруживший труп.

— Господи, он видел того же типа, что и Хелен? В газете, которую принес Джон, об этом ничего не было.

— Да, здесь у нас эпицентр чудовищного преступления, — отозвался Невилл.

— Погоди. — Салли вырвала руку. — Хочу увидеть кабинет. Его охраняют?

— Сейчас нет. Да там смотреть не на что.

— Вдруг меня осенит, — мрачно молвила Салли.

— Нездоровое любопытство, профессиональный интерес или родственная солидарность?

— Профессиональный интерес.

Они свернули за угол и увидели дорожку, которая вела к калитке в заборе, отделяющем сад от Мейпл-гроув. Густой кустарник вдоль забора старательно обыскивали два раскрасневшихся, взъерошенных полицейских. Салли посмотрела на них, потом снова на дом.

— За каким кустом пряталась Хелен?

Невилл показал. Салли приблизилась, осмотрела следы и хотела сама спрятаться за кустом, да вмешался констебль Гласс. Ее появлению он совершенно не обрадовался, а сейчас оставил поиски и сделал ей замечание.

— Не беспокойтесь, — сказала ему Салли. — Уничтожать следы я не собираюсь. Хочу лишь понять, что спрятавшийся здесь мог разглядеть в вечернем сумраке. Я интересуюсь криминалистикой.

— «Удали ногу твою от зла»*, — строго посоветовал Гласс. — Криминалистика — удел полиции.

— В криминалистике я эксперт. Не исключено, что именно я сумею помочь расследованию, — упорствовала Салли.

— Или я, — буркнул Невилл. — Уже попробовал помочь, но благодарности не дождался.

Гласс пригвоздил его ледяным взглядом.

— «Сладок для человека хлеб, приобретенный неправдою, — начал он и угрожающе добавил: — Но после рот его наполнится дресвою»**.

Тем временем Салли убедилась, что из-за куста смородины видно очень мало.

— Это из Библии? — спросила она Гласса. — Все самое лучшее либо из нее, либо из Шекспира. Невилл, я пойду в кабинет?

— Милости прошу!

— Что у вас здесь за дело? — спросил Гласс. — Зачем вам в кабинет?

— Я пишу детективные романы, — пояснила Салли.

— Писали бы лучше дома, — проворчал констебль, но остановить ее больше не пытался.

Салли вошла в кабинет и, застыв у стеклянной двери, огляделась. Следом за ней вошел Невилл. Он достал из кармана Библию, примостился на краешке стола и, быстро перелистав страницы, погрузился в Соломоновы притчи.

— Где его нашли? — вдруг спросила Салли.

Невилл показал на стул возле письменного стола.

— Лицом к стеклянной двери?

— Да. Не мешай мне!

— Эрни сидел на том стуле?

* «Книга Притчей Соломоновых» 4:27.

** «Книга Притчей Соломоновых» 20:17.

— Хм-м, нашел отличный пассаж об устах чужой жены, но мне нужен не он.

— Так убийца предположительно вошел через стеклянную дверь, лицом к которой сидел Эрни?

— «Чтобы остерегать тебя от негодной женщины, от льстивого языка чужой...»* Нет, не то.

— Слушай, да отвлекись ты! Неужели не понимаешь: раз убийца вошел через эту дверь, значит, у Эрни подозрений не вызывал? Твой дядя, очевидно, даже со стула не встал.

— Нашел! — торжествующе воскликнул Невилл. — «... шумливая и необузданная; ноги ее не живут в доме ее...»** Вылитая ты. Пойду, поделюсь с Глассом. — Невилл отправился искать констебля.

Салли осталась одна. Она села в кресло, подперла подбородок ладонями и обвела кабинет хмурым взглядом. Вскоре вернулся Невилл.

— Получил я на орехи. Гласс помнит, в чем там суть.

— И в чем же? — рассеянно спросила Салли.

— Внимательная ты моя! В Ветхом Завете только два типа женщин. Те слова — о типе со знаком минус. Ну как, нашла убийцу?

— Нет, но один факт очевиден. Убийца не Джон.

— Ладно, пусть будет по-твоему.

— Очевидно же! — не унималась Салли. — Эрни не предполагал, что его убьют. А появись в кабинете Джон, разве Эрни... Нет, это еще не факт. Убийства даже от ревнивых мужей не ждут.

— Неужели Джон ревнив? — удивился Невилл. — Мне он кажется мягким и уступчивым.

— Так очень многие думают, но... — Салли осеклась. — Все, забудь!

* «Книга Притчей Соломоновых» 6:24.

** «Книга Притчей Соломоновых» 7:11.

— По-твоему, я горю желанием бросит тень на Честнейшего Джона? Уверяю, ничего подобного.

— Тем не менее откровенничать с тобой не стоит, — категорично заявила Салли.

— Я не обижусь. Обсуждать убийство Эрни уже поднадоело.

Салли пригвоздила его возмущенным взглядом:

— Ты бессердечный чурбан. Я Эрни не любила, но, Бог свидетель, мне очень его жаль.

— Пустая трата эмоций! — воскликнул Невилл. — Что толку жалеть мертвого?

— Возможно, ты прав, — признала Салли. — Но ведь говорить так неприлично!.. Почему, черт возьми, ты не взял те расписки, пока не разыгралась трагедия?

— Так расписки нашли? — спросил Невилл.

— Конечно, нашли!

— Ну и как, Джон обрадовался?

— Ему о них неизвестно. Хелен не желает рассказывать.

Невилл захлопал ресницами:

— На всякий случай давай во всем разберемся. Какую байку придумала Хелен?

— К Эрни она якобы ходила по пустяковому делу. Ерунда полная, но Хелен, наверное, виднее. Джону это не слишком понравилось, однако при упоминании азартных игр и долгов он заводится так, что, пожалуй, Хелен темнит не зря. Столкнешься с Джоном — лучше помалкивай.

— Иди и расскажи сестрице о хлебе, приобретенном неправдою. Думаю, она ведет себя неправильно.

— Да уж, она, бедненькая, совсем измучилась. Я уложила ее спать, и, надеюсь, к моему возвращению ей станет лучше.

— Только бы глупостей не наделала. Если повезет, Хелен полицию запутает.

— Хелен — моя сестра, — холодно напомнила Салли.
— Это самый большой ее плюс, — проговорил Невилл и несколько тише добавил: — И самый большой твой минус.

Салли одарила его ледяным взглядом и отправилась оболежать молодого констебля, который вместе с Глассом обыскивал кусты.

Тем временем Хелен вопреки предположениям Салли не лежала в постели, а сидела в участке суперинтенданта Ханнасайда.

После ухода сестры она полежала лишь пару минут, обдумывая ситуацию. Разок-другой взглянула на телефон и села в постели. Внезапно почувствовала прилив сил и подняла трубку.

— Соедините меня с участком, — спокойно попросила Хелен дежурного, а когда соединили, сказала: — Суперинтенданта Ханнасайда, пожалуйста.

На другом конце провода подозрительно осведомились, кто звонит, и она, поколебавшись, представилась:

— Миссис Джон Норт. Если суперинтенданта Ханнасайда...

— Одну минуту!

Хелен подождала, и когда раздался другой голос, она узнала спокойную интонацию Ханнасайда.

— Суперинтенданта, это миссис Норт, — зачастила Хелен. — Мы можем встретиться? Мне есть что вам сказать.

— Разумеется, — отозвался Ханнасайд. — Я к вам подъеду.

— Не стоит. Мне нужно в город; если вам удобно, я могла бы заглянуть в участок.

— Вполне удобно.

— Благодарю вас! Я буду минут через двадцать. До встречи!

Хелен положила трубку и, откинув одеяло, выскользнула из постели. Она подняла жалюзи, которые опустила заботливая Салли, села за туалетный столик и при ослепительном свете солнца посмотрела на себя в зеркало. Лицо было бледное, под глазами темнели круги.

— Господи, у меня же на лбу написано: виновата! — пробормотала Хелен и дрожащими руками выдвинула ящик с целым арсеналом кремов, лосьонов и прочей косметики.

Десять минут спустя она натянула перчатки и удовлетворенно осмотрела себя в зеркале. Из-под широкополой шляпы выглядывало порозовевшее лицо с подведенными бровями и чувственными губами, чуть тронутыми помадой. Завершал образ аккуратный пучок белокурых волос.

На лестнице Хелен попалась служанка, которая при виде нее ахнула, громко досадуя, что мадам не дышит.

— Мне нужно в город. Если мисс Дру вернется первой, пожалуйста, скажите ей, что я в городе и буду к чаю.

Хелен приехала в участок и вскоре попала в неудобный кабинет, где Ханнасайд разбирал документы. Он тотчас встал и окинул ее проницательным взглядом.

— Добрый день, миссис Норт! Пожалуйста, садитесь.

Хелен опустилась на стул напротив суперинтенданта.

— Спасибо! Знаете, прежде я была в участке лишь раз, когда потеряла собаку.

— Неужели? Миссис Норт, что вы хотели мне сообщить?

Хелен посмотрела ему в глаза.

— То, что следовало сообщить еще утром, — честно ответила она.

— В самом деле?

В голосе Ханнасайда звучал лишь искренний интерес, но он немного смутил Хелен и заставил запинаться.

— Я сглупила, но знаете ведь, как бывает, когда вдруг спрашивают... Хотя нет, вряд ли, вы же сами... сами всегда вопросы задаете, верно?

— Мне очень часто попадались люди, которые либо вообще скрывали от меня правду, либо сообщали только ее часть. Миссис Норт, вы это имели в виду?

— Да, пожалуй, — проговорила Хелен. — Мне было очень неловко, когда вы... когда вы изобличили мои безрассудства. Не скрою, ошеломило меня не убийство — здесь я совершенно ни при чем, — а то, что из-за моей дружбы с мистером Флетчером вы примете меня за непорядочную женщину. Я панически боюсь огласки своих... безрассудств. Ни в чем не признаваться — об этом я утром не помышляла. Вы ведь меня понимаете?

— Разумеется, миссис Норт, пожалуйста, продолжайте.

— Потом я хорошенько все обдумала и решила: когда речь идет об убийстве, отмалчиваться нельзя. К тому же... — Хелен застенчиво улыбнулась, — вы были очень тактичны, не выдали меня мужу, поэтому я могу вам доверять.

— Миссис Норт, давайте уточним. Я не хочу, чтобы расследование создавало ненужные проблемы, однако на первом месте для меня не деликатность, а служебный долг.

— О, разумеется.

Ханнасайд присмотрелся к Хелен. Несколько часов назад она была комком нервов, а сейчас отлично собой владела, даже не забывала о легком кокетстве. «Красавица, — подумал суперинтендант, — но что скрывают ее васильковые глаза?» Она, конечно же, играла роль, причем так убедительно, что крадывались сомнения. Легко поверить, что утром миссис Норт сказа-

ла не всю правду, тем более причины она назвала убедительные, только разобраться в ее откровениях будет куда сложнее.

— Так о чем вы хотели мне рассказать, миссис Норт? — бесстрастно спросил суперинтендант.

— О случившемся после того, как я спряталась за смородиновым кустом у кабинета мистера Флетчера. По садовой дорожке пришел мужчина. Утром я говорила, что ретировалась, едва он переступил порог кабинета. На самом деле я осталась.

Ханнасайд прищурился:

— Неужели? Почему?

Хелен стала теребить ручку сумки.

— Видите ли, утром я не совсем точно описала вам разговор с мистером Флетчером. Разговор... Дружелюбным он не был, по крайней мере с моей стороны. Вы не ошиблись: мистер Флетчер хотел получить то, что я... давать не желала. Не подумайте чего! Мистер Флетчер действительно хотел использовать мои долговые расписки против меня, но в шутку. Полагаю, он блефовал, ведь шантаж совершенно не в его духе. Но я испугалась и сглупила. В тот вечер я пошла к нему и убеждала отдать мне расписки. Мистер Флетчер бросил что-то язвительное, и я в гневе вылетела из дома. А спрятавшись за кустом, поняла: гнев тут не поможет. Расписки следовало выманить лестью, только я очень боялась возвращаться в кабинет...

— Секунду! — перебил ее Ханнасайд. — Что случилось в кабинете, пока вы прятались за кустом?

— Не знаю. Помните, я говорила, что пришедший закрыл стеклянную дверь? Это правда. Доносились лишь неразборчивые голоса. Тот мужчина провел в кабинете минут шесть-семь. Мне показалось, что больше, но это не так, потому что когда я во второй раз убежала из дома Флетчеров, часы в гостиной пробили десять. Но

я захожу вперед. Пока я ждала, не зная, на что решиться, дверь распахнулась. Мистер Флетчер и его гость вышли в сад. Голос у мистера Флетчера был высокий, звонкий, и он явно сказал: «Вы ошиблись. Я вас провожу!»

— А пришедший? Он что-нибудь ответил?

— Не знаю, не слышала. Мистер Флетчер сказал что-то еще, да я не разобрала.

— Он был раздражен?

— Нет. Впрочем, мистер Флетчер прекрасно умел владеть собой. Вряд ли в кабинете дошло до ссоры: того мужчину он провожал без суеты и спешки, как ни в чем не бывало. Я даже подумала, гость попал в Грейстоунс по недоразумению.

— Вот как? А потом?

— Знаете, что садовая дорожка в Грейстоунс за кустами поворачивает? Едва они оказались у того поворота, я выскользнула из-за куста и бросилась обратно в кабинет. Надеюсь, что расписки в столе мистера Флетчера и у меня есть шанс их забрать. Большинство ящиков были не заперты, но меня они не интересовали. Из среднего ящика торчал ключ. Я хорошо помнила: тот ящик мистер Флетчер запирает и даже видела, как он достает ключ из кармана, чтобы отпереть. Ящик я выдвинула, но расписок там не было. И тут я услышала, как насвистывает мистер Флетчер. Я запаниковала и, вместо того чтобы остаться в кабинете, задвинула ящик и юркнула к двери в коридор. Мистер Флетчер еще в кабинет не попал, а я уже выбежала в переднюю. Тогда и забили часы. Я перепугалась: у Флетчеров высокие напольные часы, которые гудят перед первым ударом. Я тихонько выбралась из дома и отправилась восвояси по Вейл-авеню, которая, как вам наверняка известно, пересекает наш переулок.

Возникла небольшая пауза. Ханнаайд теребил документы.

— Миссис Норт, зачем вы мне это рассказали? — спросил он.

— Разве не очевидно? Нельзя, чтобы в убийстве мистера Флетчера подозревали невинного! Когда тот мужчина покинул дом, мистер Флетчер был еще жив.

— Сколько времени вы провели в кабинете во второй раз?

— Минуты три. Нет, меньше! Я едва в ящик заглянула, как услышала свист мистера Флетчера.

— Ясно.

Что-то в его голосе напугало Хелен.

— Вы мне не верите? Это правда, я могу доказать!

— В самом деле? И каким образом?

Хелен растопырила пальцы:

— Перчаток на мне не было, значит, на двери остались следы моих пальцев. Вот, смотрите! — Она подошла к двери, правой рукой стиснула ручку, а левую прижала чуть выше. — Так ведь открывают дверь, когда не хотят шуметь? Отчетливо помню, как придерживала ее левой рукой.

— Не возражаете, если мы снимем у вас отпечатки пальцев?

— Ничуть, — без колебаний отозвалась Хелен.

— Отлично, но сначала мне нужно задать вам пару вопросов.

Хелен села на стул.

— Да, конечно.

— Вы упомянули, что мистер Флетчер использовал против вас ваши долговые расписки. Он требовал денег или грозился показать расписки вашему супругу?

— Да, он намекнул, что мой муж ими заинтересуется.

— Миссис Норт, у вас с мужем хорошие отношения?

— Разумеется, — смущенно усмехнулась Хелен. —

Прекрасные.

— У него не было причин подозревать вас в чересчур близких отношениях с мистером Флетчером?

— Джон всегда позволял мне дружить, с кем пожелаю, и не вмешивался.

— Следовательно, он не ревнует вас к вашим друзьям-мужчинам?

— У вас старомодные взгляды, суперинтендант. Конечно, нет!

— Значит, супруг очень доверяет вам, миссис Норт.

— Ну да, я же...

— Однако вопреки полному взаимопониманию, которое якобы царит в вашей семье, вы не желали, чтобы мистер Норт узнал о ваших карточных долгах, да же были готовы расписки выкрасть.

Хелен ответила не сразу, зато совершенно спокойно.

— Мой муж ненавидит азартные игры. Я всегда была очень расточительна, а о долгах рассказывать боялась.

— Опасались за последствия?

— В какой-то мере. Если честно, просто трусила. Знала бы, до чего дойдет...

— Решились бы на откровенность?

— Да, — неуверенно проговорила Хелен.

— Миссис Норт, так вы рассказали ему или нет?

— Нет, я...

— Почему?

— Это же естественно! — воскликнула Хелен. — Все перевернулось с ног на голову. Мистер Флетчер убит — теперь мой рассказ подтвердить некому. Прежде я действительно не подозревала, что мои расписки у него, а он... он желает сделать меня своей любовницей. Звучит, конечно, неправдоподобно, а я была круглой дурой, но, честное слово, не подозревала! Теперь подумают, что наши отношения с мистером Флетчером зашли дальше, чем на самом деле. Надо было признаться мужу сразу, как только выяснилось, что мои распи-

ски у мистера Флетчера, а я не нашла в себе смелости. Я пробовала их вернуть, а сейчас все решат, что я боялась разоблачения некой тайны в отношениях с мистером Флетчером... Надеюсь, понятно?

— Вполне. Суть в том, что вы солгали, заявив, что мистер Норт не возражал против вашей дружбы с Эрнестом Флетчером, так?

— Вы вынуждаете меня сказать, что Джон ревновал? Это неправда! Джон не жаловал мистера Флетчера, считал его ловеласом, только... — У Хелен сжалось горло, она подняла голову и едва выговорила: — Суперинтендант, Джон любит меня не так сильно, чтобы ревновать.

Ханнасайд опустил взгляд на лежащие перед ним документы.

— Возможно, его беспокоит ваша репутация.

— Не знаю.

— Это противоречит другим вашим показаниям, — заметил Ханнасайд. — Вы говорите, что у вас с мужем полное доверие, хотя глубоких чувств нет, и в то же время утверждаете, что боитесь откровенно ему рассказать о случившемся.

— Суперинтендант, я не хочу пройти через развод, — нервно сглотнув, сказала Хелен.

— Значит, доверие между вами настолько мало, что вы испугались подобного развития событий?

— Да.

— Вы не допускали, что вместо развода мистер Норт... разозлится на человека, который поставил вас в такое неловкое положение?

— Нет.

Ханнасайд выдержал паузу, а заговорив снова, ошеломил Хелен резкостью:

— Несколько минут назад вы дословно повторили сказанное мистером Флетчером на садовой дорожке

незваному гостю. Почему его вы слышали совершенно четко, а второго мужчину не слышали вовсе?

— Говорю же, голос у мистера Флетчера был высокий, звонкий. Если вы когда-нибудь встречали слабослышащих, должны знать: такой голос уловить легче, чем низкий.

Очевидно, объяснение суперинтенданта устроило — он поднялся и кивнул:

— Хорошо, миссис Норт. Сейчас, если позволите, снимем отпечатки пальцев.

Через пятнадцать минут Хелен покинула участок, а Ханнаसाйд вернулся за стол и принялся изучать листок со своими заметками.

«Показания констебля Гласса: в 22:02 из сада Флетчеров вышел неизвестный.

Показания Хелен Норт: Около 21:58 Эрнест Флетчер проводил неизвестного до садовой калитки».

Суперинтендант задумчиво смотрел на листок, когда в кабинет вошел констебль Гласс и доложил, что в саду Флетчеров орудие убийства не нашли.

Ханнасайд недовольно хмыкнул, но, едва Гласс повернулся к двери, проговорил:

— Подождите! Вы утверждаете, что неизвестный вышел из сада Флетчеров в две минуты одиннадцатого?

— Да, сэр.

— А не могло быть, к примеру, без двух или без трех минут десять?

— Нет, сэр. Когда я вошел в кабинет, и на тамошних часах, и на моих наручных было 22:05. Да и с места, где я стоял, до кабинета Флетчера идти три минуты, а не семь.

— Хорошо, — кивнул Ханнасайд. — На этом пока все. Завтра утром явитесь за указаниями к сержанту Хемингуэю.

— Есть, сэр! — отозвался Гласс, мрачно добавив: — «Коварное сердце не найдет добра».

— Да уж.

— «И лукавый язык попадет в беду»*, — весьма сурово закончил Гласс.

К кому относится сие пессимистичное высказывание: к нему самому или к отсутствующему сержанту, — Ханнасайд выяснять не стал. Едва Гласс шагнул к двери, зазвонил телефон, и дежурный констебль объявил, что на проводе сержант Хемингуэй.

Голос сержанта звучал повеселее, чем при последнем разговоре с начальником.

— Это вы, шеф? — бодро начал он. — Я тут кое-что нашел, но пока не знаю, путное или нет. Мне приехать?

— Нет, я приеду сам. Встретимся в городе. Есть успехи с отпечатками пальцев?

— Смотря что считать успехом, шеф. Часть их принадлежит некоему Чарли Карпентеру.

— Карпентеру? — переспросил Ханнасайд. — Что еще за Карпентер?

— Долгая история. Возможно, покажется вам любопытной, — ответил сержант.

— Ладно, через полчаса буду.

— Отлично, шеф! Сердечный привет Ихаводу!

Усмехаясь, Ханнасайд положил трубку. Привет он решил не передавать: слишком неприветливым казался ему Гласс.

— Ну, Гласс, вы славно потрудились над этим делом. Думаю, вы обрадуетесь, что некоторые отпечатки пальцев идентифицировали.

Суперинтендант явно просчитался.

* «Книга Притчей Соломоновых» 17:20.

— Я вижу «всюду горе и мрак, гнетущую тьму»*, — отозвался Гласс.

— Так можно сказать про любое убийство, — едко заметил Ханнасайд, давая понять, что разговор окончен.

Глава шестая

Сержанта Хемингуэя Ханнасайд застал в прекрасном настроении.

— А у вас как успехи, шеф? — спросил Хемингуэй. — У меня день был просто сумасшедший.

— Кое-что прояснилось, — ответил Ханнасайд. — Досадно лишь, что Гласс не нашел орудие убийства.

— Наверное, он целый день сам себе молебны устраивал. Когда уж там орудие убийства искать? — съязвил сержант. — Эх, чувствую, быть Глассу моим крестом!

— Скорее, наоборот: это вы его крест, — ухмыльнулся Ханнасайд. — Он что-то говорил о коварном сердце и лукавом языке. Думаю, речь о вас.

— Неужели? Хорошо змеем или дьявольским отродьем не назвал. Впрочем, еще не вечер. Пусть цитирует Писание, на здоровье, хотя, строго говоря, дисциплину он нарушает. Главное, чтобы меня спасти не вздумал. Однажды меня уже спасали, того раза вполне достаточно. Более чем! — добавил Хемингуэй, вспомнив некоторые подробности своих мытарств. — Гнусные буклетики о заблудшей овце и греховности пьянства... Каждый из этих проповедников считает тебя воплощением порока, смех один!

Ханнасайд знал, что любимая тема давно завела бесстрашного сержанта в дебри бранных слов и экс-

* «Книга Исаяи» 8:22.

травагантных теорий, поэтому спешно вмешался и попросил доложить о проделанном за день.

— Находки мои очень интересные, — начал сержант, — но, как справедливо говорит Гласс, темные. Возьмем, к примеру, нашего друга Эйбрахама Бадда. С ним связан сюрприз номер один. Приезжаю сегодня утром в управление, а меня ждет его светлость собственной персоной.

— Бадд? — переспросил Ханнасайд. — Хотите сказать, он сюда приезжал?

— Да, шеф. Явился, как только прочел новости в вечерней газете. Еще немного, и вечерняя пресса начнет до завтрака появляться. Как бы то ни было, мистер Бадд держал газету под мышкой и буквально источал готовность помочь.

— Продолжайте! — велел Ханнасайд. — Ему что-нибудь известно?

— Ничего особенного, — ответил сержант. — По словам Бадда, он ушел от Флетчеров через садовую калитку примерно в 21:35.

— Так или иначе, это подтверждает слова миссис Норт, — заметил Ханнасайд.

— Шеф, вы что-нибудь от нее добились?

— Да, но лучше рассказывайте дальше. Если Бадд ушел от Флетчеров в 21:35, то видеть ничего не мог. Зачем он тогда явился в Скотланд-Ярд?

— Струсил, — коротко ответил сержант. — Я много читал о законах причинности, и для меня не секрет, что...

— К черту законы причинности! Чего испугался Бадд? Только не надо про раннюю фрустрацию или про торможение — мне не интересно. Понимали бы хоть, о чем говорите!

Сержант давно привык к такой реакции, поэтому лишь вздохнул.

— До причины страха мистера Бадда я еще не дошел. Он именуется себя независимым маклером. Насколько я понимаю, покойный Эрнест прикрывался им всякий раз, когда совершал сделки, которые, мягко говоря, совершать не стоило. По крайней мере такой вывод напрашивается с учетом известных нам фактов и застенчивости нашего друга Бадда.

— Черный маклер? Так я и знал. В бумагах Флетчера несколько копий писем к нему и парочка ответов. Внимательно просмотреть их я не успел. Зачем Бадд пожаловал в девять вечера в Грейстоунс?

— Тут и начинаются загадки, — ответил Ханна-сайд. — Если честно, до конца Бадду я не поверил. Пот с него так и катил. Впрочем, он же толстяк, а день сегодня жаркий. Если коротко, Бадд не понял суть секретных указаний, которые покойный Эрнест по телефону дал относительно... хм, секретной сделки. Наш друг Бадд решил не доверять столь деликатный разговор телефону и лично отправился к покойному Эрнесту.

— Правдой тут и не пахнет, — отметил Ханна-сайд.

— Не то слово! Зато жареным пахнет, хоть окно открывай. Но ведь нужен нам вовсе не Бадд, поэтому давить я на него не стал. Только заинтересовался, не привело ли вышеупомянутое замечание к размолвке с покойным Эрнестом.

— Правильно, — одобрительно кивнул Ханна-сайд. — И что ответил Бадд?

— Бадд излил мне душу, как на исповеди! — воскликнул сержант. — В доброте моей сердечной дело или нет, но он раскрылся, словно цветок по весне.

— Давайте без лирических отступлений, — попросил Ханна-сайд.

— Как скажете, шеф. Бадд проникся ко мне, как к родному. Буквально источал елей и невероятную откровенность. Ничего от меня не утаил, во всяком случае, ничего такого, что я уже не пронюхал. Имела ме-

сто небольшая размолвка, ибо покойный Эрнест считал, что определенные указания выполнены, а из-за неверно понятой фразы при телефонном разговоре и по ряду других причин они выполнены не были. Впрочем, покойный Эрнест подавил свой гнев, воцарился мир, и расстались они братьями.

— Весьма правдоподобно, — заметил Ханнасайд. — Возможно, так и случилось.

— Да уж, — отозвался сержант. — Скажу больше: хотя моей любви к психологии вы не разделяете, я чувствую, когда человека лихорадит. Бадд удерживал себя в руках ценой огромных усилий. Буду справедлив: у него получилось. На вопросы он отвечал не задумываясь, я едва успевал их задавать. А как описал свое состояние в момент, когда прочел о гибели Эрнеста!.. Не просто картина, а шедевр! Сперва он чуть не обезумел от горя, а потом сообразил: трагедия разыгралась менее чем через полчаса после его ухода от покойного. Понадеялся было, что останется в стороне, но тотчас вспомнил, как отдал свою визитку дворецкому покойного Эрнеста и как покойный Эрнест громко его отчитывал. А тут еще одна страшная мысль: покойный Эрнест проводил его до садовой калитки — их не видела ни одна живая душа. Малыш Эйбрахам проанализировал все эти факты и понял: ситуация опасная, следует отправиться прямоком к добрейшим полицейским, которых он сызмальства считает своими лучшими друзьями.

— Чересчур правдоподобно, — нахмурился Ханнасайд. — Как вы поступили?

— Дал ему конфетку и отпустил домой к маме! — без запинки ответил Хемингуэй.

Ханнасайд отлично знал сержанта и одобрил его нестандартный ход:

— Да, это самое верное решение. Бадд с крючка не сорвется. Так, а что с Чарли Карпентером, о котором вы говорили по телефону?

На миг Хемингуэй даже балагурить перестал.

— Это сюрприз номер два! Я уже подумывал, что из отпечатков пальцев ничего путного не выжмешь, а тут на тебе! — Хемингуэй взял со стола папку и протянул суперинтенданту. В ней лежали портрет молодого мужчины, два комплекта фотоснимков с отпечатками пальцев и краткая справка о некоем Чарльзе Карпентере двадцати девяти лет, ростом пять футов девять дюймов, весом сто шестьдесят фунтов, сероглазом шатене без особых примет.

У Ханнасайда медленно поднимались брови: он читал о мелких правонарушениях, завершившихся полуторагодовичным сроком за мошенничество.

— В самом деле сюрприз, — проговорил суперинтендант.

— С какого он тут боку, да? — подсказал Хемингуэй. — Я тоже так подумал.

— Красавчик, — отметил Ханнасайд, взглядевшись в портрет. — Волосы наверняка завиты. Ладно, сержант, вас так и распирает от новостей. Выкладывайте!

— Дело Карпентера вел Ньютон, — начал Хемингуэй, — и помимо этих грешков почти ничего о нем не выяснил. Молодой повеса без роду-племени, но с жаждой славы. Немного поет и танцует, пробивался на эстраду — без особого успеха. Одно время был жиголом в дешевом ист-эндском дансинге: дамам он нравится, сами говорите, красавчик. В общем, человек явно не круга покойного Эрнеста! Я уже засомневался в гениальности Бертильона*, когда Ньютон обронил фразу, представившую все в новом свете.

— Какую же?

* Альфонс Бертильон — французский юрист, изобретатель системы бертильонажа, системы опознавания преступников по их антропометрическим данным.

— На момент ареста — случилось это, как вы поймете из записей, в ноябре 1934 года — Чарли жил с актрисой по имени Энжела Энжел.

— Энжела Энжел? — Ханнаसाйд поднял голову. — Около года назад было дело некоей Энжелы Энжел. Девушка ведь покончила с собой?

— Шестнадцать месяцев назад, — уточнил Хемингуэй и открыл папку, в которой хранил бумаги Эрнеста Флетчера. Сверху лежала фотография. — А это, шеф, Энжела Энжел собственной персоной.

Ханнасайд взял фотографию: несколько часов назад эта самая девушка показалась Хемингуэю смутно знакомой.

— Ньютон упомянул ее имя лишь потому, что той девушкой занимались отдельно, и я сразу вспомнил, — начал Хемингуэй. — Ее дело вел Джимми Гейл, от него я тогда кое-что и слышал. Бедняжка покончила с собой, а почему, так никто и не выяснил. Не в залете, танцевала в кабаре Дьюка, держала на счете приличную сумму, а однажды вечером сунула голову в газовую духовку. На первый взгляд в деле ничего подозрительного, однако отдельные моменты Гейла заинтересовали. Во-первых, девушка не оставила предсмертной записки, что, с точки зрения Гейла, необычно. В девяти случаях из десяти самоубийца пишет записку, из-за которой какой-нибудь бедолага до конца дней своих чувствует себя убийцей, заслужил он того или нет. Энжела не написала. Более того, так и не удалось выяснить ее настоящее имя. Даже счет в банке она открыла на имя Энжелы Энжел. Родных у нее, похоже, не было, а если и были, то так и не заявили о своих правах. Изливать подружкам душу она, судя по всему, тоже не любила. По большому счету никто из девушек ничего о ней не знал. Разве только то, что за семь-восемь месяцев до самоубийства Энжела подцепила прилично-

го джентльмена, который снял ей уютную квартирку со всеми удобствами.

— Флетчер?

— Если сложить одно с другим и добавить несколько очевидных фактов, напрашивается именно такой вывод. Впрочем, доподлинно имя покровителя мне пока не известно. У Дьюка танцуют еще две девушки, которые начинали вместе с Энжелой, но настоящего имени ее дружка ни одна из них не слышала. Вроде бы Энжела звала его Бубу. Разве уважающий себя джентльмен станет мириться с таким именем? Только если он без ума от девушки.

— А описать его они могут?

— Да. Среднего возраста, темноволосый, худощавый, хорошо сложенный. Точь-в-точь покойный Эрнест! Если подумать, многие другие мужчины тоже будут точь-в-точь, но в качестве отправной точки сойдет. Как я уже сказал, Бубу устроил Энжелу со всеми удобствами, и она с удовольствием променяла танцы на сытое безделье. Случилось это через полгода после того, как посадили ее друга Чарли. Следующие шесть месяцев об Энжеле в кабаре не слышали; потом, то есть в декабре 1935-го, она вдруг объявилась и захотела на старое место.

— Бросили?

— Похоже, да, — осторожно ответил сержант. — Хотя белокурая Лили рассказала...

— Кто?!

— Танцовщица из кордебалета. В разговоре со мной она заявила, что о своем кавалере Энжела помалкивала. Отделив зерна от плевел — а когда у Лили развязывается язык, это ой как непросто, — я заключил, что покойный Эрнест был любовью всей жизни Энжелы. Однако со временем к ней охладел. Она не залетела, денег поднакопила, так что, похоже, обращался он с ней не так уж дурно. Впрочем, белокурая Лили твердит, что

нечастливая брошенная Энжела на других поклонников не смотрела. Через пару месяцев бедняжка решила, что не может жить без Эрнеста, сунула голову в духовку.

— Бедная девушка! Чем больше узнаю о Флетчере, тем меньше он мне нравится.

— Будьте справедливы, шеф! — взмолился Хемингуэй. — Энжела должна была понять, чем дело кончится. Только нам интересно не это, а как здесь замешан Чарли Карпентер.

— Удалось выяснить, чем он занимался после освобождения? Когда это произошло? — Ханнаайд сверился с лежащим на столе досье. — В июне 1936-го. То есть год назад. Что он делал с тех пор?

— Понятия не имею. — Сержант развел руками. — Знаю лишь, что его за это время ни разу не арестовывали. Странно, да? Если замыслил месть, зачем ждал целый год?

Ханнаайд вновь всмотрелся в фотографию.

— Мечь?

— На мстителя не похож. Лицо тупое, безвольное. Судя по всему, он самовлюбленный молодой обормот, который ради ближнего палец о палец не ударит. Сперва я решил, что Карпентер пытался трясти покойного Эрнеста. Безуспешно, насколько можно судить по его досье.

— Да уж, — согласился Ханнаайд. — А дальше сталкиваемся с убийством.

— Ага, как с каменной стеной, — кивнул сержант. — Потому что оно в картину не вписывается.

— Где-то у нас нестыковка. Карпентер подходит под описание, которые я слышал от Гласса и миссис Норт. Хотя, нужно признать, описания эти чересчур расплывчаты.

— Неужели миссис Норт приезжала в участок?

— Да, приезжала и, если не ошибаюсь, думает, что Флетчера убил ее муж.

Хемингуэй аж глаза вытарашил:

— Вот тебе на! Ну и жизнь в пригородах! А что Ихавод по этому поводу думает?

— Я об этом ему еще не говорил и не имел чести услышать его мнение.

— Вот пронюхает обо всем и новый псалом специально для нас выучит!.. Вариант с мужем миссис Норт сильно осложняет дело. Шеф, что она вам наговорила?

Ханнасайд вкратце рассказал о двух беседах с Хелен Норт. Сержант слушал молча. В его умных глазах, устремленных на лицо суперинтенданта, росло отвращение.

— Вспомните мои слова, — буркнул он, когда Ханнасайд закончил. — Слишком много становится фигурантов. А еще скажу, что к концу расследования эта Норт будет нам поперек горла. Небось считает, что главнейшая наша задача — бегать кругами, пока она свою трехактную трагикомедию разыгрывает! А вы, шеф, меня удивляете: позволили втянуть себя в их супружеские распри! Да и какой смысл прятать от Норта долговые расписки? В итоге он все равно узнает.

— Конечно, только не от меня: я сообщать ему не обязан.

Хемингуэй фыркнул.

— Что за фрукт этот Норт? Чем объяснил возвращение домой на неделю раньше срока?

— Ничем. Симпатичный парень. Знает больше, чем говорит. Решительный, довольно сдержанный и отнюдь не дурак.

— Надеюсь, мы пробьем его броню, — процедил сержант. — Судя по вашим словам, возни с ним будет не меньше, чем с его благоверной. Алиби у него есть?

— Нет. Кстати, это он мне сам любезно сообщил.

— Неужели? — Хемингуэй искоса посмотрел на суперинтенданта. — А вы не думали, что супруг пускает нам пыль в глаза?

— Не исключено. Возможно, Норт подозревает, что Флетчера убила его жена. Все зависит от того, что ему известно о ее взаимоотношениях с покойным Эрнестом.

— Я-ясно, — протянул сержант. — Получается веселенький бадминтон, причем в роли воланчиков мы с вами. Разумеется, по-настоящему головы наши заболят, когда миссис Норт осенит, что в саду она видела Чарли Карпентера. Тогда мы заставим ее проглотить все ее показания о том, как покойный Эрнест провожал его до калитки. Это же, наверное, ерунда.

— Может быть, хотя про свои отпечатки пальцев на двери Хелен Норт не соврала. Я проверил их до отъезда из Марли. Главное несоответствие — во времени. В 21:35 Бадд покинул Грейстоунс через садовую калитку. Думаю, это можно считать правдой. В это время миссис Норт шагала по Мейпл-гроув и, по ее словам, видела, как из сада Грейстоунс выходит толстяк.

Сержант записал все на листочке.

— Это согласуется с показаниями самого Бадда: в 21:35 он уходит, миссис Норт приходит.

— В 21:45 миссис Норт сбегает из кабинета.

— Короткий получился визит, — отметил сержант.

— При втором нашем разговоре Хелен Норт призналась, что они с Флетчером поссорились. Еще в 21:45 у нас появляется неизвестный. Он тоже проник в сад через калитку.

— Назовем его Иксом, — предложил сержант. — А миссис Норт тогда за кустом спряталась?

— Да. Икс вошел в кабинет, предположительно, через минуту. Потом, если верить первому рассказу миссис Норт, она выскользнула через садовую калитку. А если верить второму рассказу, осталась за кустом примерно до 21:58, когда Икс и Флетчер вышли из кабинета и по дорожке отправились к калитке. Тут Хелен прошмыгнула обратно в кабинет искать свои долговые расписки, услышала, как возвращается Флетчер,

и выбежала в коридор. Там она была, когда часы начали бить десять. В 22:02 Гласс, патрулируя участок, увидел, как мужчина, соответствующий описанию, которое миссис Норт дала Иксу, выбирается за калитку и спешит к Арден-роуд. Гласс вошел в сад и к 22:05 оказался в кабинете, где наткнулся на убитого Флетчера. Убийцы к тому времени и след простыл. Какие выводы можете сделать?

— Никаких, — категорично заявил Хемингуэй. — Я с самого начала чувствовал: тут черт ногу сломит. А вывести могу лишь одно: показаниям миссис Норт доверять не стоит. Доподлинно мы знаем лишь то, что в 22:05 Гласс обнаружил покойного Эрнеста с проломленным черепом. Гласс видел, как Икс покидает Грейстоунс в 22:02, следовательно, если Икс — убийца, Флетчера он прикончил между 22:00 и 22:01, а за минуту выскользнул из кабинета и добрался до калитки.

— По-моему, расчет правильный.

— Только показания миссис Норт в него решительно не вписываются. По ее словам, возвращающегося в кабинет Эрнеста она услышала почти в десять. Подумайте, шеф! Эрнест должен был сесть за стол и взяться за письмо, которое обнаружили у него под головой. Его явно застали врасплох, то есть Икс не бежал по дорожке, дыша ему в спину. По всей видимости, Икс дождался, пока Эрнест войдет в дом. Флетчер садится за стол и принимается за письмо, тут убийца входит, бьет его по голове тупым предметом — не раз, а дважды или трижды! — и исчезает. Шеф, если втиснете все эти действия в две минуты, вы просто молодец. Еще один момент: если Эрнест выпроводил Икса из Грейстоунс, тот наверняка притворился, что уходит, так?

— Да, видимо, так.

— Эрнест возвращается в дом, а Икс тем временем — к калитке. Если он уже решил убить Эрнеста, а я в этом уверен, калитку Икс открыл, лишь когда Эр-

не ст переступил порог кабинета, то есть в 22:00. Бежать Икс не стал бы: Флетчер мог его услышать. Дальше Икс без утайки шагает по дорожке: смотрите, мол, вот он я? Конечно, нет! Он прячется, а раз обычным шагом от калитки до кабинета идти минуту, то крадучись в темноте — куда дольше. В кабинет Икс попал не раньше пары минут одиннадцатого, а в это самое время Гласс видел, как он выбирается за калитку.

— Дружище, боюсь, у вас идея фикс, — произнес Ханнасайд. — Еще не факт, что Икс — убийца.

Сержант и бровью не повел.

— Я как раз к этому подхожу. Убийцей мог быть Бадд, если потихоньку вернулся и сидел в саду, дожидаясь удобного момента, или мистер Норт. Но если Иксом, которого видел Гласс, был Чарли Карпентер, то что он делал, пока Эрнесту раскалывали череп?

— Есть другой вариант, — начал Ханнасайд. — Допустим, убийца — Норт..

— Минуточку, шеф? То есть Норт — Икс? — уточнил Хемингуэй.

— Никто не Икс. Если предположить, что на дорожке миссис Норт видела мужа, временные границы убийства Флетчера становятся шире, с 21:45 до 22:01.

Хемингуэй захлопал глазами:

— Так и второй вариант рассказа миссис Норт — полное вранье? Когда на сцене появляется Карпентер?

— После убийства.

— Нужно найти Карпентера, — немного подумав, объявил сержант.

— Конечно. Вы кому-нибудь это поручили?

— Да я почти весь отдел по его следу направил, только, если он целый год вел себя тише воды, ниже травы, найти его будет непросто.

— Еще меня тревожит орудие убийства. По мнению коронеров, удары наносились тупым предметом вроде утяжеленной палки. Череп Флетчера, как вы

знаете, проломлен. Однако и Гласс, и миссис Норт утверждают, что мужчина, которого они видели, в руках ничего не держал. Показания миссис Норт, разумеется, можно проигнорировать, но как быть с показаниями Гласса? Самое естественное для убийцы — сразу избавиться от орудия преступления, а наши люди чуть ли не с лупой весь сад прочесали, но ничего не обнаружили.

— Как насчет самого кабинета? Были там бронзовая фигурка или пресс-папье, которые убийца мог сунуть в карман?

— По словам дворецкого, ничего не пропало. На столе стоит массивное пресс-папье, но, насколько я понимаю, его уже позднее принес ваш хулиганистый дружок Невилл Флетчер. О нем, кстати, я собираюсь навести справки.

— Позднее принес? — встрепенулся сержант. — Насколько я понимаю Невилла, именно так он поступил бы, если... если бы убил дядю этим самым пресс-папье. Молодой Флетчер счел бы это верхом остроумия.

— Не слишком ли хладнокровно?

— О, хладнокровия Невиллу не занимать. Ума, кстати, тоже. Если Эрнеста убил он, миссис Норт наверняка видела его по пути из... Или сейчас мы считаем правдой ее первую историю?

— Если рассматривать в качестве убийцы Невилла, то придется. Но тут появляются два серьезных контраргумента. Во-первых, на двери кабинета отпечатки пальцев миссис Норт, а как они туда попали, если она ушла не через ту дверь? Во-вторых, если правдой считать ее первую историю, получается, мужчина вошел в кабинет около 21:45 и покинул Грейстоунс в 22:02, ведь не могли же два разных визитера навестить Флетчера за семнадцать минут! Да и когда Невилл успел бы убить

дядю? После того, как Гласс увидел уходящего Икса, и до того, как сам Гласс вошел в кабинет? По-моему, это на грани фантастики.

— Да уж. — Хемингуэй задумчиво потер подбородок. — После вашего замечания меня тоже смущает отсутствие орудия убийства. Тяжелую палку убийца мог сунуть в штанину, но тогда бы он хромал, что Гласс непременно заметил бы. А что убийца мог принести в кармане? Гаечный ключ?

— Только если убийство было предумышленным. Просто так тяжелые гаечные ключи в карманах не носят. Почему-то мне это убийство предумышленным не кажется. Не представляю, кто замыслит разбить человеку голову в его собственном кабинете, да еще вечером, а не ночью.

— И я не представляю, — кивнул сержант. — Мы весь каминный прибор осмотрели — и кочергу, и щипцы, и совок. Видимо, убийца ловко избавился от орудия преступления, чем бы оно ни было. Не мешало бы мне самому на кабинет взглянуть. И с дворецким поболтать. От слуг что только не услышишь.

— Непременно поезжайте в Марли! — велел Ханнасайд. — Нельзя оставлять Грейстоунс без наблюдения. Я тем временем проверю счета Невилла Флетчера, местонахождение мистера Норта в ночь убийства и таинственные дела Эрнеста Флетчера с чистосердечным мистером Баддом.

— Насыщенное получится утро, — предсказал Хемингуэй. — Что, расширяются горизонты? Начали с одного мужчины, а теперь у нас дама, ее ревнивый муж, черный маклер, погибшая танцовщица кабаре, преступник и подозрительный племянник. А ведь мы только в девять утра за дело взялись. Такими темпами через пару дней подозреваемых будет пруд пруди. И зачем только я в полицейские подался?.. — Хемингуэй сложил бумаги. — Если бы убийство хоть немно-

го вписывалось в досье Чарли Карпентера, я бы поставил на него. Как считаете, он охотился на покойного Эрнеста, с тех пор как из тюрьмы вышел?

— Трудно сказать, но вполне возможно, раз покровителя Энжелы даже ваша белокурая Лили не знает.

— Ага, — задумчиво проговорил сержант. — Карпентер случайно узнал о самоубийстве Энжелы и решил, что предоставляется отличный шанс потрясти покойного Эрнеста. Если поразмыслить, эта версия отлично вяжется со второй историей миссис Норт — в ней ведь Эрнест говорил, что Икс ошибся? Ну, очевидно одно — нужно разыскать Карпентера.

— Его пусть Скотланд-Ярд ищет, а вы с утра отправляйтесь в Марли, вдруг что интересное услышите. Кстати, — Ханнасайд поднялся, его глаза лукаво блеснули, — если натолкнетесь на энергичную молодую особу с моноклем, Бог вам в помощь. Это младшая сестричка миссис Норт, она детективы пишет.

— Что?! Хотите сказать, под ногами у меня будет путаться писательница?

— Не исключено.

— Вот здорово! — съязвил сержант. — Казалось бы, Ихавод — тяжелый крест, добавки не надо. В очередной раз убеждаюсь: если судьба не сломила тебя сразу, наверняка попробует снова.

Ханнасайд засмеялся.

— Отправляйтесь домой изучать Фрейда, Хейвлока Эллиса* или кого вы там изучаете. Надеюсь, это поможет.

— Изучать, ага! Да у меня времени не хватит. — Сержант потянулся за шляпой. — Вечерок будет еще тот!

— Лучше отдохните. У вас был тяжелый день. Чем займетесь?

— Библию буду зубрить.

* Хейвлок Эллис — английский психолог и писатель.

Глава седьмая

Ханнасайд допоздна засиделся в кабинете, изучая бумаги Эрнеста Флетчера, а то, что он из них выяснил, уже в девять часов следующего утра привело его в контору мистера Эйбрахама Бадда.

В приемной ждать не пришлось. Секретарь отнесла визитку Ханнасайда своему начальнику, тотчас вернулась с глазами навывкате, готовая в красках рассказать об этом таинственном посетителе, едва соберется подходящая аудитория, и дрожащим голосом попросила следовать за ней.

Едва Ханнасайда провели в кабинет, мистер Бадд вскочил с вращающегося кресла навстречу дорогому гостю. Он настолько соответствовал описанию, которое дал сержант Хемингуэй, что суперинтендант с трудом подавил улыбку. Толстый, низенький, лоснящийся, Бадд каждой порой источал навязчивое дружелюбие. Он пожал Ханнасайду руку, усадил на стул, предложил сигару и несколько раз повторил, что рад его видеть.

— Очень рад встрече, суперинтендант! Какая трагедия! Какое чудовищное зверство! Известие буквально раздавило меня. Я так и сказал сержанту в Скотланд-Ярде — раздавило, — с чувством повторил Бадд. — Ибо я уважал мистера Флетчера. Да, сэр, я уважал его. Какой ум! Какая деловая хватка! Талант! Я всегда говорил: у мистера Флетчера талант предпринимателя. И вот этого человека нет..

— Пожалуй, вы правы, — сухо отозвался Ханнасайд. — Вы тесно сотрудничали с покойным, да?

Взгляд умных глазок мистера Бадда и характерный для его народа жест одновременно выражали и согласие, и отказ.

— В чем заключалось ваше сотрудничество? — спросил Ханнасайд.

Мистер Бадд подался вперед и, положив локти на стол, ответил заговорщицким тоном:

— Строго между нами, мистер Ханнасайд. — Он хитро взглянул на суперинтенданта. — Дела своих клиентов я не обсуждаю ни с кем на свете, особенно дела мистера Флетчера, но когда происходит подобное, правила, конечно, отменяются. Я деликатен, иначе нельзя. Кем бы я был, если бы не деликатность? В этом кресле точно не сидел бы. В то же время я на стороне закона и порядка и осознаю: мой гражданский долг — помогать полиции любыми возможными способами. Поэтому сегодня я нарушу правило молчания. Вы, мистер Ханнасайд — человек широких взглядов и огромного жизненного опыта. Вы понимаете: не все, что происходит в Сити, освещается «Файненшл таймс». — Бадд затрясся от удовольствия и добавил: — Далеко не все.

— Я прекрасно сознаю, что не слишком щепетильному человеку с положением мистера Флетчера — он ведь был членом советов и правлений, верно? — удобнее нанять маклера, чтобы от его имени покупал акции, а самому оставаться инкогнито, — заметил Ханнасайд.

— Вы хорошо осведомлены, да, мистер Ханнасайд? — спросил Бадд, подмигнув. — Если коротко, то все правильно. Вы можете не одобрять такой выбор, я могу его не одобрять, только к нам с вами дело не относится, так?

— К вам это очень даже относится, ведь мистер Флетчер постоянно вас нанимал.

— Верно, — кивнул Бадд, — я не отрицаю. Какой смысл отрицать? Моя задача — выполнять указания клиентов. Этим я и занимаюсь, мистер Ханнасайд, не задавая лишних вопросов.

— По-моему, так не всегда получается, — парировал Ханнасайд.

— Что вы имеете в виду? — обиделся Бадд. — Не нравится мне это, мистер Ханнасайд. Совсем не нравится.

— Лишь вчера вы сказали сержанту Хемингуэю, что не выполнили какие-то указания мистера Флетчера.

Помрачневший было Бадд снова заулыбался, устроился поудобнее и с явным облегчением проговорил:

— Ну-ну-ну, это же преувеличение! Малюсенькое преувеличение, уверяю вас! Сержанту я сказал, что мы с мистером Флетчером не совсем друг друга поняли.

— В чем именно было дело?

— Побойтесь Бога, суперинтендант! Вы ведь не ожидаете, что кто-то из моих коллег раскроет суть секретной операции? Это было бы неправильно, да и непорядочно.

— Ошибаетесь, мистер Бадд, именно этого я от вас ожидаю. Зачем ходить вокруг да около, лучше сразу скажу, что сейчас документы мистера Флетчера у полиции. Более того, все, о чем умолчите вы, наверняка расскажут ваши грессбухи.

Во взгляде Бадда стало еще больше укора.

— Суперинтендант, вы же понимаете, что нельзя так своевольничать, — проговорил он скорее печально, чем зло. — Вы не дурак, я не дурак, зачем такие жесткие меры?

— В моей власти применить к вам самые жесткие меры, — резко ответил Ханнасайд. — По вашим собственным словам, в день убийства вы были у мистера Флетчера и поссорились...

— Не поссорился, суперинтендант! Не поссорился!

— ...поссорились с ним. Время ухода из Грейстоунс вы ничем подтвердить не можете. Это вкупе с письменными доказательствами, которые я обнаружил в документах мистера Флетчера, дает мне основание запросить ордер на обыск вашей конторы.

Бадд поднял руку:

— Зачем мучить друг друга? Суперинтендант, вы превышаете свои полномочия. На меня у вас ничего нет. Разве я не явился в Скотланд-Ярд сразу, как про-

чел страшные новости в газете? Разве я не рассказал всю правду вашему сержанту? Такого отношения я не ожидал, совершенно не ожидал. В жизни закон не нарушал, ни единого разу! И что получаю взамен?

Стенания Бадда впечатления не произвели. Не сообразив ответить, Ханнасайд глянул на листок со своими записями.

— Десятого июня мистер Флетчер написал вам, поручив купить десять тысяч акций «Хакстон индастриз».

— Верно, — отозвался Бадд, не без тревоги глядя на полицейского. — Я не отрицаю. Зачем мне отрицать?

— Эти акции считались мертвым капиталом, да? Бадд кивнул.

— Так вы купили их?

— Станный вопрос, — после короткой паузы ответил Бадд, напуганный прямою Ханнасайда. — Я получил указания. Одобрял я инвестицию в «Хакстон индастриз» или нет, разве мое дело давать советы мистеру Флетчеру?

— Вы купили акции?

И снова Бадд ответил не сразу. Он с тревогой смотрел в лицо Ханнасайду и, сбитый с толку, гадал, что суперинтендант выяснил из документов Флетчера.

— А если нет? Такой огромный пакет очертя голову не покупают. Получилось бы нелепо — я слишком хорошо знаю свое дело, чтобы это не понимать.

— Когда вы получили указания мистера Флетчера, акции «Хакстон индастриз» не котировались?

— Компания была обречена, — коротко сказал Бадд.

— На ваш взгляд, их акции ничего не стоили?

Бадд пожал плечами.

— Вы наверняка удивились, когда вам поручили купить такой большой пакет акций?

— Может, и удивился, только это не мое дело. Вдруг мистер Флетчер получил конфиденциальную информацию?

— Но вы сочли, что мистер Флетчер ошибся?

— Даже если так, мои взгляды и мнение не важны.

Мистер Флетчер пожелал купить пакет акций, а почему, не мое дело. Если хотите знать, сейчас интерес к «Хакстон индастриз» заметно возрос. Моими трудами.

— Вы скупали акции?

— А что мне оставалось? Мистер Ханнасайд, буду с вами откровенен. Вообще-то причин на это у меня нет, ни малейших, только скрывать мне нечего, а полиции помочь хочется. Вряд ли, конечно, вам поможет мой рассказ, но как человеку здравомыслящему мне ясно: та сделка вас интересует. Мы с мистером Флетчером впрямь не поняли друг друга, и дело тут в его указаниях. Любого поразило бы настойчивое — а оно было настойчивым! — желание мистера Флетчера купить акции умирающей компании. Меня, как здравомыслящего человека, оно тоже поразило. Что сделал я? Решил, что в указаниях опечатка. Добавить лишний ноль легче легкого. Я хотел проверить, позвонил мистеру Флетчеру, а он сказал, что все правильно. Еще разозлился, что я задаю ненужные вопросы. Я начал объяснять, но не успел: мистер Флетчер бросил трубку. Ну зачем мне втирать вам очки? Конечно, незачем. Я ошибся. Да, мистер Ханнасайд, я ошибся. Впервые за двадцать лет приходится винить себя в небрежности. Как бы неприятно ни было. Вам бы тоже было неприятно! Следовало запросить у клиента письменное подтверждение, что он желает приобрести тысячу акций. Следовало, а я не запросил, пренебрег своими обязанностями. Я купил от его имени тысячу акций малыми пакетами. В результате их котировка повысилась. Тут и позвонил мистер Флетчер. Он увидел на тикере новый курс, сообразил, что это моих рук дело, и захотел выяснить, выполнил ли я его указания. «Да», — ответил я. Мистер Флетчер обрадовался. Мы с ним сотрудничали много лет, я никогда не перечил, вот он и раскрыл мне

секрет. Ни капли подлости — таким был мистер Флетчер! Оказывается, умирающую «Хакстон индастриз» задумало поглотить «Ай-Пи-Эс консолидейтид», мол, если я сам хочу заработать, акции нужно покупать быстро, но осторожно. Понимаете? Они, мол, до пятнадцати шиллингов поднимутся. Это точно, мистер Ханнасайд, возможно, они даже выше поднимутся. А что потом? Потом, как всегда шутя, мистер Флетчер сказал, мол, я небось подумал, что он спятил, поручив мне купить десять тысяч акций. Так и сказал. Десять тысяч, десять! Я купил лишь тысячу, а они между тем подскочили с полукроны до семи с половиной шиллингов и больше не упадут. Нет, сэр, акции «Хакстон индастриз» будут расти и расти. Что я мог сделать? Только одно, и я это сделал. Я отправился к мистеру Флетчеру. Он ведь доверял мне и не усомнился бы в моих словах, тем более я не лгал. Разумеется, он не обрадовался. Понятно, да? Но мистер Флетчер был джентльменом, настоящим джентльменом. Даже раздосадованный. Расстались мы друзьями. Ну вот, вкратце так все произошло.

Долгая исповедь Ханнасайда не растрогала.

— По-моему, не совсем так, — холодно проговорил он. — Как мистер Флетчер, по вашим словам, следивший за тикером, не заметил, что рост курса не такой большой, каким был бы, купи вы десять тысяч акций?

Мистер Бадд замялся, но взял себя в руки и зачастил:

— По-вашему, у мистера Флетчера не нашлось занятий интереснее, чем вглядываться в тикер? Уверяю вас, операция, которую он мне поручил, была для него лишь приработком.

— Мне нужно просмотреть ваши гроссбухи, — сказал Ханнасайд.

— Свои гроссбухи я не показываю никому! — Впервые с начала разговора вкрадчивый голос Бадда зазвучал резко.

— Неужели? — Ханнасайд смерил его хмурым взглядом.

Мистер Бадд побледнел и растянул губы в слабой улыбке.

— Поймите меня правильно, мистер Ханнасайд, и будьте справедливы. О большем не прошу, только будьте справедливы! Если я покажу гроссбухи хоть одной живой душе за пределами этой конторы, то потеряю добрую половину клиентов.

— Не потеряете! — отрезал Ханнасайд.

— Ах, мне бы вашу уверенность!

— Так будьте уверены!

— Послушайте, мистер Ханнасайд, я человек разумный, и если вы предоставите ордер на обыск, возражать не стану. Без ордера ничего не покажу. С какой стати? Ни с какой. А вот принесете ордер на обыск — подчинюсь беспрекословно.

— Если вы и впрямь человек разумный, подчинитесь при любых обстоятельствах и сию секунду покажете гроссбухи, — отчеканил Ханнасайд.

— Не покажу! — заявил Бадд, глядя ему в глаза. — Вы не смеее являться в мою контору и командовать. Я не потерплю!

— Понимаете, в каком вы положении? — строго спросил Ханнасайд. — Я даю вам шанс защититься от подозрений...

— В убийстве я не замешан. Вам, суперинтендант, это прекрасно известно. Разве я не явился в Скотленд...

— Ваш визит в Скотленд-Ярд не меняет ровным счетом ничего. Истории, которую вы сейчас мне выложили, не поверит и дитя. По причинам, никому, кроме вас, не известным, вы отказываетесь подтвердить ее записью в гроссбухе. Мне остается лишь...

— Нет-нет! Зачем торопиться? Не надо! Просто я смотрю на дело немного иначе. Арестуете меня — по-

теряете время даром. Но ведь не арестуете? Я не преступник. Вы же не считаете, что я проломил человеку голову? Да мне бы пороху не хватило! Я сказал вам, возможно, не всю правду, но клянусь...

— Хватит клясться, выкладывайте правду!

Мистер Бадд облизнул губы и заерзал на стуле.

— Я немного просчитался. С кем не бывает? Не предполагал, что «Ай-Пи-Эс» поглотит «Хакстон индастриз». Думал, так, суета. Для себя стараться тоже надо. Вы бы наверняка расстарались. Ничего противозаконного здесь нет...

— Дальше! — перебил Ханнасайд. — Вы ждали, что акции снова упадут, так?

— Именно! — с жаром воскликнул Бадд. — Раскрыл бы мистер Флетчер свой секрет раньше, ничего не случилось бы. Ни-че-го.

— Вы не купили десять тысяч акций, как вам велели, а сыграли на себя?

— Шансы упускать нельзя, — закулил Бадд. — Сами понимаете! Ничего дурного я не замышлял!

Это весьма неубедительное утверждение Ханнасайд проигнорировал.

— Купили-продали, потом снова купили и продали, а прибыль оседала у вас в кармане. Так получилось? На тикере операции отражались, только как Флетчеру догадаться, что у вас на уме. Потом он раскрыл вам секрет — этой части рассказа я верю, — и вы поняли, что купили в десять раз меньше акций, чем следовало, а они пошли в рост. Правильно я излагаю?

— Вы... вы прирожденный биржевой игрок, мистер Ханнасайд! — похвалил Бадд. — Просто удивительно, как вы все распутали!

— В тот роковой вечер вы поехали в Марли потчевать мистера Флетчера байкой о том, почему не купили нужное количество акций?

— Совершенно верно. Не повезло, мистер Ханна-сайд. Не отрицаю, я сглупил, но...

— Мистер Флетчер очень злился?

— Злился, но я его не виню и прекрасно понимаю. Только, оставаясь в тени, он поделаться ничего не мог, а играть в открытую не желал. Ясно же, мистер Флетчер не мог допустить, чтобы стало известно, как он через посредника купил акции «Хакстон индастриз». Мистер Ханна-сайд, на меня у вас ничего нет. Помяните мое слово: о любом опрометчивом поступке вы потом пожалеете.

Лоб Бадда покрылся бусинками пота. Сообразив, что ареста не последует, он шумно выдохнул и вытер лицо шелковым носовым платком.

Ханна-сайд ретировался.

Теперь следовало проверить счета Невилла Флетчера.

Тем временем сержант Хемингуэй, своевременно прибывший в Марли, застал констебля Гласса в унынии. Веселый и бодрый, сержант тотчас заметил настроение своего подчиненного.

— Что с вами? Колики замучили?

— Нет, сержант, я в полном здравии, — отозвался Гласс.

— Ну, если у вас такой вид в хорошем настроении, не хотелось бы увидеть вас в плохом, — пошутил сержант. — Вы когда-нибудь улыбаетесь? Про смех я не спрашиваю, но хотя бы улыбаетесь?

— Печаль лучше смеха, — холодно проговорил Гласс. — Ибо печалью сердце лечится.

— Если речь о моем сердце, вы ошибаетесь, — молниеносно парировал Хемингуэй.

— Причин радоваться не вижу, — заявил Гласс. — Я опечален, подавлен и скорблю дни напролет.

— Давайте начистоту! — взмолился сержант. — Вам в самом деле есть о чем скорбеть, или это ваше любимое состояние?

— Я вижу грехи, которые обнажила смерть человека. Легион имя тем грехам. Я вижу порочность природы человека, аки воду беззаконие пьющего.

— Сюда я приехал в чудесном настроении, — процедил Хемингуэй; ему с трудом удавалось сдерживаться. — Солнышко, птички, дело интересное попало... Но еще немного таких разговоров, и у меня начнутся кошмары. Поэтому забудьте о порочности природы и сосредоточьтесь на убийстве, которым должны заниматься.

— О нем все думы мои, — отозвался констебль. — Убит грешник, однако гибель его обнажила пороки, доселе сокрытые. Ни один из причастных не может сказать: «Я безгрешен, на мне ни пятна скверны».

— Золотые слова! — воскликнул сержант. — Разумеется, никто из нас не безгрешен. Неужели вы другого ждали? Вы чересчур серьезны и впечатлительны. Что вам до чужих пороков? Я знаю Библию много хуже вашего, но как насчет сучка в глазу брата твоего?

— Ваш упрек справедлив, — проговорил Гласс. — Я исполнен греха.

— Только слишком близко к сердцу не принимайте! — посоветовал сержант. — Ладно, за дело! Новостей, думаю, нет?

— Мне ничего неизвестно.

— Поедемте со мной в Грейстоунс. Хочу сам поискать то тупое орудие.

— Не найдете.

— Зря вы так думаете. Суперинтендант рассказывал про многообещающее пресс-папье, которое якобы подложил молодой Невилл.

Гласс помрачнел.

— «Мерзость пред Господом — коварные сердцем»*, — холодно произнес он. — Невилл Флетчер погряз в суете. Пустой человек.

— Вы что-то о нем раскопали? — поинтересовался сержант. — Или ровным счетом ничего?

— Я вижу в нем безбожника, презирающего Священное Писание. Других пороков за ним не знаю.

— А как вам Норты?

— Говорят, он человек честный. Речи супруги его лживы, но удар, погубивший Эрнеста Флетчера, она не наносила.

— Да уж, если только кувалдой не орудовала, — согласился сержант. — Думаю, Чарли Карпентер расскажет, кто убил Флетчера, нужно только его найти. Слышали о Чарли Карпентере?

— Слышал, но, боюсь, ничего не понял. Что известно о человеке этом?

— Мелкая сошка. Тянул срок, год назад освободился. Его отпечатки пальцев нашли на рабочем столе покойного Эрнеста.

— Неужели такой человек причастен к убийству Флетчера? — хмуро спросил Гласс. — Воистину, темен путь наш.

— Не так и темен, — возразил сержант. — Карпентер якшался с одной из девиц покойного Эрнеста. Касательно той красотки с фотографии, вы попали в яблочко — ну, про страшный конец, помните? Девушку звали Энжела Энжел. Шестнадцать месяцев назад она наложила на себя руки, не захотела жить после того, как покойный Эрнест ее бросил. Судя по всему, именно он был ее кавалером. Дурочка молоденькая, ну как ее не пожалеть?

* «Книга Притчей Соломоновых» 11:20.

— «Душа согрешающая, та умрет»*, — безжалостно проговорил Гласс. — Считаете, Карпентер убил Эрнеста Флетчера?

— Пока не пойму. Вроде бы стопроцентный подозреваемый, однако убийство с его досье не вяжется. Я считаю, что Чарли пытался шантажировать покойного Эрнеста из-за смерти Энжелы.

— Тогда ему незачем убивать Флетчера.

— Вы, дружище, не меньше моего преступлений перевидали и знаете: чем невероятнее гипотеза, тем перспективнее. Не отрицаю, смысл в ваших словах есть. Шеф полагает, что Карпентер видел настоящего убийцу.

Гласс пронзил сержанта ледяным взглядом:

— Как же так? Почему он тогда молчит?

— Ну, это ясно. Карпентер не из тех, кто, чуть что, бежит в полицию. Например, придется объяснять, что он делал в Грейстоунс.

— Верно. Вам известно, где обиталище сего грешника?

— Говорили бы нормальным языком, было бы куда лучше... — заметил сержант. — Нет, мне обиталище неведомо, будем выяснять. А пока нужно побольше узнать о нашем друге Норте. — Хемингуэй перехватил вопросительный взгляд Гласа. — Вы еще не слышали про трагикомедию? По мнению шефа, в саду Флетчеров Хелен Норт видела своего супруга. Вот ей и пришлось малость изменить показания. В общем, с лживыми речами вы тоже не промахнулись.

— Откуда у нее такие мысли?

— На тот вечер у ее благоверного нет алиби. Сейчас его шеф проверяет. Еще есть Бадд, у него точно рыльце в пуху, зуб даю!

* «Книга Иезекииля» 18:4.

— «Придет день, пылающий, как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и подпалит их грядущий день»*, — неожиданно выдал Гласс у парадного крыльца.

— Может, и так, но вы, дружище, до того дня не доживете. Зачем волноваться? — едко спросил сержант. — Лучше делом займитесь. Дворецкий ваш приятель, верно?

— Я знаком с ним, однако приятелем иль другом не назову, ибо друзей у меня мало.

— Неужели? — подначил Хемингуэй. — Ладно, знакомы, и довольно. Поболтайте с ним по-приятельски.

— «Нерадивая душа будет терпеть голод»**, — сурово напомнил Гласс.

— Только не из-за нерадения с дворецким. Ни голод не будете терпеть, ни жажду, — успокоил Хемингуэй.

— «Гибель вымышляет язык твой; как изощренная бритва он у тебя, коварный»***, — отозвался Гласс. — Симмонс — честный человек, он идет дорогой добра.

— Поэтому я поручаю его вам. Довольно препираться! Разговорите дворецкого и выясните что-нибудь полезное.

Через полчаса Хемингуэй стоял у садовой ограды и любовался шпалерой. Плавное течение его мыслей прервали Невилл Флетчер и мисс Дру.

— Смотри, сержант! — воскликнул Невилл. — Салли, он человек хороший, тебе понравится.

Полный недобрых предчувствий, сержант обернулся. Монокль в глазу мисс Дру подтвердил его страхи. Он с опаской взглянул на девушку, но, как человек воспитанный, пожелал ей доброго утра.

* «Книга пророка Малахии» 4:1.

** «Книга Притчей Соломоновых» 19:15.

*** Псалтирь 51:4.

— Вы ищете орудие убийства, — проговорила мисс Дру. — Я сама много об этом размышляла.

— Я тоже размышлял и даже поделился с Малахией, — вставил Невилл, — на что тот сказал: «Гневаясь, не согрешайте».

— Судя по тому, что я слышал, совет весьма дельный, — сухо отозвался Хемингуэй, хотя его губы дрогнули в улыбке.

— А потом добавил: «Размыслите в сердцах ваших на ложах ваших, и утишитесь»*, что в три пополудни не очень разумно.

— Я подумываю написать очерк о Малахии, — объявила мисс Дру. — По-моему, случай интереснейший. Тут явно нужен психоанализ.

— Да, мисс, нужен, — согласился Хемингуэй, глядя на Салли с куда большей симпатией. — Десять против одного, что в младенчестве он перенес травму, которая объясняет его нынешние странности.

— Головушкой стукнулся? — любопытствовал Невилл.

— Скорее, в подсознании отпечатался внешне обманчивый эпизод, — предположила Салли.

— Какая прелесть! — изобразил восторг Невилл. — Беда в том, что у него нет подсознания.

С таким утверждением Хемингуэй смириться не мог:

— Здесь вы ошибаетесь, сэр. Подсознание есть у каждого.

Невилл тотчас заинтересовался:

— Сэр, давайте присядем и поговорим. Чувствую, вы на стороне мисс Дру. Я же темой почти не владею, зато необычайно сообразителен и наверняка сумею опровергнуть любое ваше утверждение. Диспут получится интереснейший, да, сэр?

* Псалтирь 4:4.

— Меня сюда не на диспут прислали. Время дорого.

— Смотреть на сломанную ветку в два раза бесполезнее, — парировал Невилл. — Диспут со мной что витамин для мозга, а сломанная ветка, похожая на улику, — ловушка для неосторожных.

— В самом деле, сэр? — Хемингуэй смерил его пристальным взглядом. — Не объясните, каким образом сломалась эта ветка?

— Объяснить могу, но вы уверены, что нам не стоит...

— Мне было бы чрезвычайно интересно это услышать, — перебил сержант.

— Насчет «интересно» вы ошибаетесь, — отозвался Невилл. — Думаете, кто-то перелез через забор, опираясь на эту шпалеру?

— Да, сэр, так мне кажется.

— Вы необыкновенно умны! — воскликнул Невилл. — Именно так и случилось.

— Да ну? — с подозрением переспросил сержант. — Сэр, вы смеетесь надо мной?

— Разве я посмею? Моя беззаботность обманчива, это лишь маска, за которой смятение.

— Неудивительно, — сухо отозвался Хемингуэй. — Но вернемся к ветке. Кто перелезал через забор?

— Я, сэр! — с ангельской улыбкой отчеканил Невилл.

— Когда?

— В ночь, когда убили моего дядю... Чувствую, вы ждете подвоха, и если мысли ваши об убийстве, подвох действительно есть. Я перебрался через забор, когда все, включая полицейского в нашей передней, думали, что я сплю. Кстати, я вылез из окна своей спальни. Давайте, покажу.

— Почему не в дверь? Почему из окна-то? — удивился сержант.

— Из-за полицейского в передней. Зачем ему знать, куда я иду? — Невилл подмигнул Хемингуэю. — Не хо-

телось наводить его на греховные мысли, которые теперь тревожат вас. Я невиновен, а ходил посекретничать с сообщницей.

— Вы... Послушайте, сэр...

— Боже, Невилл, у тебя точно мозги куриные! — перебила Салли.

— Не груби, радость моя! Сержант — человек резкий, но сквернословие молодой женщины ему придется не по душе.

— Хотелось бы услышать правдивый вариант байки, которую вы мне скармливаете.

— Конечно, хотелось бы, — сочувственно произнес Невилл. — Вы мне нравитесь, поэтому признаюсь, что тише мыши сбегал к миссис Норт — сообщил, что моего дядю убили.

У Хемингуэя аж челюсть отвисла.

— Вы сообщили ей... Зачем, позвольте спросить?

— Хелен непременно следовало поставить в известность — из-за ее делишек с дядей Эрни.

— Так вы знали об этом, сэр?

— Да, разве я не ясно выразился? Я был ее сообщником.

— Никуда не годным помощником! — вмешалась Салли.

— Хелен напрасно давила на меня и впутала в свои дела. Не зря вы удивляетесь, сержант. Вы правы: помогать совершенно не в моем стиле. Впрочем, я уговаривал дядю вернуть расписки. Это и имел в виду Симмонс, когда рассказывал вам, как перед ужином дядя послал меня к черту. — Невилл сделал паузу, хлопая длинными ресницами. — Вы человек сообразительный. Чувствую, едва вы подумали, что помощь Хелен дает мне мотив убить дядю, как уловили изъян этой версии. Расписки я не получил бы, даже если бы совершил убийство. Вообще-то я не пробовал, но почти уверен, что сейф открыть бы не смог. Вот мисс Дру

смогла бы. Вернее, она так говорит; я заметил: чуть ближе к делу, и решимости у нее убавляется. Главный женский недостаток — постоянства нет ни в чем. Захвати она свои преступные записи, непременно приготовила бы чудовищную смесь, которую называет супом, и взорвала бы сейф.

— Почему, сэръ, вы считаете, что миссис Норт было важно знать о гибели вашего дяди? — спросил Хемингуэй, с живейшим интересом выслушав пламенную речь.

— Как же иначе? Ваши люди наверняка нашли бы расписки... Если их присутствие в дядином сейфе не кажется подозрительным, с какой стати суперинтендант задал перцу бедной Хелен?

Потрясенный Хемингуэй даже с ответом не нашелся. Впрочем, отвечать не понадобилось.

— «Что хвалишься злодейством, сильный?»* — грозно осведомился констебль Гласс.

Глава восьмая

Хемингуэй вздрогнул: он не слышал шагов констебля, зато Невилл не растерялся и отреагировал без промедления.

— «Разве я море или морское чудовище, что Ты поставил надо мною стражу?»** — осведомился он с искренней обидой, которая вызвала у Гласса оторопь, а у сержанта симпатию.

— И дьявол может использовать Священное Писание в корыстных целях, — заметила мисс Дру. — Но цитата хороша. Где ты ее откопал?

* Псалтирь 51:3.

** «Книга Иова» 7:12.

— В Книге Иова, — ответил Невилл. — Там немало интересного, но, увы, на грани приличия.

— «Кто пренебрегает словом, тот причиняет вред себе»*, — объявил Гласс. Достойный ответ Невилла его шокировал, однако потрясение быстро прошло.

— Довольно! — вмешался Хемингуэй. — Гласс, ждите меня на подъездной аллее. — Когда констебль ушел, он повернулся к Невиллу: — Сэр, возникает вопрос: почему вы рассказали все это только сейчас?

— А вы только сейчас заметили сломанную шпалеру, — парировал Невилл.

— Правду о своих похождениях следовало рассказать в тот роковой вечер, не дожидаясь расспросов, — строго заявил Хемингуэй.

— Не-ет! Открой я рот, вы сразу меня заподозрили бы!

Сержант подумал и про себя решил, что молодой Флетчер прав, хотя вслух посоветовал ему не слишком умничать с полицией.

— Умничать, возможно, и не стоит, но ваш суперинтендант сказал, что из моего заигрывания с прессой не выйдет ничего хорошего. А ведь вышло, еще как вышло! Моя фотография попала в газеты.

— Да ну? — невольно усмехнулся Хемингуэй. — Хотите сказать, ваша шпионская сказка теперь в газетах?

— Нет, — с сожалением ответил Невилл, — но один из тех бойких парней решил, что я из домашней челяди Флетчеров.

Салли захохотала.

— Невилл, что ты им наговорил? Покажи мне интервью!

— Покажу, если сержант отложит мой арест минут на десять.

* «Книга Притчей Соломоновых» 13:13.

— Сэр, вам прекрасно известно, арестовать мне вас не за что, — возразил Хемингуэй.

— А хотелось бы? — шепотом спросил Невилл.

— Ступайте своей дорогой! — порекомендовал Хемингуэй.

К его облегчению, Невилл послушался, взял Салли под руку и повел к дому.

— Ты выдал ему куда больше, чем я рассчитывала, — сказала Салли, когда они отошли на безопасное расстояние.

— Отвлекал его.

— Искренне надеюсь, что ты не слишком много наболтал.

— Я тоже, — кивнул Невилл. — Одно утешает: скоро это выяснится. Как поживает главная героиня спектакля?

— Ты о Хелен?

— О ней, милая, а если у тебя приступ сестринской любви, отправляйся домой и не докучай мне.

— Как я тебя ненавижу! — воскликнула Салли.

— Тут ты не одинока, — утешил Невилл. — Тех, кто меня любит, все меньше и меньше. У тети Люси вообще на меня аллергия.

— Неудивительно. Должна сказать...

— Кому должна?

— Замолчи. Должна сказать, очень низко с твоей стороны фотографироваться в лакейской форме. Мисс Флетчер сейчас только твоих выходов не хватает!

— Ерунда! Бедняжка Люси превратилась в слезоточивую капельницу на горе и мне, и себе. Газету с интервью и фотографией я заботливо сунул ей под нос. Получилось отличное развлечение. Лучше гнев, чем беспробудная скорбь. Как Хелен?

— Нормально, — сухо ответила Салли.

Невилл окинул ее сонным, но пронизательным взглядом:

— Обстановка накалилась, да? Зачем ты вообще сюда пришла?

— Ничего не накалилось! Я просто захотела взглянуть на место преступления. Ну, и испариться ненадолго: Джон уезжает в город лишь после ленча.

— И у них телячьи нежности? Не верю! — воскликнул Невилл.

Салли коротко хохотнула.

— Пока до нежностей не дошло, но, вполне возможно, дойдет. Не был бы Джон таким... таким по-идиотски неприступным!

— Не говори! Ох уж эти сильные мужчины!.. Если выяснится, что Джон убил Эрни, мы станем его покрывать?

Салли не ответила, но у стеклянной двери гостиной вырвала руку и резко спросила:

— Невилл, ты способен говорить правду?

— Только что ведь сержанту правду говорил!

— Тут другое... Меня интересует, влюблен ли ты в Хелен.

— Господи, дай мне сил! — простонал Невилл. — А еще стул, порцию бренди и таз! История любви глазами Салли Дру. Скажи, твои опусы впрямь читают?

— Чудесно! — Салли испытующе на него посмотрела. — Но ты хороший актер и согласился вырвать расписки из лап Эрни. Прежде я не замечала, чтобы ты из кожи вон лез, пытаешься помочь ближнему.

— И больше не заметишь, милая, обещаю! Из кожи вон я лез потому, что меня свежевали. Только не говори, что ты вбила эту возмутительную чушь Джону в голову!

— Я ничего не вбивала, но не удивлюсь, если Джон сам себе ее вбил. В одном не сомневаюсь: Джон слишком недоверчив, если не сказать зажат.

— На него могут убийство повесить — станешь тут зажатым.

У Салли аж монокль из глаза выпал.

— Невилл, по-твоему, есть такая опасность?

— Конечно! Более того, я уверен, что вопреки надеждам Хелен новый вариант ее приключений в ту роковую ночь не слишком поможет Джону.

— Я тоже уверена! — вздохнула Салли. — Держала бы она язык за зубами! Кстати, Джон не в курсе ее второй встречи с суперинтендантом, так что не болтай.

— Какой простой была бы жизнь без друзей!

— Джон непременно спросит, с какой целью Хелен вернулась в кабинет. И придется рассказать про расписки.

— Давай напишем Джону анонимное письмо и раскроем все секреты? — предложил Невилл. — Получилось бы очень благородно по отношению к ним обоим, а бесплатное милосердие как раз по мне.

— Когда Джон приехал, а я сама ему чуть все не объяснила, — проговорила Салли. — Только Хелен так перепугалась, что я придержала язык. А потом... Не знаю, вдруг Хелен права? Не могу раскусить Джона. Невилл, зачем он домой вернулся?

— Дорогуша, не считай меня мастером разгадывать загадки!

— В любовных отношениях с Эрни Джон ее не подозревает. Он сам так сказал.

— Отрадно, что он не присоединился к мнению большинства.

— Неужели люди так думают? — Салли пронзила его испытующим взглядом. — Ну, говори!

— У людей одна похоть на уме, — пробормотал Невилл.

— И что, об этом болтают? Много?

— Нет, немного. Так, от нечего делать сплетничают. Салли нахмурилась.

— Это плохо, — сказала она после небольшой паузы. — Полицейские услышат сплетни и поймут, что у

Джона был мотив. А если он сам наслушался... Черт, не верю, что он примчался сюда специально, чтобы проломить Эрни голову. Дикость какая-то!

Невилл дал ей сигарету и закурил сам.

— При желании можно сочинить вполне правдоподобную историю. В Берлине Джон услышал отголоски сплетен...

— Почему в Берлине? — перебила Салли.

— Чего не знаю, того не знаю. Да ты сама легко подберешь несколько подходящих ответов. Он вернулся, чтобы устроить разгон Эрни...

— Не представляю, чтобы Джон устраивал разгон.

— Хорошо, что не представляешь, дорогуша. Если бы не только представляла, но и видела, то была бы среди подозреваемых.

— Я хочу сказать...

— Да понимаю я, понимаю! Пусть будет по-твоему. Джон явился предъявить ультиматум. Эрни вывел его из себя, и Джон в приступе ярости ударил его по голове.

— Тут сплошные несоответствия. Если Джон не планировал убийство заранее, то зачем вошел через садовую калитку?

— Причин несколько. Парадное крыльцо и дворецкий чреватые ненужной оглаской — сплетнями слуг, встречей с тетей Люси.

— Согласна. А куда он дел орудие убийства?

— Вопрос несправедливый, потому что относится не только к Джону. Убийца Эрни избавился от орудия убийства так искусно, что сделал убийство непостижимо загадочным.

— Отлично! — воскликнула Салли. — Мои книги ты читал. Только я не верю, что убийц вдруг посещает озарение. За блестящими идеями книжных преступников часы мучительных размышлений автора.

— Страх — хороший катализатор для мыслительного процесса.

— Ерунда! — Салли стряхнула пепел с сигареты. — По опыту знаю, что под действием страха мысли мечутся и путаются. Так что нет, твоя теория мне не нравится. По-моему, лишь у одного человека были время, мотив и возможность убить Эрни и миллион способов избавиться от орудия преступления.

Невилл слабо улыбнулся и поднял руку:

— О нет! «Рука моя, как девушка, чиста, и нет на ней кровавых пятен»*.

— Бурные аплодисменты с галерки. Только цитатами ничего не докажешь. Невилл, убить мог ты.

— Почему только я? Тетя Люси вполне могла огреть Эрни булавой: она ими здорово орудует!

— Не глупи! Зачем ей это?

— Ну, мало ли. Если не тетя, то как насчет Симмонса?

— Вопрос тот же: зачем ему?

— И ответ тот же: мало ли? Почему я должен голову ломать? Сама подумай.

— Если честно, не вижу особого смысла сочинять фантастические мотивы для мисс Флетчер и Симмонса, когда под носом ты с готовым мотивом.

Невилл заметно поскучнел.

— Ну, раз я главный подозреваемый, тогда мне неинтересно. Убийство становится зауряднейшим. Вон идет моя бедная тетушка. Тетя Люси, помогите нам разгадать загадку! Я считаю, это ваших рук дело!

Мисс Флетчер подошла к балконной двери.

— Не знаю, в кого у тебя такой поганый язык, точно не в покойного отца, — сказала она звенящим от возмущения голосом. — Конечно, по недомыслию, но вещи ты говоришь отвратительные! И даже траурную повязку не надел!

* Шекспир У. «Король Иоанн», пер. Н. Рыковой.

— Не надел. Зачем превращать горе в нелепый спектакль? — Невилл кивнул на черное тетино платье.

— Это знак уважения к покойному!.. Ах, мисс Дру, как любезно со стороны вашей сестры прислать мне чудные цветы! — Мисс Флетчер пожала Салли руку и добавила: — Вы необычайно умная девушка, раз книги пишете, да еще такие сложные! Я их, конечно, не читаю: детективы выше моего понимания, но всегда заказываю.

— Вы не пели бы Салли дифирамбы, если бы знали, что у нее на уме, — проговорил Невилл. — Она пытается доказать, что Эрни убил я.

— Ох нет, милая! — воскликнула мисс Флетчер. — Невилл — само легкомыслие, но на такое не способен.

— Не представляю, кто тебя вечно за язык дергает! — зашипела Салли на Невилла.

— Между прочим, я только что услышала, что состоится дознание. Нельзя ли ему воспрепятствовать?

— А вы не хотите... — начал Невилл.

— Дорогой мой, это же очень некрасиво! В нашей семье подобное никогда не случалось. Какая вульгарность!.. Вдруг мистер Лоуренс придумает, как нас выручить? Пойду позвоню ему.

— Мисс Флетчер... — начала было Салли, но Невилл вовремя наступил ей на ногу.

Мисс Флетчер велела племяннику позаботиться о госте и удалилась.

— А ты опасная особа! — тихо заметил Невилл. — Тетю я беру на себя, договорились?

— Зачем ты позволяешь ей думать, что дознание не нужно? С твоей стороны это непорядочно...

— Конечно, непорядочно! Верхом непорядочности было обнаружить утром, что у меня нет чистой рубашки или носков без дыр. Непорядочно с моей стороны будет придумывать новую проблему, когда тете приестся дознание. Откуда глупая сентиментальная убежден-

ность, что скорбящих нужно ублажать? Пусть упиваются своим горем, да? Не удивлюсь, если ты бескорыстное чудище, склонное жертвовать собой и взваливать на себя чужие проблемы.

Салли протерла монокль.

— Доля истины в твоих словах есть, — признала она. — Прости, что вмешалась в твой план утешения мисс Флетчер. Я и сама чуть не вмешалась в спор Джона и Хелен; к счастью, внутренний голос вовремя подсказал: нужно молчать.

— Женская интуиция! — восхитился Невилл. — Мне очень нравится твое рациональное желание рассеять туман, в котором заблудились Джон и Хелен. Только не забывай, что некоторым туман нравится.

— Хелен не нравится, — возразила Салли. — Нет ничего тоскливее супругов, которые не могут поладить. Хелен лягается, как норовистая кобылица. Досталось ей немало. А самое страшное, что я не представляю реакцию Джона, когда откроется правда.

— Странный этот Джон...

— Да уж. Подумай только: в день убийства неожиданно возвращается в Англию, а наутро приезжает в Марли, подозревая, что в вашем саду следы Хелен.

— Джон впрямь так подумал? Сдается мне, ему что-то известно.

— Да, но что именно? По словам Хелен, Джон понимал, что романа с Эрни у нее не было. Однако вчера, когда он заявился, показалось, что в гостиную вплыл айсберг. Я чувствовала лишь холодный гнев и ни капли любви...

— Может, Джон подозревал, что Хелен замешана в убийстве! Тогда его раздражительность вполне объяснима. Не сочти меня ретроградом, но если жена признается, что навещала известного сердцееда, у любого мужа настроение испортится.

— Да, и выйди Джон из берегов, я бы поняла. Однако он вежлив до тошноты.

— Хелен самое время сыграть в кающуюся жену.

— Бедяжка так выбита из колеи последними событиями, что разучилась держать себя в руках. Попроси Джон: «Расскажи мне все, милая», — думаю, Хелен рассказала бы, но он не такой. Боюсь, они стали совсем чужими.

В тот самый момент эта же мысль терзала Хелен. Она вошла в библиотеку — Джон сидел там за столом и писал, — прикрыла дверь и тотчас пожалела, что переступила порог.

Джон поднял голову, и от его взгляда Хелен стало еще тяжелее.

— Ты что-то хотела?

— Н-нет. Ты очень занят?

Он отложил ручку.

— Если нужно поговорить...

Джону наверняка хотелось подбодрить жену, но та лишь почувствовала, какая пропасть их разделяет.

Хелен села на стул у окна.

— Мы с тобой давно не разговаривали... ну, по-настоящему. Я почти не помню, как это бывает, — с фальшивой непринужденностью начала Хелен.

— Да уж, — помрачнел Джон.

Хелен поняла, что взяла неправильный тон.

— Не думаешь, что нам необходимо поговорить? Проблема-то касается нас обоих.

— Полностью согласен. Что ты хочешь сказать?

Под буравящим взглядом мужа Хелен попыталась приготовить фразу покрасивее, а потом резко спросила:

— Почему ты вдруг вернулся? Так неожиданно, даже меня не предупредил.

— А ты не догадываешься?

— Я? Как я могу догадаться?

— Ты сама говорила об обратном. Мол, я приехал за тобой шпионить.

— Я несерьезно, — пролепетала Хелен. — Просто была расстроена.

— Тебя расстроил мой приезд?

— Не приезд! Гибель Эрни и гадкие вопросы, которые мне задавал полицейский!

— Если бы ты не врала мне, мы бы ладили куда лучше. Я отлично тебя знаю. Ты перепугалась, когда увидела меня.

Во взгляде Хелен появилась безнадежность.

— Зачем ты? Мало между нами горечи и напряженности?

— Ладно, так о чем ты хотела поговорить? — спокойно спросил Джон после небольшой паузы. — Об убийстве Флетчера?

— Да, — кивнула Хелен.

— Сильно же оно тебя потрясло!

— А тебя бы не потрясло?

— Ну, это в зависимости от того, чем бы я мучился: страхом или горем.

— Горем?! Н-нет! Но тем вечером я была в Грейстоунс и теперь втянута в полицейское расследование. Понимаешь, в какой я ужасной ситуации?

— Не расскажешь, как все случилось? — предложил Джон.

— Я уже рассказала. Надеюсь, я убедила суперинтенданта, что не смогу опознать мужчину, которого видела в саду...

— Подожди, Хелен. Хочу наконец разобраться. Ты узнала того мужчину?

— Нет! — тотчас воскликнула она. — Я и лица его не видела.

— Но ведь подозрения и догадки есть?

— Есть или нет, говорить о них нельзя. Ни в коем случае, — глухо ответила Хелен.

— Тогда обсуждать нам действительно нечего. В нынешнем положении совет могу дать один — сохраняй спокойствие и поменьше говори. — Джон взял ручку, написал пару строк и, не глядя на жену, спросил: — А по поводу Невилла Флетчера не соблаговолишь объяснить? Зачем в тот вечер он тебя навещал?

Хелен вздрогнула.

— Откуда ты знаешь? Кто сказал?

— Бейкер видел, как молодой Флетчер выходил из нашего дома, и сегодня утром сообщил об этом мне.

— Ты велишь слугам докладывать о моих гостях?

— Нет, — невозмутимо ответил Джон.

— Невилл приходил сказать, что Эрни убит.

— В самом деле? — Джон поднял голову. — Зачем?

— Хотел поставить меня в известность. Невилл — мастер на безумные выходки. Его слова и поступки объяснению не поддаются.

— Что он знает об убийстве?

— Не больше, чем все мы.

— Тогда почему он явился к тебе среди ночи, если несколько часов спустя ты все равно услышала бы новости?

— Невилл видел мои следы, — в отчаянии пролепетала Хелен. — Точнее, он решил, что они мои, и захотел убедиться.

— Раз Невилл решил, что следы твои, значит, ты доверяешь ему куда больше, чем я думал. Между вами что-то есть?

Хелен стиснула пульсирующие виски.

— Боже, за кого ты меня принимаешь? Невилл! Это... это же смехотворно!

— Ты неправильно меня поняла. Я не роман имел в виду, но твое объяснение его прихода крайне неу-

бедительно. Невилл знал, что тем вечером ты была в Грейстоунс?

— Конечно, нет! Откуда? Он просто строил догадки!

— Даже Невилл Флетчер не строит догадки без оснований. Выходит, ты так часто посещала Флетчера — уж извини за намек — таинственным образом, что Невилл сделал такой вывод?

— Нет, Невилл с самого начала понимал: с Эрни у меня чисто дружеские отношения.

Джон вскинул брови:

— Эти дружеские отношения как-то касались Невилла?

— Разумеется, нет! Но я так давно его знаю... — Хелен осеклась.

— Я в курсе. Я тоже знаком с Невиллом много лет. Я должен верить, что этого молодого эгоиста интересовали твои отношения с его дядей?

Хелен невольно улыбнулась, хотя в ее глазах плескался страх.

— Нет. Я сама ему все рассказала.

— Рассказала Невиллу Флетчеру? Да-а... Но зачем?

— Само собой получилось, — пробормотала Хелен. — Не могу объяснить.

— Ну хоть одно ясно! — съязвил Джон.

— Ты мне совсем не веришь.

— Тебя это удивляет?

Хелен молча уставилась на свои переплетенные пальцы.

— Невилл в тебя влюблен?

— Невилл? — Хелен даже растерялась. — Что за нелепость?!

— Прости за невежество! — подначил Джон. — Я так плохо шпионил за тобой, что не в курсе, кто нынче в роли обожателя. Джерри Мейтленд еще из гонки не выбыл?

— Если скажу, что никакой гонки нет, ты... пове-ришь больше, чем истории о гибели Эрни?

— Вот услышу историю до конца, тогда решу. Толь-ко не надо считать меня идиотом и кормить баснями вроде «ты все уже слышал».

— Думаешь... — у Хелен дрожали губы, — дума-ешь, таким способом можно вызвать меня на откро-вление? Разговариваешь со мной как с преступницей, а не как с женой!

— С женой? — Джон хохотнул. — По-моему, зву-чит комично.

— Если так, это твоя вина.

— Конечно! Я оплошал, да? В браке со мной тебе скучно, моей любви недостаточно. Признайся, Хелен, не будь я богат, ты бы за меня вышла?

Судорожным жестом Хелен словно оттолкнула сло-ва мужа, вскочила и, застыв спиной к нему, устави-лась в окно.

— Если меня не арестуют за убийство Эрни, тебе лучше со мной развестись.

— Не арестуют! Ерунда, даже не переживай!

— Безднадежность какая-то, — устало проговори-ла Хелен.

— Раз чувствуешь безднадежность, значит, скрываешь от меня нечто очень важное. Расскажешь, в чем дело?

— Нет. — Хелен покачала головой. — Когда рас-следование закончится, и если мы останемся живы, я дам тебе развод.

— Я не хочу разводиться. Если только... — Джон осекся.

— Если только — что?

— Если только ты не влюблена так сильно... Нет, не верю. Тебе не любовь, а один флирт подавай. Но раз я должен помогать...

— Должен? Почему? — перебила Хелен.

— Потому что ты моя жена.

— Ясно, таков долг мужа. Благодарю, но лучше не вмешивайся.

— Не могу.

— Приезжать сюда было глупо.

— Возможно. Но ты попала в передрагу. Что мне еще оставалось?

— Только спасти свое доброе имя? Джон, ты меня ненавидишь?

— Нет.

— Тебе все равно. Нам обоим все равно. — Хелен шагнула к двери. — Я развода не хочу. Понятно, в историю с гибелью Эрни, скандалом и так далее я влезла сама. Прошу прощения, в будущем постараюсь быть осторожнее. По-моему, говорить тут больше не о чем.

— Не о чем, раз ты не доверяешь мне настолько, чтобы решиться на полную откровенность.

— Я доверяю тебе не больше, чем ты мне! — парировала Хелен. — Сам знаешь насколько. Сейчас, если не возражаешь, сменим тему. Вернешься сегодня к ужину?

Норт с сомнением взглянул на жену, однако ответил не сразу, а лишь когда она повторила вопрос.

— Нет, поужинаю в городе, — без всякого выражения отозвался он. — Могу вернуться поздно, так что меня не жди.

Глава девятая

Сержант Хемингуэй покидал Грейстоунс в крайней задумчивости. Он тщательно обыскал владения Флетчеров, орудие убийства не обнаружил, зато обнаружил некий факт, очень его порадовавший.

— Почему, непонятно, но дело теперь кажется еще запутаннее, — сказал он Глассу. — Хотя по опыту знаю: такое не редкость. Берешься за простенькое на первый

взгляд дело и застреваешь. Через пару дней появляются улики, а с ними — сомнения. Потом что-то происходит, и трудностей как не бывало.

— Хотите сказать, что чем сложнее кажется дело, тем легче его расследовать? — уточнил дотошный Гласс.

— Примерно так, — кивнул Хемингуэй. — Когда путаница такая, что каждый новый факт противоречит предыдущему, становится по-настоящему интересно.

— Не понимаю. Я вижу лишь грех вокруг и глупую суету. Разве пристало праведнику такому радоваться?

— За праведников не скажу, скажу как простой полицейский: без греха и глупой суеты не стать бы мне тем, кем я стал, да и вам, дружище, тоже. Если прекратите терзать меня бесконечными библейскими цитатами — честно говоря, это грубое нарушение дисциплины — и сосредоточитесь на расследовании, принесете себе только пользу. Глядишь, и повышение получите.

— Я не ценю мирские почести, — мрачно отозвался Гласс. — «Человек в чести не пребудет, он уподобится животным, которые погибают»*.

— Вам надо витамины попить! — раздраженно заявил Хемингуэй. — Немало нытиков я на своем веку перевидал, но вы вне конкуренции! Что вытрясли из своего друга дворецкого?

— Ему ничего неизвестно.

— Ерунда! Дворецким всегда что-нибудь известно.

— Симмонсу неизвестно. Только резкие слова, которые в тот вечер погибший сказал своему племяннику.

— У молодого Невилла есть объяснение, — задумчиво отозвался сержант. — Но я не слишком ему верю. По-моему, он первостатейный враль.

— «Лживый язык — только на мгновение»**, — с мрачным удовольствием изрек Гласс.

* Псалтирь 48:13.

** «Книга Притчей Соломоновых» 12:19.

— Так считают лишь наивные. Вы по-прежнему утверждаете, что человек, которого вы тем вечером встретили у Флетчеров в саду, был с пустыми руками?

— Вам угодно, чтобы я изменил показания? — Гласс с осуждением взглянул на сержанта. — А ведь «что молот и меч и острая стрела, то человек, произносящий ложное свидетельство против ближнего своего»*.

— Лжесвидетельствовать вас никто не просит! — разозлился сержант. — По мне, вы хуже любых стрел и молота, если их использовать как оружие. Однажды я просил вас не дерзить, а сейчас терпение лопнуло. Подождите! — велел Хемингуэй, посреди тротуара вытащил записную книжку и стал листать. — Я тут выписал кое-что специально для вас. Знал, что пригодится... Вот! «Человек, который, будучи обличаем, ожесточает выю свою, внезапно сокрушится. — Хемингуэй любовался действием своего контрудара и, довольный, дочитал до конца: — И не будет ему исцеления»**.

Гласс поджал губы, но после недолгих колебаний произнес:

— «Погибели предшествует гордость и падению надменность»***. «Беззаконие мое я сознаю, сокрушаюсь о грехе моем»****.

— Отлично! — Хемингуэй спрятал блокнот в карман. — На том и порешим.

— «Беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне»*****, — тяжело вздохнув, посетовал Гласс.

— Ну и хватит об этом, — чуть смягчился Хемингуэй. — У вас появилась скверная привычка, от кото-

* «Книга Притчей Соломоновых» 28:18.

** «Книга Притчей Соломоновых» 29:1.

*** «Книга Притчей Соломоновых» 16:18.

**** Псалтирь 37:19.

***** Псалтирь 27:5.

рой нужно избавиться. Простите, если я был с вами резок. Забудем, и все.

— «Лучше открытое обличение, нежели скрытая любовь»*, — по-прежнему грустно напомнил Гласс.

Что тут скажешь? У Хемингуэя на языке вертелись одни богохульства. Он знал: Гласс ответит на них очередной цитатой, поэтому сдержался и зашагал дальше в напряженном молчании.

Шедший рядом Гласс явно не подозревал, что прогневал сержанта.

— Орудие убийства вы не обнаружили. О чем я вас предупреждал, — сказал констебль, когда они свернули к участку.

— Вы не ошиблись, — отозвался сержант. — Орудие убийства я не обнаружил. Зато обнаружил нечто, что вы заметили бы еще два дня назад, будь у вас хоть капля мозгов.

— «Сдерживающий уста свои — разумен»** — парировал Гласс. — Что же я просмотрел?

— Впрочем, возможно, это и не ваша оплошность, — проговорил Хемингуэй, стараясь быть справедливым. — Часы в передней на минуту отстают от часов в кабинете покойного Эрнеста, которые идут синхронно с вашими. Более того, по словам мисс Флетчер, отстают они уже давно.

— Это важно для расследования? — осведомился Гласс.

— Конечно, важно. Хотя дело ничуть не проясняется. Как я и говорил, в расследованиях вроде этого постоянно всплывают новые факты, опровергающие рабочую версию. Судя по всему, человек, которого вы видели — мы считаем, это Карпентер, — и совершил убийство.

* «Книга Притчей Соломоновых» 37:5.

** «Книга Притчей Соломоновых» 10:19.

— Пожалуй, — согласился Гласс.

— Минутное несоответствие создает множество проблем, — сказал Хемингуэй. — Во втором акте своего гениального спектакля миссис Норт заявила, что когда выбежала из кабинета в переднюю, часы начали бить десять. Уходящего Карпентера вы увидели в 22:02. Получается, у него была лишь пара минут, чтобы разозлить Эрни голову, избавиться от орудия убийства и добраться до калитки. На мой взгляд, это невыполнимо, однако гипотетически возможно. Теперь выясняется, что миссис Норт сбежала из кабинета не в 22:00, а в 22:01, то есть гипотетическая возможность исчезает. Значит, Карпентер не убийца, он лишь заглянул к покойному Эрни, попробовал его потрясти и, как рассказывала миссис Норт, был выпровожен из Грейстоунс. Настоящий убийца затаился в саду и выжидал удобный момент. Пока вы, увидев Карпентера, гадали, нужно ли вмешиваться, убийца сделал свое дело.

— Возможно, — кивнул Гласс, немного подумав. — Только как он ушел? Я в саду никого не заметил.

— Охотно верю, но вы же под каждый куст не заглядывали. Поводили туда-сюда фонарем и решили: там чисто. Что мешало убийце скрыться, когда вы были в кабинете?

— По-моему, случилось все не так, — медленно проговорил Гласс, остановившись на ступеньках участка. — Мне не верится, что с 22:01, когда из дома выбежала миссис Норт, и до 22:05, когда я обнаружил тело, преступник успел выбраться из своего убежища, проникнуть в кабинет, убить Эрнеста Флетчера и вернуться в убежище. Да, я попал в кабинет лишь в 22:05, но, по-вашему, я шел по дорожке и не заметил, как из дома выскользнул человек?

— Вот что значит не пороть чушь, а думать о деле, — похвалил Хемингуэй. — Впрочем, ответ на ваш вопрос у меня есть. Откуда уверенность, что убийца сбежал че-

рез садовую калитку? Кто мешал ему ускользнуть тем же путем, что и миссис Норт, — через парадную дверь?

— Но это безумие! — воскликнул Гласс. — Его могли увидеть слуги или мисс Флетчер, которая парой минут раньше вышла из кабинета в переднюю. Убийца знал об этом, если, как вы говорите, выжидал удобный момент. Зачем ему рисковать?

— Пришлось. Он услышал на дорожке ваши шаги.

— «Глупость — радость для малоумного»*, — презрительно изрек Гласс.

— Да, с умом у него явно проблемы, — отозвался сержант. — Пообедайте, потом сразу ко мне.

Хемингуэй поднялся по лестнице и вошел в здание. Он уже потерял Гласса из виду, когда вдруг понял, что последняя фраза констебля касалась вовсе не таинственного убийцы. На языке вертелось гневное восклицание — сержант почти бросился за Глассом, но передумал.

— Кто-то на меня зуб точит, раз такого зануду на шею повесили! — пожаловался Хемингуэй дежурному сержанту.

— Вы о Гласе? — сочувственно спросил сержант Кросс. — Невыносимо, да? Пока не увидит грешника, даже апатию стряхнуть не может. Хотите, отстраним его от расследования?

— Не-ет! — с горькой иронией протянул Хемингуэй. — Обожаю, когда меня констебли поучают. Какое-то разнообразие!

— Давайте отстраним Гласса, — снова предложил Кросс. — Он не привык к убийствам, в этом вся проблема. Ему как в голову ударило.

— Уж как-нибудь с ним справлюсь, — смягчился Хемингуэй. — По крайней мере парень он добросовест-

* «Книга Притчей Соломоновых» 15:21.

ный, правда, Священное Писание ежесекундно цитирует. У него, бедняги, настоящая идея фикс.

Час спустя подобревший от еды сержант излагал эту же версию суперинтенданту Ханнасайду, только что вернувшемуся в участок.

— Думаю, в детстве Гласс пережил потрясение, которое объясняет его странности.

— Не желаю тратить время на копание в прошлом Гласса и не желаю, чтобы его тратили вы. Этого еще не хватало! — резко ответил суперинтендант.

— Я с самого начала предчувствовал, что дело мерзкое. Что, шеф, скверное выдалось утро?

— Нет, просто хвастаться особо нечем. Бадд водил Флетчера за нос. Невилл по уши в долгах. Джон Норт почти весь вечер семнадцатого провел не у себя в квартире.

— Разве не здорово? Говорил я, подозреваемых будет хоть пруд пруди. Можно поподробнее о нашем друге Бадде?

Ханнасайд вкратце рассказал о махинациях черного маклера. Хемингуэй потер подбородок:

— Не нравится мне это. Совершенно не нравится! С одной стороны, Бадду следовало отдать покойному Эрнесту девять тысяч акций. На руках такого количества не было, а купить столько Бадд мог, лишь разорившись. Иными словами, мотив для убийства у него присутствовал. С другой стороны, нежелание Эрнеста играть в открытую очень похоже на правду. В общем, я на Бадда не ставлю. А что Норт?

— Джон Норт почти наверняка ведет сложную игру. Мне он сказал, что поужинал в клубе, вернулся к себе и рано лег спать. На самом деле он заглянул к себе вскоре после 20:30, ушел в 21:00, а окончательно вернулся в 23:45.

— Так-так-так! — восторженно воскликнул Хемингуэй. — Тут все честно? Без обмана и без утайки?

— Очевидно, да. В 20:30, когда вернулся к себе в первый раз, Норт перекинулся парой слов со швейцаром. Когда Норт уходил, швейцар предложил вызвать такси, а тот отказался, якобы прогуляться захотел.

— Кто-нибудь видел, как он вернулся окончательно?

— Ночной портье заметил, как Норт входит в лифт.

— Не слишком разумная тактика для разумного на первый взгляд человека, — резюмировал Хемингуэй. — Зачем врать, что провел весь вечер у себя? Понимал ведь, что вы одним махом эту ложь разнесете!

— Не знаю, — отозвался Ханнасайд. — Шла бы речь о Бадде, я заподозрил бы панику, но у Норта в этом плане все в порядке. Скорее, очки он мне втирал по некой причине, известной ему одному.

Хемингуэй задумался.

— Втирал вам очки и тянул время, чтобы поговорить с женой. Ясно. Да, игра серьезная, рискованная.

— По-моему, рисковать Норт не боится.

— Неужели? Похоже, его следует познакомить с Ихаводом.

Ханнасайд рассеянно улыбнулся.

— Утром на службе Норта не было, и секретарь не уверена, появится ли он в течение дня. Вот я и приехал встретиться с ним здесь. Боюсь, разговор получится трудный: из Норта слова лишнего не вытянешь.

— Молодой Невилл тоже непросто, — заметил сержант. — Только причина диаметрально противоположная. Трещит так, что слушать не поспеваешь. Каков наглец, рассказал мне, что в ночь, когда убили Эрнеста, вылез из окна своей комнаты и побежал к миссис Норт, чтобы сообщить ей о трагедии. Мол, в затее с расписками он был ее сообщником.

— Хладнокровный тип, — хмуро отметил Ханнасайд.

— Хладнокровный? Да тут самая настоящая наглость! При этом я даже проникся к нему симпатией

после того, как он наголову разбил старика Ихавода его же оружием.

— Что?

— Неожиданно для Ихавода Невилл выдал библейскую цитату и огорошил того начисто, — пояснил Хемингуэй. — Впрочем, это к делу не относится. Вполне допускаю, что Невилл мог убить дядю, если ему понадобилось. Хотя в его стиле скорее нож под ребра, — задумчиво добавил сержант. — В общем, остается единственный ценный факт, который мне удалось обнаружить. Шеф, часы в передней отстают на минуту.

— В таком случае, — медленно начал Ханнасайд, взглянув на сержанта, — показания миссис Норт теряют всякую ценность.

— Вы о втором варианте? Похоже на то. Вообще-то после ваших рассказов я бы не слишком ей доверял. Я не утверждаю, что убийства вообще не было, но тот человек, назовем его Чарли Карпенгером, совершить его не мог. Кандидатами остаются Бадд (его я почти исключаю), молодой Невилл, Норт и сама глупая блондинка.

— Не знаю, — покачал головой Ханнасайд. — Если отталкиваться от показаний миссис Норт, Флетчер вернулся в кабинет в 22:01. По вашим собственным подсчетам, ему нужно было как минимум две минуты, чтобы сесть за стол и взяться за письмо. Преступнику остается две минуты на то, чтобы войти, убить Эрнеста и сбежать. Даже меньше: в кабинет Гласс вошел в 22:05, а до этого не меньше минуты видел кабинет с дорожки.

— Да, так он говорит, — кивнул сержант. — Шеф, а у вас какие версии? По-вашему, надо верить первой истории миссис Норт?

— Нет, — после небольшой паузы ответил суперинтендант, — думаю, в кабинет она все-таки вернулась, иначе откуда на двери отпечатки ее пальцев? Но раз часы в передней отстают, в ее истории появляется

нестыковка. По словам миссис Норт, в 21:58 Икс вместе с Эрнестом вышел из кабинета, куда она сама проникла, а когда часы начали били десять, выскользнула в коридор. Теперь остаются лишь две временные отметки, от которых можно отталкиваться — 22:02, когда Гласс увидел удаляющегося Икса, и 22:05, когда он обнаружил тело Флетчера. Возникает четырехминутная разница между моментом, когда миссис Норт видела уходящего Икса, и моментом, когда уходящего Икса видел Гласс. Теоретически, чисто теоретически, это можно объяснить тем, что Икс вернулся в кабинет, убил Флетчера и ушел во второй раз. Но если Флетчер вернулся в кабинет не в 22:00, а в 22:01, тогда Икс не успел бы вернуться, совершить убийство и снова добраться до калитки. Таким образом, либо Икс вышел через садовую калитку в 21:58, а четыре минуты спустя за ним последовал второй человек, назовем его Игреком; либо номера один, то есть Икса, миссис Норт выдумала.

— Подождите, шеф, дайте мне все записать! — взмолился сержант. Он сделал на листе несколько заметок и с отвращением на них взглянул. — Тут у нас полная каша! Ладно, Икс исключается, и что теперь? Мы знаем, что Хелен Норт пряталась в саду, потому что видели ее следы. Это ясно. К покойному Эрнесту заглянул Игрек, очевидно, это Норт. Хелен узнала мужа по голосу, а может, и не узнала, тут я до конца не определился. В общем, Игрек убил Эрнеста, пока миссис Норт пряталась в саду, и смотал удочки. Миссис Норт шмыгнула в кабинет, решив осмотреться, и по неведомым мне причинам сбежала через парадную дверь. Но стоит немного поиграть с временными отметками, и все встанет на свои места. Когда Игрек достиг калитки, на Мейпл-гроув были прохожие, и он ждал, пока путь освободится. Или, если угодно, миссис Норт ушла не в 22:01, а позднее. Только зачем ей сочинять, ума не

приложу. При таком раскладе Икс устраняется, и учитываются все известные нам факты.

— Икса устранить можно, а вот Чарли Карпентера не устранишь. Как он вписывается в эту вполне правдоподобную версию?

— Хороший вопрос! — вздохнул Хемингуэй. — Если учитывать его, то как Игрека, а Норт, то есть Икс, устраняется. Да, вроде бы так. Миссис Норт не узнала его голос, но мельком увидела и заподозрила, что это ее муж. Как вам такой расклад?

— Неплохо, — согласился Ханнасайд. — Только если Норт исключается, пожалуйста, объясните, зачем он врал, что провел вечер в квартире?

— Сдаюсь! — в отчаянии выдохнул сержант. — Ответа у меня нет.

— А у меня, кажется, есть, — улыбнулся Ханнасайд. — Возможно, сам Норт в убийстве не замешан, но подозревает, что замешана его супруга.

У Хемингуэя чуть глаза из орбит не вылезли.

— То есть Норт намеренно пожертвовал своим алиби (если таковое имелось), чтобы привлечь наше внимание и взять вину на себя? Да ладно вам, шеф! Вы сами-то в это верите?

— Не знаю. Но Норт такой, с него станется.

— Вас послушать, он прямо киногерой, — с отвращением проговорил Хемингуэй.

Дверь распахнулась, и сержант встретил серьезный взгляд констебля Гласса.

— Вернулись, да? Если работаете над этим делом, то, пожалуй, вам стоит войти. Для вас тут задание наклеивается.

— Да, входите, Гласс, — кивнул Ханнасайд. — Пожалуйста, вспомните вечер, когда убили Эрнеста Флетчера. Патрулируя свой участок Вейл-авеню, вы видели кого-нибудь, помимо мужчины, который вышел из са-

да Флетчеров? Кого-нибудь, кто в 22:00 мог быть у парадной двери дома?

— Никого не помню, — немного подумав, ответил Гласс. — Почему вы спрашиваете?

— Потому что возникли сомнения в правдивости показаний миссис Норт. Ну, что в 22:01 она вышла из дома через парадную дверь. Мне нужен прохожий, который либо видел ее, либо нет.

— Эта проблема решается просто, — сказал Гласс. — На углу Вейл-авеню и Глинн-роуд, где живет миссис Норт, есть почтовый ящик. Письма из него изымают каждый день в 22:00. Если она возвращалась домой в тот час, почтальон наверняка ее видел.

— Прекрасно, Ихавод! — воскликнул сержант. — Еще немного, и в уголовный розыск попадете.

Гласс пригвоздил его ледяным взглядом.

— «Человек, льстящий другу своему, расстилает сеть к ногам его»*, — объявил он и, заметив, что Хемингуэй не реагирует, добавил: — «У детей того глаза истают»**.

— Ну, зачем же цену себе набивать? — подначил сержант. — Да и детей у меня нет, так что о ком вы?

— Довольно! — строго перебил Ханна-сайд. — Пожалуйста, Гласс, не забывайте, что разговариваете со старшим по званию.

— «Быть лицеприятным — нехорошо, — серьезно проговорил Гласс, — такой человек и за кусок хлеба сделает неправду»***.

— Неужели? — возмутился Хемингуэй. — А вот и не сделает!

— Хватит! — дрожащим голосом приказал Ханна-сайд. — Разыщите почтальона, Гласс, выясните, в ка-

* «Книга Притчей Соломоновых» 29:5.

** «Книга Иова» 17:5.

*** «Книга Притчей Соломоновых» 28:21.

кое время он забрал почту, видел ли миссис Норт, а если видел, несла ли она что-нибудь. Вопросы есть?

— Нет, сэр.

— Вот и отлично. О результатах доложите мне.

— Старина, зачем вы его поощряете? — спросил Ханнасайд, едва за Глассом закрылась дверь.

— Кто поощряет? Я?

— Да, вы.

— Я объясняю, куда ему следует идти. Если для вас это поощрение...

— Вам нравится его провоцировать, — с укором проговорил Ханнасайд.

— Ага, — ухмыльнулся сержант. — В ожидании, когда он выдохнется, работать веселее. Кажется все, пусто у него в заглазниках, да? Ан нет! Нужно отдать ему должное: он ни разу не повторился!.. Ну, куда теперь двинемся?

— К Норту домой, — ответил Ханнасайд. — Может, выясню, чем он занимался в тот вечер. А вам, дружнице, советую как следует поработать со слугами.

В Честнатс их встретили известием, что мистер Норт уехал сразу после ленча. Куда направился хозяин, дворецкий не знал, но предполагал, что в Сити на службу: как-никак спортивную машину взял.

Ханнасайд быстро проанализировал ситуацию и попросил отнести его визитку миссис Норт. Визитку дворецкий взял, пообещал выяснить, принимает ли сегодня хозяйка, и провел гостя в библиотеку.

Вскоре к Ханнасайду вышла мисс Дру с моноклем в глазу и сигаретой в длинном янтарном мундштуке.

— Сестра отдыхает, через минуту спустится, — сообщила она. — Что вам от нее угодно?

— Я все объясню миссис Норт, — уклончиво ответил Ханнасайд.

— Ладно, я не обижаюсь, — ухмыльнулась Салли. — Но если дело в сказке, которую Невилл Флетчер скормил вашему сержанту, вы зря теряете время. Копать тут некуда.

— В сказке?.. А, вы о похождениях мистера Флетчера в ночь, когда убили его дядю! Нет, я пришел не из-за этого.

— А я думала, вы клонете, и не удивилась бы, если бы вы пришли для беседы со мной.

— С вами? Вы участвовали в похождениях мистера Флетчера?

— Вообще-то не участвовала, только Невилл, человек подлый, без обиняков заявил сержанту Хемингуэю, что я намеревалась вскрыть сейф Эрнеста Флетчера.

— А вы намеревались?

— И да и нет, — проговорила Салли. — Будь у меня с собой записная книжка и достаточно времени на подготовку, наверное, попыталась бы. Но это дело преподавало мне важный урок: в жизни времени на подготовку не бывает. Разумеется, пиши я роман об этом деле, сочинила бы правдоподобное объяснение тому, что у моего прототипа под рукой все необходимое для приготовления смеси под названием «суп». Например, изобразила бы себя лаборанткой, которая пользуется препаратами из лаборатории. Только ведь я не лаборантка, значит, и пытаться не стоило.

Ханна сайд взглянул на Салли с неподдельным интересом:

— Так история мистера Флетчера — правда, а не попытка развлечь полицию?

— Вы составили о нем правильное мнение, — похвалила Салли. — Впрочем, Невилл действительно приходил сюда с целью: а) сообщить Хелен о гибели Эрнеста Флетчера; б) сообщить ей, что долговые расписки он не достал. Разумеется, я расстроилась. Моя сестра напрасно положила на Невилла, лучше бы ме-

ня попросила. Чего греха таить, мне очень хотелось извлечь расписки из сейфа до того, как до них доберутся ваши люди. К сожалению, кабинет сторожил полицейский, и мои планы нарушились.

— Понятно, — кивнул Ханнасайд. — Но раз вы изучали криминалистику, то должны знать: извлекать что-то из сейфа убитого — преступление.

— Теоретически — да, в реальности — нет, — уверенно парировала Салли. — Я знала, что расписки не имеют к убийству ни малейшего отношения. Вы, разумеется, знать этого не можете. Посмотрите, какие проблемы они вам создают, сколько времени отнимают.

— Спасибо за откровенность, мисс Дру, однако я вашу уверенность не разделяю. Расписки имеют к убийству самое прямое отношение.

— Хотите девичье признание? — хмыкнула Салли. — Извольте! Если подумываете, что убийца — моя сестра, скажу прямо — напрасно. Помимо очевидного факта, что Хелен в принципе не способна проломить человеку голову, ни на ее платье, ни на накидке по возвращении из Грейстоунс не было ни капли крови. Под страхом смерти не поверю, что Хелен убила человека и не испачкалась! Разумеется, к моим словам вы относитесь скептически, ведь сестры всегда друг за друга горой, но почему бы вам не допросить служанку Хелен? Она подтвердит, что на прошлой неделе одежда моей сестры не пропадала и в химчистку не сдавалась. — Салли сделала паузу, вытащила окурок из мундштука и потушила. — Нет, по-моему, убийцей вы считаете не Хелен. Вы подозреваете моего зятя, и я вас понимаю. Однако я и тут вас разочарую: Джону не известно о существовании расписок. «Ерунда!» — скажете вы, но это правда. Джон не осведомлен о... скажем так, предосудительных отношениях между Хелен и Эрнестом Флетчером. — Салли пристально взгляну-

ла на Ханнасайда: — Вы не слишком впечатлены. Почему? Вы мне не верите?

— Согласен, вы излагаете то, что считаете правдой, — ответил суперинтендант. — Но вдруг вы не знаете всю правду? Предположим, ваш зять — человек, которого я разыскиваю. Вы должны понимать, что в такой ситуации он не станет откровенничать ни с кем, даже с вами.

— Конечно, — кивнула Салли. — Впрочем, есть еще один момент: мой зять отнюдь не дурак. Если он совершил преступление, то наверняка постарался замести следы. — Салли вдруг нахмурилась и вставила в мундштук еще одну сигарету. — Да, здесь есть зацепка. Вы считаете, Джон так и поступил бы, не будь тут замешана Хелен? Может, вы и правы, хотя я не стала бы на это рассчитывать.

— Когда служишь в полиции, учишься не рассчитывать ни на что, — проговорил Ханнасайд. Он обернулся, потому что дверь открылась, и в библиотеку вошла Хелен. Она выглядела усталой и напряженной, тем не менее суперинтенданта приветствовала спокойно:

— Добрый день! Простите, что заставила ждать. Я отдыхала.

— Это я должен извиниться, что побеспокоил вас, миссис Норт, — сказал Ханнасайд. — Но хотелось бы вернуться к нескольким пунктам ваших показаний.

— Садитесь, прошу вас. — Хелен шагнула к креслу у камина. — Не знаю, что нового могу вам сообщить, но, разумеется, отвечу на любые вопросы.

Ханнасайд сел за столик рядом с Хелен и достал блокнот.

— Миссис Норт, буду с вами предельно откровенен. У меня есть доказательства, что вечером, когда погиб мистер Флетчер, его посетил некий мужчина, о котором вам думать не стоит: вряд ли вы когда-нибудь о нем слышали.

— Наверное, его я и видела, — тихо проговорила Хелен, в ее глазах читалась мучительная тревога. — Пожалуйста, продолжайте.

Суперинтендант раскрыл блокнот.

— Миссис Норт, я зачитаю вам последовательность событий, которые произошли между 21:35 и 22:05, согласно вашим показаниям и показаниям констебля, обнаружившего тело. Остановите меня, если услышите ошибку или неточность. Итак, в 21:35 вы подошли к садовой калитке Грейстоунс. Невысокий плотный мужчина вышел из сада навстречу вам и зашагал к Вейл-авеню.

Хелен судорожно стиснула подлокотники, но когда Ханна сайд замолчал и вопросительно на нее взглянул, спокойно ответила:

— Да, правильно.

— Вы вошли в сад Грейстоунс, прошагали по дорожке и застали Эрнеста Флетчера в кабинете. Он был один.

— Верно.

— В 21:45 после небольшой ссоры с Флетчером вы без сопровождения покинули кабинет тем же путем, каким проникли в него, и собирались домой, когда услышали шаги на садовой дорожке. Тогда вы спрятались за кустом в паре футов от дорожки.

— Да. Все это я вам уже рассказывала.

— Немного терпения, прошу вас. Вы разглядели, что посетитель среднего роста, в светлой шляпе хомбург и без палки.

— Он показался мне довольно невзрачным. Я видела его мельком и в полумраке. Насчет его внешности я не уверена.

— Оставим пока его внешность. Мужчина проник в кабинет через стеклянную дверь, закрыл ее за собой и находился там примерно до 21:58. В 21:58 он вышел из кабинета в сопровождении Флетчера, который проводил его до калитки. Едва мужчины скрылись за по-

воротом дорожки, вы проскользнули в кабинет, чтобы разыскать в столе долговые расписки. Заслышав шаги Флетчера, вы выбрались из кабинета в переднюю. В тот момент напольные часы начали отбивать десять. Должен сообщить вам, миссис Норт, что часы в передней Флетчеров на минуту отстают от часов в кабинете. Другими словами, было не десять, а одна минута одиннадцатого.

— Не понимаю.

— Сейчас перейду к показаниям констебля, и вы поймете. В 22:02 с пересечения Мейпл-гроув и Вейл-авеню он увидел, как мужчина выскальзывает за калитку Грейстоунс и шагает к Арден-роуд. Констебль счел поведение мужчины подозрительным, по Мейпл-гроув добрался до садовой калитки Флетчеров, а оттуда по дорожке — к стеклянной двери кабинета. Там за письменным столом в 22:05 он обнаружил Эрнеста Флетчера с разбитой головой.

— Боюсь, я все равно не понимаю, — пролепетала Хелен.

— Если постараетесь, непременно поймете, — заверил суперинтендант. — Согласно вашим показаниям, в 22:01 Флетчер был жив.

— Да, конечно, — неуверенно кивнула Хелен.

— Однако в 22:02 констебль видел, как неизвестный выбирается за калитку, а в 22:05 Флетчер был мертв, убийца же бесследно исчез.

— Хотите сказать, это невозможно?

— Миссис Норт, подумайте сами. Если вы видели, как неизвестный уходит в 21:58, кого видел констебль?

— Откуда мне знать?

— Вы можете объяснить его присутствие в саду Флетчеров?

— Конечно, нет. Если только он не убил Эрни.

— За неполную минуту?

— Наверное, за минуту не успел бы. — Хелен недоуменно посмотрела на суперинтенданта: — Вы... обвиняете меня в убийстве Эрни Флетчера?

— Нет, миссис Норт. Однако я полагаю, что вы дали заведомо ложные показания.

— Неправда! Я в самом деле видела, как Эрни ведет того мужчину к калитке. Если в саду прятался другой, о нем мне ничего не известно. Вы не имеете права обвинять меня во лжи! У меня нет причин лгать.

— Если, например, вы узнали того мужчину в саду, причина появляется, причем весьма убедительная.

Салли сжала плечо сестры:

— Спокойно! Отвечать ты не обязана.

— Я не лгала, я говорила правду! Про второго мужчину я ничего не знала, зато слышала, выбегая в коридор, как Эрни свистит, поэтому и решила, что в 22:01 он был жив. Вы заставляете меня сказать, что Эрни не выпроваживал мужчину, но у вас не получится. Эрни его выпроводил!

— Довольно! — вмешалась Салли, бросив на Ханна-сайда укоризненный взгляд. — Без адвоката моя сестра больше не будет отвечать на вопросы. Вы слышали ее показания, а если не можете сопоставить их с показаниями констебля, это ваша забота, а не ее.

Вызывающий тон Салли на Ханнасайда совершенно не подействовал.

— Разумеется, посоветуйтесь с адвокатом, это весьма разумно. Не подскажите, где я могу найти мистера Джона Норта?

— Понятия не имею! — огрызнулась Хелен. — Он меня в известность не поставил. Сказал лишь, что поужинает в городе и вернется поздно.

— Благодарю! — Суперинтендант поднялся. — Не смею вас дольше задерживать, миссис Норт.

— Я провожу его, — объявила Салли, едва Хелен потянулась к колокольчику, и распахнула дверь перед Ханнасайдом.

Когда Салли вернулась в библиотеку, ее старшая сестра рассказывала взад-вперед, комкая в руках платочек.

— И что теперь? — Салли недовольно взглянула на сестру.

— Как же мне быть?!

— Отличный вопрос. Не хочешь сказать правду?

— Правду я уже сказала и идти на попятную не намерена! — Хелен перехватила взгляд сестры.

— Ладно, — проговорила Салли после небольшой паузы, — не мне тебя за это упрекать.

Глава десятая

— У меня без особых успехов, — признался сержант Хемингуэй, встретив начальника у калитки. — А вы как, разговорили прекрасную Хелен?

— Нет. От своих слов она не отказывается. Хотя что ей остается? Боюсь, я невольно ее напугал... А вы что-нибудь из слуг выжали?

— Очень мало. Той ночью, около половины первого, дворецкий видел, как Невилл идет по подъездной аллее. Получатся, молодой Флетчер мне не соврал. Помимо этого, ничего нового я не услышал. Слуги старой закалки: работают у Нортон по нескольку лет, любят хозяев, лишнего не болтают. Если подумать, жаль, что таких почти не осталось... Полагаете, миссис Норт в сговоре с мужем?

— Не знаю. Сестра не велела ей отвечать на мои вопросы без адвоката, и я не настаивал.

— Очень в духе девицы с моноклем в глазу! — с неодобрением воскликнул сержант. — В мое время женщины о таком и не думали. Я не сторонник эмансипации: она же противоестественна! Ну, чем сейчас займемся? Потолкуем с Невиллом?

— Я возвращаюсь в участок. Невиллом заниматься бессмысленно: кроме задолженности в банке, ничего серьезного у меня на него нет. Надеюсь, Гласс переговорил с почтальоном. По-моему, сейчас нам в первую очередь нужны Норт и Карпендер. Я позвоню в контору Норты и выясню, на месте ли он, а ежели нет, то заглядывал ли в течение дня. Надеюсь, Джевонсу повезло и он раскопал что-нибудь об Энжеле Энжел. Я еще с утра дал ему задание. Кстати, мне нужна фотография Флетчера. Заглянем по пути в Грейстоунс и попросим снимок у мисс Флетчер. Среди вещей Энжелы фотографий не было, верно?

— Только снимки Чарли Карпендера и нескольких приятелей по кабаре. Джимми Гейл уверен, что портрета ее покровителя среди них нет, я специально спрашивал. По-вашему, Энжела играет здесь важную роль?

Ханнасайд ответил, лишь когда они оказались у парадного крыльца Грейстоунс:

— Если наш фигурант — Норт, то вряд ли. Однако так или иначе, с делом она связана. Раскопать о ней побольше совсем не лишне.

Суперинтендант позвонил. Через пару минут дверь открыл Симмонс и сказал, что хозяйки нет дома. Ханнасайд уже хотел попросить фотографию его покойного хозяина, когда в передней возник Невилл с лениво-застенчивой улыбкой на губах.

— Вот так удача! Я от скуки на стенку лезу, выходить не решаюсь: вдруг ваши люди за мной следят? Привлекать к себе внимание нельзя: тете Люси не понравится. А где комиксы? Вы их не принесли?

Сержант прикрыл рот ладонью. В огромных глазах Невилла тотчас вспыхнул упрек.

— А я-то думал, вы меня любите! Даже вызубрил две новые цитаты. Увы, боюсь, они вот-вот из памяти выветрятся.

Хемингуэй не без труда поборол желание спросить, о каких именно цитатах речь.

— Да, сэр, понятно, — сухо проговорил он.

Молодой Флетчер, очевидно, умел читать чужие мысли.

— Знаю, вам не терпится выяснить, что я вызубрил. Цитаты очень сочные, если не сказать вульгарные... ну, вы меня понимаете.

Хемингуэй умоляюще взглянул на Ханнасайда.

— О цитатах вы с сержантом в другой раз поболтаете, — невозмутимо проговорил суперинтендант. — Мистер Флетчер, я надеялся увидеть вашу тетю, но думаю, помочь мне и в ваших силах. Нет ли у вас дядиной фотографии, которую я мог бы одолжить на пару дней?

— Ой нет! — воскликнул Невилл. — В смысле нет фотографии, а не то, что я не хочу ее вам одалживать. Я бы не одолжил, а подарил ее вам.

— Вы очень добры, только...

— Слушайте, я дам вам фотографию из гостиной, а то никак не могу придумать, чем же еще досадить тетушке.

— Я не желаю досаждать мисс Флетчер. Нет ли другого...

— А я желаю! — мягко перебил Невилл. — Я не скажу, что отдал снимок вам, и тетя затеет поиски. С тех пор как мне удаются благородные поступки, я замечаю, что они требуют определенного самопожертвования, а самопожертвование разрушает характер и разъедает душу. — Трещя без умолку, Невилл направился в гостиную, где стоял большой студийный портрет Эр-

неста Флетчера. — Разве не чудо? — пробормотал Невилл, застыв перед ним.

— Не желаю я брать фотографию, которая дорога мисс Флетчер! — запальчиво проговорил Ханнасайд. — Наверняка есть другая.

— Да, конечно, на тумбочке у тетиной кровати, но ее я не дам. Между контрударом и намеренным раздражением разница все-таки есть.

— Черт меня дери, если я понимаю, о чем вы! — не сдержался Хемингуэй. — Почему вы так относитесь к своей бедной тете?

Невилл лишь мельком взглянул на него из-под полуопущенных ресниц.

— Согласитесь, снимок отличный. Суперинтендант, вам в рамке или без?

— Без рамки, пожалуйста. — Ханнасайд с любопытством посмотрел на молодого человека. — Методы у вас довольно оригинальные.

— Рад, что вы не назвали их эксцентричными. — Невилл достал портрет из рамки. — Ненавижу, когда меня называют эксцентричным. Серости и посредственности обзывают этим словом чистый рационализм. Сейчас спрячу рамку и подкуплю Симмонса, чтобы держал язык за зубами. Единственное преимущество большого наследства — возможность заниматься гнусным искусством взяточничества.

— Небось будете участвовать в поисках фотографии? — осведомился сержант, которого захлестывали одновременно восторг и возмущение.

— Нет, это уж лицемерием попахивает, — невозмутимо отозвался Невилл. — Все, суперинтендант, портрет готов. Приглашаю вас на чай, вдруг тетя вернется.

— У меня идея! — воскликнул Хемингуэй, едва они с Ханнасайдом выбрались на улицу. — Знаете, что напоминает мне глупая улыбочка Флетчера-младшего?

— Не знаю. Что?

— Картину, которой так восторгаются, в упор не понимаю почему. На ней девица с невыразительным лицом и хитрой улыбкой.

— «Мона Лиза»! — захохотал Ханнасайд. — Да, понимаю, о чем вы. Невилл — странный молодой человек.

— Порой меня так и подмывает повесить убийство на него, — признался Хемингуэй. — Только, по-моему, разmozжить череп — слишком примитивно для такого эстета.

Через пару минут они сели на автобус, который привез их к самому участку. Констебль Гласс с задания еще не вернулся. Ханнасайд по телефону выяснил, что Джона Норта до сих пор нет на службе, и позвонил в Скотланд-Ярд, чтобы поговорить с инспектором Дже-вонсом. С инспектором его тотчас соединили, но рассказать тому было почти нечего. Он разыскал многоэтажку, где неизвестный покровитель устроил Энжелу Энжел, однако ее квартиру теперь снимал некто Смит. Швейцар не сомневался, что сможет его опознать, и описал как стройного, прекрасно одетого брюнета.

Ханнасайд глянул на часы и решил отправиться в Лондон, поручив Хемингуэю опросить Гласса, когда тот вернется. Они договорились встретиться в управлении, суперинтендант назначил время и уехал, прихватив с собой портрет Флетчера.

Гласс не заставил себя долго ждать — предстал перед сержантом с перекошенным от гнева лицом.

— «Совращающий праведных на путь зла сам упадет в свою яму»*, — сурово проговорил констебль, едва взглянув на Хемингуэя.

— Что с вами такое? — удивился сержант. — Напиться вы не могли: пивные еще не открылись.

* «Книга Притчей Соломоновых» 28:10.

— «Да постыдятся и посрамятся все, ищущие гибели душе моей!»*, «отвращу глаза мои созерцания суеты»**, «я как маслина, зеленеющая в доме Божиим»***.

— Эй, да что вам в голову ударило?

— Разврат увидели глаза мои и блудницу вавилонскую!

— Где? — внезапно заинтересовался сержант.

— В сияющем доме порочности видел я это зло. Выкарабкался я из бездны разверстой.

— Если речь о том, что я думаю, мне за вас стыдно, — строго заметил Хемингуэй. — Позвольте узнать, чем вы занимались в подобном заведении? Шеф велел вам разыскать почтальона, а вы не приказ выполняете, а...

— Я приказ выполнил и почтальона разыскал. Это направило по пути порока стопы мои.

— Спокойно, дружище, незачем кипятиться из-за морального облика почтальона. Главное — вы его разыскали, где — не важно. Хотя я не подозревал, что у наших коллег из пригородов такие забавы. Вы взяли у него показания?

— Позвал я из того царства греха его и жену его...

— Что?! — воскликнул сержант. — Где был бедолага-почтальон?

— В балагане, где правит дьявол.

— То есть весь этот спектакль из-за того, что почтальон в выходной день повел жену в кино?! — не выдержал сержант. — Совсем с ума сошли?! Немедленно прекратите, и займемся наконец делом! Видел почтальон миссис Норт тем вечером или нет?

— Я роптал из-за боли в сердце моем, — вздохнув, извинился Гласс. — Сейчас доложу результаты. — Ре-

* Псалтирь 39:15.

** Псалтирь 119:37.

*** Псалтирь 52:8.

лигиозный фанатик с невероятной скоростью превратился в педанта — констебль достал блокнот и без всякого выражения зачитал: — Вечером семнадцатого июня ровно в 22:00 почтальон по имени Хорес Сمارт, проживающий по адресу: Марли, Эстли-виллас, 14, — забрал корреспонденцию из почтового ящика на углу Глинн-роуд и на велосипеде поехал в восточном направлении мимо ворот Грейстоунс. Сمارт утверждает, что видел спешащую по улице женщину.

— В руках у нее он что-нибудь заметил?

— По словам почтальона, в руках у женщины ничего не было. Одной рукой женщина придерживала растрепавшиеся на ветру волосы, другой — подол.

— А он узнал... — Договорить помешал телефонный звонок. — Скотланд-Ярд? Да, соедините! Алло! Хемингуэй слушает.

— Мы нашли вам Карпентера! — объявили на другом конце провода.

— Неужели? — удивился сержант. — Отлично! Где он?

— Этого мы не знаем, зато можем сказать, где он будет сегодня вечером. Воришка Алек твердит, что Карпентер ночует в доме номер сорок три по Барнсли-стрит, Уэст-Энд. Комната на цокольном этаже...

— Секунду! — Хемингуэй схватил карандаш. — Уэст-Энд, Барнсли-стрит, дом номер сорок три, цокольный этаж. Где эта Барнсли-стрит?

— Глассмир-роуд знаете? Барнсли-стрит соединяет ее и Летчли-гарденс.

— Летчли-гарденс? Шикарный адресок для нашего друга Карпентера!

— Был бы шикарный, живи он на Глассмир-роуд. Барнсли-стрит попроще и победнее, а сорок третий дом — сушая ночлежка. Так вы хотите загрести Карпентера?

— Вы же не знаете, где он.

— Мы не знаем, а домовладелица — другое дело.

— Нет, — произнес сержант, немного подумав. —

Не хочется его спугнуть, поэтому дождемся, когда Чарли придет домой. Разберусь здесь с делами, а потом встречусь в Скотланд-Ярде с суперинтендантом. Мы вместе прогуляемся на Барнсли-стрит и возьмем его светлость тепленьким.

— Если верить тому, что воришка Алек напел Фэнтону, Карпентер возвращается поздно. Он в ресторане работает. Чем еще вам помочь?

— Если Чарли работает в ресторане, шеф может и утром к нему заглянуть... Ладно, увидимся. — Хемингуэй положил трубку. — Ну вот, теперь точно с места сдвинулись! — с удовлетворением произнес он и лишь тут понял, что Гласс по-прежнему стоит рядом и не сводит с него взгляд. Констебль даже блокнот не закрыл. — Так, о чем я вас спрашивал?

— Вы спрашивали, узнал ли почтальон Смарт ту женщину. Ответ отрицательный. Смарт ехал по другой стороне улицы и лишь мельком видел женщину: одной рукой она придерживала подол платья, другой — растрепавшиеся на ветру волосы.

— Можно не сомневаться, это была миссис Норт! — воскликнул сержант, собрал бумаги и поднялся.

Констебль, судя по всему, еще терзался своими злоключениями.

— «Дом незаконных разорится, а жилище праведных процветет»*, — проговорил он с содроганием.

— Похоже на то! — кивнул Хемингуэй, складывая бумаги в портфель. — Если тот фильм так вывел вас из себя, мне нужно обязательно его посмотреть.

* «Книга Притчей Соломоновых» 14:11.

— «Доколе будут гнездиться в тебе злочестивые мысли?»* — осведомился Гласс. — «Я говорю тебе, при погибели нечестивых бывает торжество»**.

— Ступайте домой, выпейте аспирину, — посоветовал сержант. — Сегодня вы мне уже поперек горла.

— Да, пойду. — Гласс спрятал блокнот в карман. — «Гонят меня, как саранчу»***.

Ответить Хемингуэй не соблаговолил — развернулся и вышел из кабинета. Чуть позже он встретился в Скотланд-Ярде с суперинтендантом Ханнасайдом.

— Ну все, шеф, теперь из греха не выберетесь, — объявил он. — Что вы натворили! Превратили старину Гласса в саранчу!

— Ради всего святого...

— К зияющей бездне его подтолкнули, — елейным голоском пояснил Хемингуэй. — Я выходной ему дал: пусть оклемается.

— Что вы несете! — разозлился Ханнасайд. — Забудьте о Глассе, сосредоточьтесь на расследовании...

— Забыть Гласса? Вашими стараниями он попал в кино, и от его рассказов о фильме волосы дыбом встают. Зато он разыскал почтальона. Тот видел миссис Норт около десяти, хотя и не узнал. Шла с пустыми руками. В общем, хотя бы о времени ухода из Грейстоунс она не соврала. Есть новости о Карпентере?

— Да, я говорил о нем с Фэнтоном. Этот его Ворришка Алек твердит, что Карпентера можно застать дома вечером, после половины десятого. Что, старина, заглянем к нему?

— Конечно, — кивнул сержант. — В котором часу?

— Дадим ему полчасаика отдышаться и прижмем к стенке. Жду вас в десять на пересечении Глассмир-роуд

* «Книга Пророка Иеремии» 4:14.

** «Книга Притчей Соломоновых» 11:10.

*** Псалтирь 109:23.

и Барнсли-стрит. А пока, думаю, вам будет интересно услышать, что швейцар из Чамли-Мэншенс сразу узнал Флетчера по фотографии. Да, мол, это точно мистер Смит.

— Ну, мы и не сомневались. Швейцар вам что-нибудь еще сказал?

— Нет, больше ничего интересного. Как и все, кто общался с Флетчером, он называет его очень приятным джентльменом. О девушке он знает лишь то, что рассказал Гейлу после ее гибели.

— Похоже, убийство Эрнеста и гибель Энжелы Энжел впрямь взаимосвязаны, — задумчиво проговорил сержант. — Только ума не приложу, с какого боку здесь Норт.

— Вот потолкуем с Карпенгером, и ситуация немного прояснится, — сказал Ханнасайд.

— Глядишь, и ключ ко всей загадке появится, — согласился Хемингуэй.

Около десяти сержант уже ждал в условленном месте. Он хорошо знал шумную Глассмир-роуд, у автобусной остановки на пересечении с Барнсли-стрит нашел кофейный киоск и за чашкой кофе разговорился с владельцем киоска. Вскоре показался Ханнасайд: он брел по Глассмир-роуд от станции метро, от которой до киоска пара сотен ярдов.

— Добрый вечер! — сказал Ханнасайд и кивнул владельцу киоска. — Что, торговля бьет ключом? Помоему, нет.

— Да все в порядке. — Владелец киоска махнул рукой через плечо. — Из кинотеатра «Ригал» сюда многие придут. Просто пока рановато. В общем, не жалею.

Хемингуэй отодвинул пустую чашку, сердечно попрощался с владельцем киоска и ушел со своим начальником.

Небо затянули тучи. День еще не догорел окончательно, а уже темнело. Унылая, плохо освещенная, за-

строенная хлипкими домами Барнсли-стрит, изгибаясь дугой, ползла к Летчли-гарденс. Сорок третий дом стоял примерно посредине. «Квартиры» — гласила вывеска на окне первого этажа, шесть невысоких ступенек вели к парадной двери. На верхнем этаже горел свет, цокольный был погружен во мрак.

— Боюсь, мы поспешили, — заметил Хемингуэй, нажимая на кнопку звонка. — Если Карпентер работает в по-настоящему шикарном ресторане, дома ему быть еще не время.

— Попробовать все равно надо, — отозвался Ханнасайд.

Он позвонил снова и уже собирался попробовать в третий раз, когда в окошке над дверью загорелся свет, а в доме зашаркали шлепанцы.

Дверь приоткрыла полная дама малоприятной внешности.

— Что надо? — недружелюбно спросила она. — Если квартиру, то свободных нет.

Хемингуэй не растерялся:

— Касайся дело квартиры, я обезумел бы от горя. И когда я на вас запал? Один-единственный взгляд, и сражен насмерть!

— Хорош дерзить! — огрызнулась дама, глядя на него с откровенной неприязнью.

— Ладно, тогда скажите, мистер Карпентер у себя?

— Если вы к нему, почему в подвал не спуститесь? Звоните в звонок, гоните меня вниз, словно мне больше делать нечего, только целый вечер по ступенькам бегать!

— Бегать? А вы в состоянии? — удивился сержант. — Даже не верится! В общем, не ерепеньтесь, а отвечайте как на духу: Чарли Карпентер у себя?

— У себя, — процедила дама. — Спуститесь по лестнице и постучите.

— Благодарю покорно! — воскликнул Хемингуэй. — Но мне бы посмотреть, как вы умеете бегать. Сейчас мы вместе спустимся в подвал, вы постучите и попросите мистера Чарльза Карпендера отворить дверь. Тогда он увидит, что принесла ему добрая фея.

— Еще чего! — ошетибилась дама. — Да кто вы вообще такой?

Хемингуэй тотчас предъявил удостоверение.

— Тут мое полное имя, но лучше зовите меня Вилли, у нас же с вами любовь. Итак, вперед, к Карпентеру!

Дама тщательно изучила удостоверение и еще сильнее невлюбила Хемингуэя.

— Я порядочная женщина и не желаю, чтобы в моем доме шныряли сыщики. Тем более делать вам тут нечего. Если этот парень где-то засветился, имейте в виду: меня его фокусы не касаются.

— Ну, раз мы все выяснили, можно идти! — проговорил Хемингуэй.

Хозяйка двинулась к лестнице, ворча себе под нос. Ханнасайд кивнул сержанту и остался караулить у порога.

Громкий стук в дверь остался без ответа. Из подвала не доносилось ни звука.

— Странно. Спать он ложится поздно, — промолвила хозяйка и снова заколотила в дверь. — Опять небось ушел. Ну хватит, надеюсь, вы довольны.

— Секунду, милочка! — Хемингуэй оттеснил ее от двери. — Вы же позвольте мне взглянуть? — Он повернул ручку, открыл дверь и нащупал выключатель. — Видимо, вы правы, — заявил сержант, переступив порог.

Увы, хозяйка ошиблась. Чарли Карпендер никуда не ушел. Полностью одетый, он лежал на кровати, которую придвинули к стене напротив двери. Хемингуэй сразу понял, что Чарли мертв.

Хозяйка глянула Хемингуэю через плечо, взвизгнула и попятилась во мрак коридора.

— Тихо! — прикрикнул на нее сержант, подошел к распростертому на кровати телу и коснулся руки Карпентера. Она была еще теплой.

На лестнице слышался голос суперинтенданта:

— В чем дело, Хемингуэй?

Сержант вернулся к двери.

— Мы чуть-чуть опоздали, шеф. Вот, посмотрите! Ханнасайд спустился в подвал и вошел в комнату. Хемингуэй теперь стоял у кровати, бесстрастно глядя на покойного.

— Такого мы не ожидали, — отозвался сержант, услышав невольный возглас Ханнасайда.

Помрачневший суперинтендант склонился над телом. Чарли Карпентера убили так же, как Эрнеста Флетчера, но если Флетчера застали врасплох, то в грязном подвале явно не обошлось без борьбы. Стул опрокинулся, половик свернулся рулетом, на шее погибшего, чуть выше воротника, темнела ссадина.

— Тот же почерк, и, сдается мне, то же орудие, — пробормотал Ханнасайд. — Хемингуэй, свяжитесь с управлением. Предупредите домохозяйку, что ей придется ответить на вопросы. Хотя вряд ли она что-нибудь знает...

Сержант кивнул. Когда он вышел из комнаты, Ханнасайд сосредоточился не на трупe, а на окружающей обстановке. Ничего интересного он не увидел: мебели немного, а вот фотографий и цветных картинок предостаточно, некоторые в рамках, некоторые приколоты к стене, некоторые вставлены в оправу заляпанного зеркала над камином. В углу за занавеской пряталось несколько дешевых костюмов и пар туфель. На туалетном столике у окна выстроились бутылочки с бриолином, лосьон для бритья, лак для волос и духи. Ханнасайд неприязненно взглянул на них, вытащил нос-

вой платок и, обернув им руку, выдвинул два верхних ящика туалетного столика. В одном оказалась лишь пестрая смесь носков и носовых платков, зато в другом под галстуками валялись письма, старые программки, счета и газетные вырезки.

К возвращению Хемингуэя суперинтендант собрал все это в стопку и рассматривал фотографию из газеты. Когда сержант вошел в комнату, суперинтендант молча протянул ему снимок.

— «Зрители скачек, — прочел Хемингуэй, — достойная миссис Донн, мисс Клодин Суизин и мистер Эрнест Флетчер». Так, на Иксе можно поставить жирный крест, да, шеф? Еще что-нибудь нашли?

— Пока нет. Пусть тут сперва отпечатки пальцев снимут. — Обернутой носовым платком рукой Ханна-сайд вытащил ключ из скважины, вставил его снаружи и вышел. Хемингуэй следом.

— Старуха на кухне. Что делать мне?

— Выясните у владельца кофейного киоска, не видел ли он кого полчаса-час назад. Подождите! Попробую уточнить у хозяйки, когда именно вернулся Карпендер.

Коридором Ханна-сайд прошел на кухню. Хозяйка сидела за столом и подбадривала себя джином. При виде полицейского она спрятала бутылку и разразилась потоком слов. Хозяйка не знала ровным счетом ничего. Страшная новость убьет ее бедного мужа: он и так в постели с гриппом. Ее тоже подняли с постели: она уснула больше часа назад. Поклясться она могла лишь в том, что Карпендер был еще жив в 21:30: он крикнул ей из передней, спросил, не принесли ли его туфли из ремонта. Можно подумать, если бы принесли, она не поставила бы их в его комнату — прямо так она ему и сказала.

— Не торопитесь! Мог кто-то попасть в дом без вашего ведома? — спросил Ханна-сайд.

— Мог и попал, — угрюмо ответила хозяйка. — Небось через черный ход, и вина тут не моя, а Карпентера. Вошел, а запереть поленился. Сколько раз цепочку не накидывал! Ключ-то мы потеряли, я все собиралась заказать новый.

— Он ходил через ту дверь?

— Угу, так хлопот меньше.

— Кто еще живет в доме?

— Я, муж, моя служанка Глэдис, да на втором этаже одна женщина.

— Что еще за женщина?

— Очень милая дама. Актриса, но уже не выступает: возраст.

— А на первом этаже кто?

— Сейчас никого. Жильца зовут Барнс. Он в отъезде. Барнс — коммивояжер, мылом торгует.

— Долго у вас жил Карпентер?

— Шесть месяцев. Очень приятный молодой человек, и щегольнуть любил.

— Вы с ним дружили? Он что-нибудь о себе рассказывал?

— Нет. Меньше спрашивай — меньше вранья услышишь, я так считаю. Главное, за комнату платил, а остальное меня не касается. В чужие дела нос не сую. «Сам живи и другим не мешай» — вот мой девиз.

— Ладно, на этом пока закончим. — Ханнасайд оставил хозяйку на кухне и коридором направился к двери черного хода. Засов не задвинули, цепочка без дела болталась у стены.

Через несколько минут у дома остановилась машина из управления. Коронер, фотограф и дактилоскопист без промедления взялись за работу, а молодого сержанта Ханнасайд прикрепил к Хемингуэю — пусть поможет искать свидетелей.

Сержант Хемингуэй вернулся, когда тело Карпентера уже увезли. Он спустился в подвал к Ханнасайду, который вместе с инспектором перебирал вещи убитого.

— Как успехи? — спросил суперинтендант.

— Кое-что есть, — ответил Хемингуэй. — Кофейный киоск открылся только в 21:30, и с тех пор, кроме нас с вами, шеф, и дежурного констебля, владелец видел лишь джентльмена среднего роста во фраке. Тот спешил по противоположной стороне улицы к стоянке такси на Глассмир-роуд.

— Словесный портрет составили?

— Нет. Владелец киоска едва заметил того джентльмена. Говорит, в такой темноте лицо не рассмотришь. Зато, шеф, он твердит, что мужчина был без пальто и с пустыми руками. История повторяется, да? Вряд ли стоит спрашивать, нашли ли вы орудие убийства. Не поверю, даже если скажете, что нашли!

— Не нашел. А вы нашли человека, который подтвердит показания владельца киоска?

— Ну, «подтвердит» — это сильно сказано! — хмыкнул Хемингуэй. — На другом конце улицы ошивалась парочка. Да вы знаете таких — часами миловаться готовы. Я их словам не очень доверяю, однако, по словам девушки, минут тридцать назад мимо них прошел джентльмен во фраке и цилиндре. На той улице не слишкомлюдно. Я послал Лайна опросить жителей дома напротив — вдруг кто в окно смотрел.

— А милующиеся голубки трости у джентльмена не заметили?

— Голубки — нет. Сперва они твердили, что вообще никого не видели, но пара наводящих вопросов, и они, так сказать, выплыли из транса. Девушка вспомнила джентльмена во фраке и белой сорочке: он, мол, по другой стороне улицы прошел. А дружок поднатужился и сказал, что тоже кого-то видел, но не помнит точно,

когда это было: до или после обхода констебля. Если верить торговцу кофе, то до. Получается, они шли в разных направлениях и теоретически могли встретиться. Разыскать дежурного?

— Да, и поскорее. Он, конечно, ничего подозрительного не видел, но если впрямь столкнулся с мужчиной во фраке, то сможет его описать.

— По мне, так его личность сомнений не вызывает! — заявил сержант. — Мистер Джон Норт собственной персоной. Только куда он прячет оружие убийства, ума не приложу. На фокусника Норт не похож. Шеф, у вас есть идеи?

— Нет. Не понимаю, зачем Норту убивать Карпентера.

— Шеф, разве это не очевидно? — удивился сержант. — Карпентер наверняка видел, как Норт убивал Эрнеста Флетчера. А может, Чарли для разнообразия и Норта шантажировал.

— Послушайте, в 21:58 Флетчер сам выпроводил Карпентера из Грейстоунс. Как же Чарли мог видеть убийство?

— Вдруг его не выпроваживали? — медленно спросил сержант. — Вдруг миссис Норт все это сочинила? — Хемингуэй потер подбородок. — Сдается мне, Чарли знал чуть больше, чем мы с вами думали.

Глава одиннадцатая

Влюбленные голубки, которых в управлении допрашивал Ханнасайд, горели желанием помочь. Только показания их звучали неясно, а порой и противоречиво — ни того, ни другую надежным свидетелем не назовешь. Девушка, помощница горничной, явно наслаждалась

происходящим. Едва сообразив, насколько важен для полиции мужчина во фраке, она принялась сочинять, что видела куда больше, чем говорила сначала.

— Он был какой-то не такой, — сообщила она Ханна-сайду. — Странный, вот! Да, он показался мне странным.

— В каком смысле странным? — уточнил Ханна-сайд.

— Не скажу точно, но шел он слишком... слишком быстро. Я сразу подумала: гангстер.

— Да ну? — вмешался ее кавалер. — Ничего ты не видела!

— Видела, Сид, честно, видела!

— Ты же ничего мне не говорила!

— Не говорила, но у меня возникло предчувствие! — загадочно выдала мисс Дженкинс.

— Ох уж эти твои предчувствия!

— Скажите, мужчина был блондин или брюнет? — вклинился в перепалку Ханна-сайд.

Мисс Дженкинс отказалась дать однозначный ответ на этот вопрос. Суперинтендант настаивал, и она заявила, что было слишком темно.

— Ничего ты не видела! — высокомерно осадил ее мистер Сидни Портер. — Сэр, мы с моей девушкой... хм, болтали, поэтому не замечали никого вокруг.

— Так вы видели мужчину во фраке?

— Точно не помню, — уклончиво ответил мистер Портер. — Два-три человека прошли, но мне было не до них. Я вроде как заметил на другой стороне улицы джентльмена, однако поклясться не могу.

— Ага, еще он наверняка столкнулся с полицейским, — вставила мисс Дженкинс. — Через минуту после того джентльмена я увидела полицейского. Неужели он сделал свое черное дело под носом у полиции?! Вот так наглость! Я сразу подумала: мужчина во фраке — гангстер.

— Да ты чокнулась! — с нежностью проговорил мистер Портер. — Констебль прошел лет на сто раньше. Хорош ерунду болтать! Ничегошеньки ты не видела.

Сержант Хемингуэй полностью разделял его мнение.

— Ну и свидетели! — с отвращением воскликнул Хемингуэй, едва голубки улетели. — Когда я их застукал, они впрямь никого вокруг не видели — миловались и миловались. Если так было весь вечер... Ума не приложу, как люди часами этим занимаются? Девушка захотела увидеть свою фотографию в газете. Знаю я таких! Мистер Портер тоже не лучше — два сапога пара.

— Только девушка видела мужчину во фраке, что подтверждает рассказ владельца киоска. Посмотрим, что нам расскажет констебль. Если девушка не наврала и он впрямь прошел мимо них вскоре после мужчины во фраке, мы услышим что-нибудь ценное.

Констебль Мейдер, веснушчатый парень с серьезным лицом, с сожалением отметил, что во время обхода Барнсли-стрит мужчину во фраке не видел.

— Вот, пожалуйста, что я говорил! — с досадой воскликнул сержант. — Эта дурочка наплела нам с три короба!

— Когда проходили мимо сорок третьего дома, свет в подвале не заметили? — спросил молодого полицейского Ханнасайд.

— У миссис Прим? — уточнил Мейдер. — Сэр, можно мне немного подумать?

Сержант по-птичьи наклонил голову и с любопытством на него взглянул.

— Либо заметили, либо — нет.

Констебль впился в него серьезными серыми глазами.

— Мне нужно снова пройти по той улице, сэр. Мысленно этим я сейчас и занимаюсь. Не подождете минутку? Вспомню и скажу точно.

— Хорошо, давайте, — кивнул Ханнасайд, осадив скептика-сержанта недовольным взглядом.

Возникла пауза — констебль воскрешал в памяти обход Барнсли-стрит.

— Да, сэр, свет горел, — убежденно ответил Мейдер. — В тридцать девятом доме окно было распахнуто, но у миссис Дагдейл решетки, поэтому открывать не страшно. В следующем доме, в сорок первом, не горело ни одно окно, а потом я увидел свет в подвале. Да, это был сорок третий дом.

— Ясно, — отозвался Ханнасайд. — Вы уверены?

— Да, сэр.

— А шум вы из того окна не слышали? Может, заметили что-то странное?

— Нет, сэр. Там жалюзи опустили, и я ничего не слышал.

— Раз свет горел, убийца мог сидеть там, — проговорил Хемингуэй. — Очевидно, прикончил Карпентера и ждал, когда вы пройдете, чтобы улизнуть.

— Да, сэр, — расстроился констебль. — Мне очень-очень жаль.

— Вы ни в чем не виноваты, — заверил его Ханнасайд и отпустил.

— Здорово, да? — съязвил сержант. — Теперь еще выяснится, что таксист тоже не разглядел лицо джентльмена в цилиндре, и будет вообще замечательно.

Интуиция не подвела. Чуть позднее, когда Хемингуэй с Ханнасайдом вернулись в Скотланд-Ярд, поступило сообщение, что некий Генри Смит, таксист, отвез джентльмена во фраке с Глассмир-роуд к отелю «Пиккадилли». Вошел ли его пассажир в отель, таксист сказать затруднялся. Внимательно он его не рассматривал, просто запомнил как джентльмена среднего роста и сложения. Лицо пассажира в памяти тоже не задержалось. «Приятный, но ничего особенного» — вот и все описание.

— По крайней мере это не Бадд, — проговорил Хемингуэй. — Его приятным ни один здравомыслящий

человек не назовет. Кстати, на отпечатки пальцев можно не надеяться — преступник орудовал в перчатках.

— И ни следа орудия убийства, — недовольно отметил Ханнасайд. — Карpentера прикончили сильным ударом тяжелого тупого предмета. Орудие убийства то же самое, что в деле Флетчера.

— В бумагах Карpentера что-нибудь интересное нашли?

— Ничего путного. Только вот это.

Сержант развернул хлипкий листок.

— Энжела! Ну и ну! — воскликнул он, взглянув на подпись.

Коротенькую записку написали нетвердым круглым почерком. Начиналась она без всякой преамбулы:

«Чарли! Когда ты получишь это письмо, меня на нашей старой квартире уже не будет. Хотя тебе не интересно, хочу объясниться. Несмотря на все, на твои темные дела и негодных дружков, прошлое я не забуду. Только теперь я понимаю: у нас было не по-настоящему. Я встретила настоящую любовь и по-новому взглянула на мир. Я не скажу тебе его имя. Ты человек подлый, что угодно можешь выкинуть. Я бросаю тебя, но не из-за позора, которым ты себя покрыл, а потому что настоящая любовь сильнее смерти. Будь у нас с тобой по-другому, я ждала бы тебя вечно, ведь настоящую любовь и водой не затопишь, и рекой не зальешь».

— Да-а, влипла девушка! — протянул сержант, вернув послание Ханнасайду. — По уши в покойного Эрнеста втрескалась! Думаю, письмо это она написала, когда Чарли тянул срок. Вот нам подтверждающее доказательство, но не более того. Сдается мне, девица покончила с собой из-за любви к покойному Эрнесту, а Чарли был мерзавцем, который и мать родную шанта-

жировать не постесняется. Что дальше? Думаете, Карпентер видел, как убивают Эрнеста?

— Если видел, возникают два вопроса, — сказал Ханнасайд. — Убийца не только видел Карпентера, но и узнал его? Или это Карпентер узнал убийцу и попробовал его шантажировать?

— Шеф, так мы считаем убийцей Норта или совершенно неизвестного человека?

— Откуда мне знать. По уму, на Норта указывает все... нет, почти все. В пользу этой версии говорит его внезапное возвращение в Англию, его непонятное поведение в ту роковую ночь, а еще странные поступки миссис Норт и внешность джентльмена с Барнсли-стрит: он похож на Норта. Против в первую очередь характер Норта. Соглашусь с его свояченицей: Норт далеко не глуп. А что нелепее и глупее, чем совершить два убийства подряд одним и тем же способом?..

— Не факт, — перебил Хемингуэй. — Если Норт такой умник, то нелепые убийства мог совершить намеренно — ему так интереснее. Да и вообще, глупого да нелепого тут немного — отпечатков пальцев нет, орудие убийства спрятано так, что любой фокусник позавидует.

— Об этом я тоже думал, — признал Ханнасайд. — Однако где и когда человек вроде Норта мог познакомиться с Карпентером?

— Где — в Грейстоунс, когда — в тот трагический вечер, — без запинки ответил Хемингуэй. — Шеф, забудьте на минутку вторую версию спектакля миссис Норт. Представьте, что Карпентер прятался в саду, пока Хелен была с покойным Эрнестом...

— Какого черта Чарли прятаться, если он хотел шантажировать Флетчера?

— А если он прятался по той же самой причине, что миссис Норт? Шел по дорожке и вдруг услышал за спиной скрип калитки...

— Невозможно! При таком раскладе Чарли столкнулся бы с Баддом, а он не столкнулся.

— Ла-адно! — с безысходностью протянул Хемингуэй. — Допустим, Чарли прятался там с самого начала. Проник в сад, когда покойный Эрнест был с Баддом, и дожидался в укрытии благоприятного момента. Потом в сад впорхнула Хелен — наш друг продолжал таиться. Едва она в гневе выскочила из кабинета, появился ее благоверный. Хелен спряталась, как и сказала нам, узнала мужа и дала деру.. Нет, не дала! Почтальон видел ее у парадной двери после десяти! Погодите... Все, понял! Норт убил Эрнеста между 21:45 и 22:00, затем вышел через калитку на глазах у жены и нашего друга Чарли. Не подозревая о присутствии Карпентера, миссис Норт скользнула в кабинет выяснить, в чем дело, наткнулась на убитого Эрнеста и в панике сбежала через парадную дверь. Тем временем, точнее в 22:02, Карпентер направился к садовой калитке, столкнулся с Ихаводом и улизнул в том же направлении, что и Норт. Чарли увидел Джона и проследовал за ним...

— Куда проследовал?

— В город. Наверняка до самой квартиры, чтобы выяснить, с кем имеет дело. Потом Чарли взялся за свой любимый шантаж, и Норту, разумеется, пришлось его убрать. Ну, как вам такой расклад?

— Не очень, — ответил Ханнасайд.

— Если честно, мне и самому не очень, — признался Хемингуэй. — Только как ни крути, история Хелен в сюжет не вписывается. Приходится верить, что она какое-то время пряталась за кустом, потому что мы нашли следы. А из-за слов почтальона приходится верить, что она возвращалась в дом.

— Вот именно, — сказал Ханнасайд. — По вашей последней версии, Хелен вернулась в кабинет, когда Флетчер был уже мертв. Фотографии тела вы видели. Неужели вы думаете, что впечатлительная женщина,

увидев в окно столь ужасную картину, добровольно войдет в кабинет?

— Когда женщине что-то очень нужно, логика пасует.

— Неубедительно, Хемингуэй! А почему Хелен не закричала, не подняла весь дом на ноги?

— Хелен могла и не закричать, если знала, что убийца — ее муж.

— Думаю, в таком случае она вообще не вошла бы в кабинет. Если только они с Джоном не действовали сообща, а эта версия противоречит всем известным нам фактам. Сомневаюсь, что Хелен видела само убийство.

— Погодите, шеф, я понял! — воскликнул сержант. — Хелен не могла видеть убийство из-за куста, верно?

— Нет, не могла.

— Ага! Норт уходит в 22:02 — его Ихавод и встретил. Миссис Норт, не подозревая о случившемся, подкрадывается к стеклянной двери. Пока все логично?

— Пока — да, — кивнул Ханнасайд. — А где наш Карпендер? По-прежнему в засаде?

— Ага. А вы говорите, миссис Норт не вошла бы в кабинет... Да у нее вариантов не было!

— Почему это?

— Из-за Ихавода! — с торжеством воскликнул сержант. — Когда Хелен хотела ретироваться, он уже был у калитки. Спрятаться в саду красавица не решилась: как-никак в кабинете убитый. Оставался единственный вариант побега — через дом.

В глазах Ханнасайда читалось искреннее изумление.

— Боже милостивый! Старина, вероятно, вы правы! Но что стало с Карпендером?

— Если Чарли прятался в кустах у дорожки, то мог шмыгнуть к калитке, едва Ихавод прошагал мимо него к кабинету. Думаю, так и случилось.

— Да, возможно, если вспомнить, что в 22:02 из сада вышел другой мужчина, поспешил к Арден-роуд и

на углу попал на глаза Ихаводу. Но каким образом Карпентер сумел, во-первых, угадать, в каком направлении ушел тот мужчина, а во-вторых, нагнать его?

— Тут мне ответить нечего, — покачал головой Хемингуэй. — Либо Чарли повезло, либо я ошибся.

— А как Чарли выяснил, кто такой Норт? О Джоне и Хелен в газетах еще не писали... — Ханна сайд постучал карандашом по столу. — Нет, Хемингуэй, мы с вами что-то пропустили.

— Знать бы, что именно! — воскликнул сержант.

— Нужно это срочно выяснить. Не исключено, что мне поможет мистер Норт, только почему-то не верится.

— Ему придется рассказать о своих передвижениях и в тот роковой вечер, и вчера.

— Да, но если у Норта алиби, которое он не сможет подтвердить, а я — проверить, то мы не сдвинемся с места ни на шаг. Только если я нащупаю связь между ним и Карпентером или докажу, что вчера вечером он был на Барнсли-стрит. На Норта у меня нет ровным счетом ничего. Если не разговариваю его жену или... его через нее, — добавил суперинтендант.

— Надеюсь, получится. Вдруг Норт ужинал в ресторане, в котором работал наш друг Чарли? — неуверенно предположил Хемингуэй.

— По-моему, это на грани фантастики, — скептически заметил Ханна сайд. — Норт — человек состоятельный. Буду премного благодарен, если объясните, каким ветром его занесет в забегаловку на Фулем-роуд. Мы же вместе туда заходили — представляете там Норта?

— Не больше, чем в забегаловках Сохо, — сказал Хемингуэй. — А ведь Норт наверняка там ужинал.

— Сохо — другое дело. — Ханна сайд собрал документы и спрятал в стол. — Ладно, старина, пора по домам. Собираюсь к Норту завтра с утра, чтобы перехватить, пока на службу не уехал. Вам на дознании можно

не присутствовать, лучше подержайте за другие нити — покопайтесь в прошлом Карпендера. Если понадобится помощник, возьму с собой Гласса.

— Ну, с ним точно не заскучаете! — съязвил Хемингуэй. — Жаль, не услышу его на дознании! Театр будет еще тот.

Наутро в половине девятого суперинтендант Ханнасайд приехал в Марли. Однако оказался не первым посетителем Честнатс. Без двадцати девять мисс Дру села завтракать в гордом одиночестве, когда сконфуженный дворецкий ввел стройного молодого человека в потертых брюках из серой фланели, твидовом пиджаке с кожаными вставками и нетуго завязанном галстуке.

— Привет! Зачем пожаловал? — осведомилась Салли.

— Завтракать. Хочу выяснить, вдруг у вас кормят лучше, чем у нас. Если да, останусь. Если нет, уйду. Дома дают кеджери*, в такое-то утро!

— Собираешься на дознание? — спросила Салли, глядя, как Невилл изучает содержимое тарелок.

— Нет, милая, а вот ты наверняка пойдешь. Сельдь, почки, бекон, да еще и ветчина! Отлично! Начну сначала и дойду до конца, ты не против? Наслаждающиеся обильным завтраком отвратительны, как полагаешь?

— Вообще-то аппетит у меня отменный, — парировала Салли. — Тебе булочку или тост? А пить что будешь? Чай, кофе или, может, горячий шоколад?

— Вот оно, богатое безделье! — Невилл вернулся за стол. — Только кофе, милая.

— Теперь ты сам богатый бездельник, — напомнила Салли. — Достаточно богатый, чтобы купить приличный костюм, а заодно к парикмахеру сходить.

* Жаркое из риса и рыбы с добавлением карри, изначально индийское блюдо.

— Думаю, мне нужно жениться, — задумчиво проговорил Невилл.

— Жениться?! — воскликнула Салли. — Зачем?

— Тетя Люси считает, что кому-то нужно за мной присматривать.

— Скорее холить и лелеять, — уточнила Салли. — Касательно же присмотра, я глубоко уверена, что мистер Невилл Флетчер — существо бесхребетное, но мастерски владеет искусством жить как вздумается.

— Искусством жить не овладеешь. — Невилл оторвал взгляд от тарелки и улыбнулся, как всегда застенчиво и лениво. — Это врожденный талант. Так Хелен проходит свидетелем?

На миг Салли растерялась.

— Ах, на дознании! Повестку ей еще не присылали. Думаю, причина тут проста: полиции нужна отсрочка.

— Хелен небось рада, а я вот сильно разочарован: тайну так и не раскрыли. Какую байку она намерена рассказать?

— Не знаю, но искренне надеюсь, что Джону Хелен все-таки выложит правду. Не представляешь, каково жить среди тайн и секретов. Прежде чем раскрыть рот, сто раз думать приходится.

— Тебе, наверное, тяжело, — вздохнул Невилл. — Кстати, где наши супруги?

— Скорее всего спят. Джон вчера поздно лег, а Хелен спускается вниз лишь после завтрака. Полагаю, мисс Флетчер пойдет на дознание.

— Неправильно полагаешь, милая.

— В самом деле? Очень разумно со стороны мисс Флетчер, но я была уверена, что ей захочется пойти.

— Да, она захотела бы, — кивнул Невилл, — если бы только знала, что дознание сегодня.

Салли с любопытством на него взглянула:

— Хочешь сказать, что скрыл это от нее?

— А разве сложно? Моя тетя — сама женственность, свято верит каждому слову мужчины.

— Газеты ведь она читает!

— А как же! Первую и среднюю страницу «Таймс». Бульварщину проворный племянник конфискует и использует в низменных целях.

— Вот и молодец! — кивнула Салли. — По отношению к мисс Флетчер ты просто молодец.

— Не-ет! — простонал Невилл. — Не желаю! Отродясь молодцом не был и начинать не хочу!

В столовую вошла Хелен. Темные круги под глазами красноречиво говорили о бессонной ночи. Завидев Невилла, она вздрогнула, с головой выдав свою нервозность.

— Боже, ты! — выпалила она.

— Как прикажешь отвечать на подобное? — поинтересовался Невилл. — Наверное, с таким же драматизмом. Увы, за завтраком на драматизм я не способен. Да садись!

— Что ты здесь делаешь? — осведомилась Хелен.

— Ем. Напрасно ты пришла! Не видать мне теперь священного покоя, который должен сопровождать первую трапезу дня.

— Я в своем доме! — возмутилась Хелен.

Салли взяла с приставного стола чашку с блюдцем и протянула сестре.

— Хелен, ты ужасно выглядишь. Зачем встала?

— Не могу валяться в постели! — с вызовом ответила Хелен.

— Последствие ночного голодания, — вздохнул Невилл.

Хелен пронзила его раздраженным взглядом, но огрызнуться не успела: в столовую вошел чопорный дворецкий.

— Прошу прощения, мэм! Мистера Норта спрашивает суперинтендант Ханнасайд. Я объяснил, что мистер

Норт пока никого не принимает. Мне разбудить мистера Норта или попросить суперинтенданта подождать?

— Суперинтенданта? — машинально переспросила Хелен. — Да, конечно, известите мистера Норта, а суперинтенданта проводите в библиотеку. Я к нему выйду.

— Зачем? — спросила Салли, когда дворецкий удалился. — Зачем выходить, если ему нужна не ты?

— Какая разница? Встречусь с ним и выясню, что он хочет. Господи, ну почему я не способна думать?!

— Правда? — сочувственно спросил Невилл. — Вообще не способна?

— Ради Бога, пей свой чай и не суетись! — воскликнула Салли. — На твоём месте я позволила бы Джону вести собственную игру и не вмешивалась.

Хелен с грохотом опустила чашку на блюдо.

— Джон не твой муж! — выпалила она и вышла из столовой.

— Ну вот, теперь мы вновь насладимся спокойствием! — с облегчением вздохнул Невилл.

— Не получится. — Салли торопливо допила кофе. — Мне нужно идти с Хелен и проследить, чтобы она не наделала глупостей.

— Обожаю тех, кто ради пропащих себя не жалеет! — воскликнул Невилл. — Ты что, в Красный Крест вступила?

Салли не удостоила его ответом. В библиотеку она попала одновременно с дворецким, который сообщил Ханнасайду, что мистер Норт уже брется и будет через пару минут.

— Все в порядке, Салли, я сама справлюсь, — заверила Хелен, хмуро взглянув на сестру.

— Тебе только кажется, — парировала Салли. — Доброе утро, суперинтендант! Малахия, какой приятный сюрприз! Ну, нам только фисгармонии не хватает.

— «Сердце развращенное будет удалено от меня, — грозно начал Гласс, — злого я не буду знать»*.

Хелен, с констеблем прежде не встречавшаяся, онемела от удивления, зато Салли не растерялась:

— Совершенно верно! Дурные знакомства приличным людям ни к чему.

— Гласс, помолчите! — строго осадил констебля Ханнасайд. — Миссис Норт, вы спросили, зачем мне ваш муж. Отвечу прямо: хочу выяснить, что он делал в тот вечер, когда убили Эрнеста Флетчера.

— Вполне справедливое желание, — кивнула Салли.

— Но ведь Джон уже рассказывал, и вы должны помнить. Он провел тот вечер в лондонской квартире.

— Увы, миссис Норт, к сожалению, это неправда.

Салли сосредоточенно протирала монокль, но последнее замечание Ханнасайда, словно камешек, брошенный в пруд, заставило ее поднять голову.

— Хороший блеф! — похвалила она. — Только у вас ничего не выйдет.

— Я не блефую, мисс Дру. У меня есть доказательства, что с 21:00 до 23:45 мистера Норта в квартире не было.

Хелен нервно облизнула губы.

— Абсурд какой-то! Разумеется, Джон был в квартире. Ему незачем вводить вас в заблуждение.

— Миссис Норт, вы же не надеетесь, что я этому поверю? — тихо спросил Ханнасайд.

Салли потянулась к сигаретнице.

— По вашей версии, мой зять был в Грейстоунс?

— Именно, — кивнул Ханнасайд.

В глазах Хелен блеснул злой огонек.

— Прикуси язык, Салли! Как ты смеешь такое предполагать?

* Псалтирь 100:4.

— Успокойся. Я не предполагаю ничего, о чем суперинтендант уже не думал. Давай спокойно все проанализируем!

— Лучше уходи! Я сама справлюсь.

— Хочешь, чтобы я ушла? — невозмутимо проговорила Салли. — Суперинтендант хочет того же самого. Слепому видно: он запугивает тебя, чтобы разговаривать. Будь у тебя хоть капля здравого смысла, ты бы помалкивала — пусть Джон сам с ними объясняется.

— Вы очень проницательны, мисс Дру, — вмешался Ханнасайд. — Из ваших слов следует, что миссис Норт опасно со мной откровенничать.

Салли глубоко затаилась и выпустила дым через ноздри.

— Точно подмечено. Но я хорошо знаю свою сестру и ее мужа. Младенцу ясно: факты против моего зятя. У него был мотив для убийства Эрнеста Флетчера, его внезапное возвращение из Берлина в высшей мере подозрительно, а вы явно раздобыли доказательства того, что алиби на семнадцатое июня, которое Джон вам предоставил, ложь. Сестре я настоятельно советую держать язык за зубами. Уверена, ее адвокат, окажись он здесь, посоветовал бы то же самое. Однако вы блефуете, господин суперинтендант, блефуете по-крупному. Будь у вас серьезные доказательства виновности моего зятя, вы не тратили бы время на беседы с Хелен.

— Неплохо, мисс Дру! Но, по-моему, вы оставили кое-что без внимания.

— Правда? Что именно?

— Вы полностью сосредоточились на возможной виновности мистера Норта. А о весьма неопределенном положении сестры не задумываетесь.

— Вы серьезно верите, что Хелен замешана в убийстве? — презрительно хохотнула Салли.

— Может, и не верю, но миссис Норт известно куда больше, чем она мне рассказала. Хотите честно?

Так слушайте: показания миссис Норт не совпадают с фактами.

Хелен шагнула к нему и подняла руку, веля сестре молчать.

— Честно так честно! Вы считаете, что на дорожке я видела мужа и узнала его, верно, суперинтендант?

— Скажем так: я не исключаю такой вариант.

— А я говорю, что вы ошибаетесь!

— Предлагаю это выяснить, — пожал плечами Ханна-сайд. — Вы сами изложили мне два разных варианта собственных действий вечером семнадцатого июня. Первый — утром после убийства, до возвращения вашего мужа, второй — после его возвращения, очевидно, с целью убедить меня: а) что Флетчер сам выпроводил из Грейстоунс таинственного незнакомца, которого вы видели; б) что в 22:00 Флетчер был жив. Это, разумеется, наводит на очень серьезные размышления. Особенно после того, как я выяснил, что семнадцатого июня мистер Норт ушел из своей квартиры в 21:00 и вернулся в 23:45.

— Ваша точка зрения вполне логична, суперинтендант, — спокойно проговорила Хелен, побледневшая даже под искусным макияжем. — Только вы напрасно полагаете, что мой муж замешан в убийстве. Если у вас есть доказательства, что тем вечером его в квартире не было, вы наверняка правы. Но я точно знаю, что с убийством Эрни Флетчера Джон никак не связан.

— В самом деле, миссис Норт? Не стоит подождать и послушать, что он сам скажет?

— Не вижу смысла. Насколько мне известно, вечером семнадцатого Джон был далеко от Грейстоунс. Возможно, он попытается убедить вас в обратном: Джон из тех мужей, которые защищают своих жен, даже... самых нерадивых. — Голос Хелен дрожал, но на лице не дрогнул ни один мускул. Салли подавилась дымом и сильно закашлялась.

— Правда, миссис Норт? — тихо спросил Ханна-сайд.

— Да. — Хелен впиалась в него взглядом. — Убийство совершила я.

Суперинтендант промолчал, а Гласс, внимательно следивший за Хелен, пробасил:

— В Писании сказано: «Говорите истину каждый ближнему своему»*. «В глазах всех птиц напрасно расставляется сеть»**.

— Только не этой птицы, — прохрипела Салли. — Хелен, не дури!

На губах Хелен заиграла слабая улыбка.

— Доля правды в моих показаниях есть, — начала она, не сводя глаз с Ханнасайда. — Эрни Флетчер действительно выпроводил незнакомца из Грейстоунс, а я действительно проскользнула в его кабинет за расписками. А дальше все неправда. Я не выбралась из кабинета до возвращения Эрни. Он застал меня там, сел за стол и начал надо мной смеяться. Я поняла, что упрашивать его бесполезно, потеряла голову и... убила его.

У Салли даже кашель прошел.

— Ага, топориком зарубила! — прошипела она. — Идиотка, ты что, забыла, что Эрни не застрелили? А ты, огрей Эрни по голове, больно бы сделала, и только.

— Я застала его врасплох. Оглушила... Обезумела от злости и решила добить. Ударила по голове раз, другой, третий... — Хелен осеклась, содрогнулась всем телом и поднесла к губам носовой платок.

— Очень неубедительно, — отметила Салли. — Еще немного мерзкого вранья, и тебя вырвет! Да кто поверит, что ты проломила человеку череп?!

— Прекрати! — шепнула Хелен. — Говорю же, я была не в себе!

* «Послание к Ефесянам» 4:25.

** «Книга Притчей Соломоновых» 1:17.

— Учтите, миссис Норт, — вмешался Ханнасайд, — одного признания недостаточно. Чтобы я поверил, вы должны доказать, что совершили убийство.

— Разве это не ваша работа? Зачем мне себя изобличать?

— Не валяй дурака! — осадил ее Салли. — Если призналась в убийстве, значит, хочешь, чтобы тебя изобличили. Ну, раз взялась за гуж, объясни: как ты совершила убийство? Почему не запачкала в крови платье?

Хелен мертвенно побледнела и буквально доползла до стула.

— Хватит, ради Бога, хватит! Я этого не вынесу!

— Женщина, «не внимай пустому слуху»*! — неожиданно воскликнул Гласс, памятником неодобрению стоящий у стены.

— Прекратите! — рявкнул Ханнасайд.

В голубых глазах констебля вспыхнуло презрение. Он повернулся к Хелен, которая смотрела на него со страхом и непониманием.

— «Коварство — в сердце злоумышленников»**. «Боязнь пред людьми ставит сеть, а надеющийся на Господа будет безопасен»***.

Тут Ханнасайд не выдержал:

— Еще одно слово, и я...

— Пусть говорит! — вмешалась Салли. — Сейчас он абсолютно прав.

— Очень может быть, — кивнул Ханнасайд. — Тем не менее ему следует помалкивать. Миссис Норт, если вы убили Эрнеста Флетчера, пожалуйста, объясните: каким орудием пользовались и куда потом его дели?

Воцарилась тишина. Взгляд Хелен метался от одного скептического лица к другому. Тут возникла за-

* «Исход» 23:1.

** «Книга Притчей Соломоновых» 12:20.

*** «Книга Притчей Соломоновых» 29:25.

минка в виде мистера Невилла Флетчера, который появился у раскрытого окна с чашкой в одной руке и куском тоста в другой.

— Не обращайтесь на меня внимания! — мило улыбнулся он. — Я услышал ваш архиважный вопрос, суперинтендант, и горю желанием узнать ответ! Малахия, какая приятная встреча! — Невилл помахал тостом безучастному констеблю и устроился на низком подоконнике. — Ну, отвечай! — подбодрил он Хелен.

Ханна сайд задумчиво взглянул на него, потом снова на Хелен.

— В самом деле, миссис Норт, отвечайте!

— Хорошо, отвечу, — с трудом проговорила Хелен. — Орудие вы видели, тяжелое бронзовое пресс-папье со статуэткой. Я схватила его со стола и несколько раз ударила Эрни по голове. Потом выскользнула в коридор, как и говорила вам, а пресс-папье спрятала под накидкой. Дома я его вымыла, а когда пришел мистер Флетчер, отдала ему, чтобы вернул на место.

Хелен умоляюще посмотрела на Невилла. Тот ринулся рот от изумления, похлопал глазами, сглотнул и с трудом выдавил:

— Передаю слово Малахии! Он в сто раз лучше моего скажет. Например, о том, что грех не спрячешь... Теперь даже тост не хочется. Господи, дай мне сил!

К Салли вернулся дар речи.

— Хелен, так нельзя! Ты и Невилла сообщником делаешь!

— Спасибо, милая! — пробормотал молодой человек. — Пожалуйста, заведи у меня чашку. Руки дрожат, как осины на ветру. Ох, женщины!

— Ну, мистер Флетчер, чем ответите на заявление миссис Норт? — спросил Ханна сайд.

— Не беспокойтесь! — отозвался Невилл. — Рыцарство совершенно не по мне. Пресс-папье я подложил,

чтобы развлечь ваших людей, суперинтендант. Мисс Дру передала это сестре, только и всего.

— Передала, — кивнула Салли. — Прости, Невилл, я не подумала, что Хелен такое выкинет.

— Вот так безжалостность! — воскликнул Невилл. — Слабый пол, называется! Впрочем, на заявление Хелен я отвечу. Пресс-папье у дяди на столе в жизни не стояло. Оно из бильярдной. Хоть слуг спросите, хоть мою тетю.

— Я сказала правду! — воскликнула Хелен звенящим от напряжения голосом. — Он в убийстве не замешан, но пресс-папье у меня взял. Невилл, поставить пресс-папье на место не преступление, в котором страшно признаться!

— Ничего не выйдет! — твердо заявил молодой человек. — Ты уверена, что я должен принести себя в жертву из стремления к благородству. Только я к благородству никогда не стремился и давить на себя не позволю.

— Невилл...

— Ты меня не переубедишь, даже не пытайся! Как ни странно, я не умираю от желания спасти твоего мужа от ареста. Вариантов два: либо Джона арестуют как убийцу, либо меня как соучастника. Я двумя руками за первый.

— Что вполне понятно, — донесся спокойный голос с порога. — Позвольте поинтересоваться, на каком основании меня обвиняют в убийстве?

Глава двенадцатая

Услышав голос мужа, Хелен вскочила и бросила на него предостерегающий взгляд. В ответ Джон нахмурился, не торопясь закрыл дверь и вошел в библиотеку.

— Джон, ты очень вовремя! — похвалила Салли.

— Похоже на то, — отозвался Норт, поочередно оглядев Гласса, Ханнасайда и Невилла. — Не объясните, почему вы явились в мой дом в столь неурочный час?

— Джон! — вскрикнула Хелен. — Не спрашивай их, я сама объясню! Суперинтендант, позвольте мне поговорить с мужем наедине. Пять минут, больше не прошу!

— Нет, миссис Норт.

— Это бесчеловечно! Хотите, чтобы я сообщила ему такое при посторонних? Я не смогу!

— Пусть ваша сестра и мистер Флетчер уйдут, если хотят, — отозвался Ханнасайд.

— Вы с констеблем тоже уйдите! Пожалуйста, я не сбегу! Можете дверь и окно охранять...

— Нет, миссис Норт.

— Спокойно, Хелен. — Норт подошел к жене и взял ее за руку. — В чем дело? Говори, не бойся!

Хелен сжала его ладонь и умоляюще заглянула в глаза.

— Я боюсь лишь того, что ты подумаешь. Пожалуйста, молчи! Я только что призналась суперинтенданту... Джон, это я убила Эрни Флетчера!

Воцарилась тишина. Побледневший Норт хмуро смотрел на жену.

— Неправда, — наконец выдавил он.

Ногти Хелен вонзились в его ладонь.

— Правда, Джон! Тебя там не было. Откуда тебе знать! Я взяла со стола тяжелое пресс-папье и ударила Эрни по голове. У меня и причина была...

Норт зажал ей рот свободной рукой:

— Тихо! Хелен, ты с ума сошла. Я приказываю тебе молчать! — Он повернулся к Ханнасайду: — Моя жена не понимает, что говорит. В ее словах нет ни малейшего намека на правду.

— Мистер Норт, одними заверениями вы меня не убедите, — отозвался Ханнасайд.

— Считать Хелен убийцей — безумие! — заявил Норт. — Какие у вас доказательства? Какие основания ее подозревать?

— Мистер Норт, ваша жена — последняя, кто видел Эрнеста Флетчера живым.

— Ерунда! Моя жена ушла из сада Грейстоунс, когда Флетчер был в кабинете с неизвестным.

— Вы заблуждаетесь, — покачал головой Ханна-сайд. — Миссис Норт, по ее собственному признанию, не ушла из сада, пока тот человек был с Эрнестом Флетчером.

— По ее собственному признанию, — повторил Норт, прикрыв глаза. Потом осторожно усадил ее на стул, а сам встал сзади и положил руку ей на плечо. — Ничего не говори; Хелен. Суперинтендант, могу я узнать факты?

— Конечно, мистер Норт, но мне тоже хотелось бы выяснить отдельные факты. Во время нашей первой беседы вы сообщили, что вечер семнадцатого июня провели в лондонской квартире. Я выяснил, что это неправда. Так где вы были в тот вечер между 21:00 и 23:45?

— Суперинтендант, я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

Ханна-сайд кивнул, словно ждал именно такого ответа.

— А вчера вечером, мистер Норт? Где вы были вчера между 21:15 и 22:00?

Норт пристально на него посмотрел:

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Не важно. Отвечать будете?

— Если настаиваете, конечно. Я был в Оксфорде.

— Можете доказать?

— Разве мое местонахождение столь важно? Помоему, мы слегка отвлеклись. Я попросил изложить факты, избобличающие мою жену. Вы же, как ни удивительно, отказываетесь.

Салли тем временем устроилась у большого эркера и жадно ловила каждое слово.

Вдруг послышался шепот Невилла:

— Какая чудная ситуация. Ты ведь используешь ее в романе?

Ханнасайд выдержал паузу, а когда заговорил, его голос звучал совершенно бесстрастно.

— Да, мистер Норт, я изложу вам факты. По заявлению вашей жены, семнадцатого июня в 21:58 Эрнест Флетчер проводил неизвестного посетителя до садовой калитки. Тем временем миссис Норт проникла в его кабинет с целью завладеть своими долговыми расписками, которые находились у Флетчера. Затем, согласно показаниям вашей жены, Флетчер вернулся и застал ее в кабинете. Вспыхнула ссора, и миссис Норт ударила Флетчера пресс-папье, которое, как она говорит, стояло на письменном столе. Ровно в десять вечера она выскользнула в переднюю, оставив отпечатки пальцев на двери кабинета. В пять минут одиннадцатого присутствующий здесь констебль Гласс обнаружил тело Эрнеста Флетчера.

— Вы кое-что упустили! — тотчас вставила Салли. — Забыли, что в 22:02 Гласс видел, как из сада выходит мужчина?

— Не забыл его и не упустил. Но из обоих рассказов вашей сестры, мисс Дру, следует, что тот мужчина не связан с убийством Флетчера.

— Из обоих рассказов? — переспросил Невилл. — Вы со счета сбились. Рассказов уже три.

— Думаю, первый рассказ миссис Норт можно не принимать во внимание. Если истине соответствует второй рассказ и она вышла из кабинета в 22:01, перед самым возвращением Флетчера, тогда у мужчины, которого видел констебль, не было времени на убийство. С другой стороны, если правда то, что она сама убила Флетчера...

— Это правда. — Хелен подняла голову. — Почему вы меня не арестуете?

— Я начисто отрицаю свое якобы участие в этой возмутительной истории! — вмешался Невилл.

— Я никогда не называла тебя своим... сообщником, — пояснила Хелен. — Ты не представлял, зачем я прошу вернуть пресс-папье на место.

— Конечно, нет! И я бы в жизни не догадался, да? — воскликнул Невилл. — Да еще сгоряча выдал сержанту, что я твой помощник? Чувствую, чувствую холод тюремной решетки!.. Салли, выручай! В тот памятный вечер твоя мерзкая сестрица передавала мне пресс-папье?

— При мне нет, — ответила Салли.

— Вряд ли она передала бы его при вас, мисс Дру, — заметил Ханнасайд.

— Господи, неужели вы нам не верите? — воскликнула Салли. — Неужели вы полагаете, что мистер Флетчер замешан в убийстве? Еще немного, и на меня подумаете! Есть такие, кто вне ваших идиотских подозрений?

— Я подозреваю всех, кто имеет хоть малейшее отношение к убийству, — спокойно ответил суперинтендант.

— Правда, истинная правда! — кивнул Невилл. — Каждый из нас подозревает каждого... Какая отточенная фраза!

— Да, именно так! — в праведном гневе воскликнул Гласс, прежде слушавший молча. — Я пытался хранить спокойствие, читая ваши мысли. «Доколе вы будете налегать на человека? Вы будете низринуты, все вы, как наклонившаяся стена, как ограда пошатнувшаяся»*.

— Я и так как ограда пошатнувшаяся, — отозвался Невилл. — А вот вы — как всепоражающий бич. Это Исая, глава 28, стих 15. Почему здесь нет сержанта?

* Псалтирь 62:3.

— Боже мой! — вскричала Хелен. — Суперинтендант, я же объяснила, как все случилось. Разве вы не можете положить этому конец?

— Могу, — ответил Ханнасайд.

— Минуточку, суперинтендант! — вмешался Норт. — Прежде чем вы сделаете шаг, о котором потом пожалеете, не лучше ли разобраться в обстоятельствах, явно выпавших из ваших рассуждений?

— О чем вы, мистер Норт?

— О своих передвижениях в тот роковой вечер.

Хелен повернулась к нему:

— Нет, Джон! Не надо! Не надо! Умоляю, не говори! Джон, не надо так со мной! Ты же не хочешь разбить мне сердце! — У Хелен сорвался голос, по щекам покатились слезы. Она схватила мужа за руки и судорожно их сжала.

— Что вы натворили?! — воскликнул Невилл. — Пожалуй, это утро войдет в мою биографию как одно из самых ярких и запоминающихся.

— Хелен! — с трепетом проговорил Джон. — Хелен, милая моя!

— Мистер Норт, так чем вы занимались вечером семнадцатого июня?

— Какая разница? Флетчера убил я. Вам ведь нужно лишь это?

— Не-ет! — простонала Хелен. — Поймите, он меня защищает. Не слушайте его!

— Мистер Норт, мне нужно отнюдь не только это, — возразил Ханнасайд. — В котором часу вы приехали в Грейстоунс?

— Не могу сказать. Я на часы не смотрел.

— Тогда объясните, что вы там делали.

— По садовой дорожке добрался до стеклянной двери, вошел в кабинет и сообщил Флетчеру, с какой целью явился.

— Ну и с какой, мистер Норт?

— Об этом мне лучше умолчать. Потом я убил Флетчера.

— Чем?

— Кочергой, — ответил Норт.

— В самом деле? Однако на кочерге не обнаружили ни отпечатков пальцев, ни кровавых пятен.

— Разумеется, я ее вытер.

— А потом?

— Потом я покинул Грейстоунс.

— Как?

— Так же, как пришел.

— Видели кого-нибудь в саду или за калиткой?

— Нет.

— Зачем вы вчера ездили в Оксфорд?

— На деловую встречу.

— На деловую встречу, о которой вашему секретарю ничего не известно?

— Конечно. Дела у меня строго конфиденциальные.

— Кому известно о вашей поездке в Оксфорд?

— Обоим моим партнерам.

— Чем можете доказать, что вчера вечером действительно были в Оксфорде?

— Черт побери, каким образом моя поездка в Оксфорд связана с убийством Флетчера? — осведомился Норт. — Впрочем, доказательства у меня есть. К вашему сведению, я поужинал в колледже и провел вечер со своим бывшим научным руководителем.

— Когда вы от него ушли?

— Незадолго до полуночи. Желаете услышать что-нибудь еще?

— Пока все, спасибо. В скором времени попрошу у вас имя и адрес вашего руководителя.

Хелен вскочила:

— Вы ведь ему не верите? Он говорит неправду! Клянусь вам, неправду!

— Миссис Норт, я верю лишь в то, что вчерашний вечер ваш супруг провел в Оксфорде. Но вам лучше ни в чем больше не клясться. Вы и так очень постарались воспрепятствовать правосудию, а это, между прочим, весьма серьезное правонарушение. Что касается вас, мистер Норт, боюсь, ваше признание в убийстве Флетчера расходится с фактами. Вместе с вашим признанием я должен поверить второму рассказу вашей жены — его я услышал в участке в день, когда допрашивал вас обоих. Ваша супруга действительно покинула Грейстоунс через парадную дверь вскоре после десяти: ее видели. Выходит, вы убили Флетчера, очистили кочергу так тщательно, что нам даже микроскоп не помог, добрались до калитки — и все за одну минуту. Я уважаю причину, которая заставила вас сочинить эту сказку, но убедительно прошу больше мне не мешать.

— Получается, Джон не убивал дядю Эрни? — воскликнул Невилл. — Не хотите же вы сказать, что мы возвращаемся к самому началу? Попахивает безвкусицей, да и надоело порядком. Интерес мой стремительно тает — пора бы наступить волнующей развязке.

— Что-то тут не сходится, но что именно, ума не приложу. — Салли недовольно взглянула на Ханнасайда. — Почему вы уверены, что мой зять невиновен?

— Потому что вчера вечером его не было в Лондоне, мисс Дру.

— Джон не убийца? — спросила Хелен, словно не понимала ровным счетом ничего, и дрожащей рукой схватилась за спинку стула. — Вы провоцируете меня на какую-то... глупую фразу?

— Нет, — ответил Ханнасайд. — Стоит мистеру Норту сказать, где он на самом деле провел вечер семнадцатого июня, и я окончательно поверю, что ни он, ни вы Эрнеста Флетчера не убивали. Вы-то определенно не могли его убить.

Хелен тихо охнула и лишилась чувств.

— Черт вас побери, суперинтендант! — воскликнула Салли, бросилась к сестре, но Джон Норт довольно бесцеремонно оттолкнул ее и взял Хелен на руки.

— Открой дверь! — велел он Салли и, обернувшись, бросил Ханнасайду: — Вечер семнадцатого июня я провел у друга. Можете проверить: его зовут Питер Маллард, адрес Кромби-стрит, 17. Спасибо тебе, Салли, я сам справлюсь.

В следующий миг он вышел, а Салли осталось лишь закрыть за ним дверь.

Невилл закрыл глаза рукой.

— Вот так драма! Мыслимо ли дело: он считал убийцей ее, а она — его. Древним грекам с их трагедиями такое и не снилось!

— «Скорбь и горесть постигли меня»*, — неожиданно объявил Гласс. — «Каждый обманывает своего друга, и правды не говорят: приучили язык свой говорить ложь!»**

— Вообще-то я очень ценю Малахию, но он любой разговор загубить способен! — посетовал Невилл.

— Гласс, подождите в коридоре, — приказал Ханнасайд.

— «Непокорность есть такой же грех, что волшебство, и противление то же, что идолопоклонство»***, — отозвался констебль. — Поэтому я удалюсь, как мне приказано.

Ответить Ханнасайд не удосужился — он в напряженном молчании наблюдал, как Гласс покидает библиотеку.

— Зря вы сержанта не привели, — покачал головой Невилл. — Не умеете подыгрывать Малахии.

* Псалтирь 119:143.

** «Книга пророка Иеремии» 9:5.

*** «Первая книга Царств» 15:23.

— И не намерен, — ответил Ханнасайд. — Мисс Дру, когда вашей сестре станет лучше, я хотел бы сказать ей пару слов.

— Хорошо. — Салли закурила очередную сигарету.

— Не поинтересуетесь, когда она сможет меня принять? — Суперинтендант так и буравил ее взглядом.

— Салли, не бросай меня, пожалуйста, не бросай! — взмолился Невилл. — Кто будет держать меня за руку в час, когда на меня легла тень подозрения? Господи, ну почему убийца не Джон?!

— Я никуда не уйду, — заверила Салли. — Во-первых, не хочу показаться бестактной, во-вторых, сейчас начинается самое интересное. Не обращайтесь на меня внимания, суперинтендант, продолжайте!

— Знаю, о чем он спросит! — вздохнул Невилл. — Где я был вчера вечером.

— Верно, мистер Флетчер.

— Но это же нелепей нелепого! — искренне возмутился молодой человек. — Разумеется, ваши вопросы чрезвычайно важны. Только мне было бы куда проще, если бы вы раскрыли тайну вчерашнего вечера.

— Зачем? — парировал Ханнасайд. — Я хочу лишь выяснить, где вы его провели. Либо вы понимаете мой интерес, либо нет. Во втором случае вам скрывать нечего.

— Звучит очень подозрительно, — заметил Невилл. — Чувствую, как меня заманивают в ловушку. Малахия, как всегда, прав. Сколько раз он предупреждал: не лги.

— А вы, стало быть, лгали?

— О да, я солгал тетушке, — отозвался Невилл. — Поэтому так неловко и получается. Вчера вечером я солгал ей, что собираюсь в Честнатс к мисс Дру. А теперь понимаю, в каком отвратительном свете предстанет моя история.

— На самом деле вас здесь не было?

— Нет, — сокрушенно ответил Невилл.

— Где же вы были?

— Лучше ведь сказать правду, да? — спросил Невилл Салли. — С полицейскими держи ухо востро: они знают больше, чем говорят. Хотя если я скажу правду сейчас, потом так легко не солжешь.

— Мистер Флетчер, вас такие афоризмы явно забавляют, а вот меня не забавляют совершенно! — заявил Ханнасайд.

— По-моему, вы считаете, что у меня извращенное чувство юмора! Отнюдь. Во мне ни следа извращенности — я забавляюсь исключительно чужими проблемами, а сейчас как в силках бьюсь.

— Мистер Флетчер, я по-прежнему жду ответа на свой вопрос.

— Будь моя воля, вы бы ждали его вечно, — честно признался Невилл. — Господи, ну почему я не ездил в Оксфорд к своему научному руководителю? Вот старик бы обрадовался! Не поверите, но преподаватели возлагали на меня большие надежды. Только представьте: особые стипендии и так далее. Меня даже умным называли!

— Неудивительно, — сухо заметил Ханнасайд.

— Да, но разве это не свидетельствует о никчемности классического образования? Ну есть у меня диплом с отличием, и что дальше? Практической пользы — ноль... Покончим наконец с глупой неопределенностью! Вчерашний вечер я провел в Лондоне.

— Вот она, интрига! — В глазах Салли вспыхнул огонек. — Он солгал тете и отправился в большой страшный город!.. Выкладывай, Невилл! Какие значные места ты посетил?

— Никакие, о чем страшно жалею. Я искал здравомыслящего собеседника.

— Что же ты, мерзавец, сюда не явился?

— Нет, милая! Ни в коем случае! Какое здравомыслие с Хелен за спиной?!

— И где же вы отыскивали разумного собеседника? — вмешался Ханнасайд.

— Нигде. Я пошел к некоему Филипу Эгнью, который живет в Куинс-Гейт и служит в Музее Южного Кенгсингтона — работа высоконаучная и совершенно никчемная. Увы, его на месте не оказалось.

— В самом деле? И как вы поступили дальше?

— Один как перст я бродил по городу и размышлял, чью еще компанию смогу вынести. В голову никто не пришел, поэтому я вернулся домой и лег спать.

— Благодарю! В котором часу вы уехали из Грейстоунс?

— Не помню. После ужина, где-то между половиной девятого и девятью.

— Во что вы были одеты?

— Господи, вы же могли спросить об этом и у моей тетушки, и у Симмонса! Я был в смокинге, суперинтендант, причем в хорошем. Даже моей тете понравилось!

— Как насчет пальто?

— В середине июня? Разумеется, нет!

— А шляпа?

— Шляпу надевал.

— Какую?

— Черную фетровую.

— Неужели ту самую? — воскликнула Салли.

— Та шляпа очень хорошая. Тем более другой у меня нет.

— Простите, что вмешиваюсь, суперинтендант, — начала Салли, — чувствую, вы намерены обвинить мистера Флетчера в убийстве его дяди. Но как насчет мужчины, который, по словам Малахии, в 22:02 выходил из Грейстоунс?

— По моей версии, мисс Дру, тот мужчина мертв, — спокойно ответил Ханнасайд.

— Это я... его убил? — встревоженно спросил Невилл, хлопая ресницами.

— Его убил неизвестный. — Ханнасайд так и сверлил молодого человека взглядом.

— Как звали убитого? — осведомилась Салли.

— Чарльз Карпентер. В тот трагический вечер он был в Грейстоунс, а вчера между 21:30 и 22:00 убили его самого.

— Откуда вам известно, что он был в Грейстоунс?

— Мисс Дру, мы нашли отпечатки его пальцев.

— Ясно, и полиции они хорошо знакомы, да?

— Какая пронизательность! — восхитился Невилл. — Я бы в жизни не додумался!

— Да, Чарльз Карпентер знаком полиции, — кивнул Ханнасайд. — Но прежде чем мы успели его допросить, Карпентера убили, точно так же, как Эрнеста Флетчера.

— Давайте считать, что это он убил моего дядю! — взмолился Невилл.

— Нет, мистер Флетчер, не получится.

— Его убили, потому что он слишком много знал. — Салли поднялась и стала расхаживать по библиотеке. — Да, понятно. Только убийца не Невилл. Орудие преступления нашли?

— Нет, — покачал головой Ханнасайд. — В обоих случаях убийца прятал свое орудие, скажем так, с необычайной изобретательностью.

— Ага! — Салли презрительно улыбнулась. — И по-вашему, это указывает на мистера Флетчера? Суперинтендант, между изобретательностью и умением мыслить практически большая разница. У Невилла с этим умением просто беда.

— Ну вот, теперь я твой должник, — пробормотал Невилл. — Кстати, чем я убивал? Жаль разрушать единственную вашу версию, но искренне сомневаюсь, что способен на столь гнусное насилие, не говоря уже о том, чтобы совершить его дважды.

— Секунду! — вмешалась Салли. — Показания моей сестры сейчас особенно важны. Пойду спрошу, сможет ли она принять вас, суперинтендант.

— Буду вам премного благодарен, — отозвался Ханнасайд.

— Хотя радушного приема не жду.. — добавила Салли, направляясь к двери.

— Скажи ей, что на кону человеческая жизнь, — посоветовал Невилл и слез с подоконника. — Это тронет ее больную душу.

Салли поднялась в спальню сестры. Хелен она застала в полном сознании — теперь та навзрыд рыдала на плече у мужа, время от времени повторяя: «Ты не убийца! Ты не убийца!»

— Конечно, нет, милая! Зря ты мне сразу не доверилась!

Салли вошла в комнату и закрыла дверь.

— Трепетная нимфа бьется в истерике? — поинтересовалась она. — Хватит, милочка, довольно! Тебя ждут внизу. — В соседней ванной комнате Салли разыскала аптечку, вытащила флакон нюхательных солей, щедро насыпала в стакан с водой и, вернувшись в спальню, вручила Нурту. — Вот, заставь ее выпить!

— Ну-ка, Хелен, выпей! — скомандовал Норт.

Хелен сделала глоток и поперхнулась.

— Фи, мерзость! Да успокоилась я, успокоилась! Джон, скажи, что мне не пригрезилось! Тем страшным вечером я видела не тебя?

— Конечно, не меня! Неужели этим ты так долго мучилась?

— Как же я боялась! Когда суперинтендант, безжалостный человек, сообщил, что тем вечером тебя в квартире не было, я убедилась окончательно. Я надеялась, что, пока беседую с полицией, ты сбежишь. Поэтому и послала Бейкера предупредить тебя.

— По этой же причине ты призналась суперинтенданту в убийстве? — спросил Норт.

— Разумеется! Ничего лучше я не придумала. От горя мне было все равно, что со мной станет.

Норт взял ее за руки:

— Хелен, ты так меня любишь?

— Ах, Джон, я всегда любила! Ты мне не верил, я вела себя по-свински, но я не желала, чтобы мы стали чужими!

— Это я виноват, не захотел тебя понять. Напугал так, что в трудную минуту ты ко мне не обратилась. Честное слово, я не думал, что потеряю твое доверие. Я бы вытащил тебя из беды, чего бы мне это ни стоило!

— Нет, беда пришла из-за моей глупости. Джон, прости меня.

— Не обращайтесь на меня внимания! — попросила мисс Дру, протирая монокль.

Норт повернулся к ней:

— Салли, выйди!

— Да я бы с удовольствием. Смотреть на обливающихся слезами идиотов совершенно неинтересно, — без обиняков заявила мисс Дру. — Но меня прислали с заданием. Хелен, суперинтендант желает с тобой поговорить. Ты как, сумеешь привести себя в порядок?

— Не хочу его больше видеть! — вздохнула Хелен, судорожно сжимая ладони мужа.

— Понимаю и разделяю, но ты — важная свидетельница. Раз Джона убийцей ты больше не считаешь, суперинтенданту нужно снова тебя опросить. Ну, сделай еще глоток! Джон, объясни, зачем ты так спешно вернулся из Берлина?

— Уже не важно, — отмахнулся Норт.

Салли так и впилась в него взглядом:

— Умеешь ты напугать и заинтриговать! Неужели анонимное письмо о забавах Хелен получил?

— Получил, но не анонимное.

Хелен жадно глотнула из стакана.

— От кого? — спросила она, зардевшись.

— Не важно. Все вышло не так, как думает твоя вульгарная сестрица! Образно выражаясь, я получил хороший пинок, поэтому и вернулся.

— Чем очень нам помог, — съязвила Салли. — Навел такую тоску, что даже я подумала: не зря Хелен скрывала от тебя правду.

— Мне было... непросто. Хелен так явно расстроилась из-за моего приезда, так явно испугалась, что я узнаю о ее делах с Флетчером...

— Это было намеком, который ты пропустил, — перебила Салли. — Сразу избрал бы правильную тактику — Хелен рассказала бы тебе все без утайки.

— Да, но я не был уверен, что хочу это слышать.

— В страуса играешь? Ты? Вот уж не подумала бы! — воскликнула Салли.

Хелен прижала ладонь мужа к своей щеке.

— Как вспомню, что ты, спасая меня, готов был идти в тюрьму... Ах, Джон!

Салли забрала у сестры опустевший стакан.

— Нельзя ли повременить с воркованием? Хелен, ты должна рассказать суперинтенданту, что именно случилось тем трагическим вечером. Сейчас убийство вешают на Невилла, что мне совершенно не нравится. Не знаю, помогут ли ему твои показания, но попробовать нужно. Ну, припудри носик и спускайся в библиотеку.

Явно без сил, Хелен подошла к туалетному столику.

— Ну что ж, раз нужно... Не понимаю только, почему ты беспокоишься. С каких пор тебя интересует Невилл?

— Пошлые предрассудки никогда мной не управляли! — заявила мисс Дру не совсем к месту, но с достоинством. — Кроме того, я в отличие от тебя не считаю, что раз Джон не убийца, дальше хоть трава не расти. Ты готова?

Хелен причесалась, поправила локоны и, строго взглянув на себя в зеркало, кивнула.

Ханнасайд ждал в библиотеке.

— Извините нас, суперинтендант, — грустно улыбнулся Норт. — Полагаю, за наши поступки можно привлечь к уголовной ответственности.

— Да, вы старательно мешали правосудию. — Ханнасайд кивнул, но его глаза лукаво блеснули. — Пожалуйста, миссис Норт, расскажите, что на самом деле случилось семнадцатого июня, когда вы были в Грейстоунс?

— Я уже рассказывала, — парировала Хелен, встречая его взгляд. — Моя история правдива от начала и до конца.

— Который из ее вариантов? — уточнил Невилл.

— Тот, который суперинтендант слышал от меня в участке. Я действительно пряталась за кустом смородины и действительно вернулась в кабинет, чтобы разыскать долговые расписки.

— А как насчет незнакомца в кабинете? Флетчер в самом деле выпроводил его из Грейстоунс в 22:00?

— Именно так.

— Потом вы слышали, что Флетчер возвращается, и выскользнули из кабинета?

— Да, — кивнула Хелен. — Эрни насвистывал, шел не торопясь, как на прогулке.

— Ясно, спасибо большое.

— Вам не по нраву показания моей сестры? — осведомилась проницательная Салли, заметив, что суперинтендант нахмурился.

— Ну, это сильно сказано, — уклончиво ответил Ханнасайд.

— Минутку! — вмешался Невилл, который делал записи на обороте конверта. — В 22:01 дядя Эрни был жив-живехонек, в 22:02 мужчина убегал из Грейстоунс по Мейпл-гроув, в 22:05 дядю нашли мертвым. Кто та-

инственный номер два? Он убийца? Он — это я? Я совершил убийство? Странно и совершенно бессмысленно. Я не позволю себя арестовать!

— Кто говорит об аресте? — искренне удивилась Салли. — Тебя никто не подозревает. Если ты убил дядю, то чем?

Невилл ткнул пальцем в Ханнасайда:

— Ответ написан на лице суперинтенданта, дорогуша. Пресс-папье! Пресс-папье, которое я сам подложил.

Ханнасайд промолчал.

— Ясно, — проговорила Салли. — Но если Эрни убил ты, какую дерзость нужно иметь, чтобы подарить полиции свое орудие преступления!

— Да уж, — закивал Невилл. — Я бы от страха заикаться начал. Еще я смысла не вижу. Зачем мне убивать дядю?

— Убийцы чересчур самоуверенны, — напомнила Салли. — Завышенная самооценка — общеизвестная черта характера преступников, верно, суперинтендант?

— Вы, мисс Дру, изучали криминалистику на совесть, — уклончиво ответил Ханнасайд.

— Как же иначе! По-моему, Невилл чрезмерной самоуверенностью не страдает. Вы, конечно, возразите, что он дьявольски хитер. А я снова возражаю. Возможных орудий убийства в Грейстоунс хоть отбавляй. С чего бы вы именно на пресс-папье подумали? Зачем привлекать к нему внимание?

— Извращенное чувство юмора, — предложил Невилл. — Извращенность преступного ума. Скоро я сам поверю в свою виновность. Представить только: я убил Эрни ради его миллионов! Нет, не верится: такая занимательная головоломка и такое отвратительное объяснение.

— Однако доподлинно известно, что на момент гибели Эрнеста Флетчера ваше финансовое положение было крайне нестабильным, — заметил Ханнасайд.

Тут неожиданно вмешался Норт, доселе молча стоявший за стулом жены.

— По-моему, при свидетелях такие темы не поднимают, — как всегда, спокойно проговорил он.

— Очень мило со стороны Джона! — воскликнул Невилл. — А я думал, он меня недолюбливает.

— Да, мистер Норт. — В голосе Ханнасайда зазвенело раздражение. — В самом начале разговора я предложил мистеру Флетчеру беседу тет-а-тет. Он настоял на присутствии мисс Дру, следовательно, мне о деликатности можно не беспокоиться. Однако если мистер Флетчер желает, я по-прежнему готов к разговору наедине.

— А я не желаю, не желаю! — запротестовал молодой человек. — Наедине с вами я от страха рассудка лишусь. К тому же мисс Дру сейчас мой адвокат. Без ее чуткого руководства я рот не решился бы раскрыть!

— Тогда скажите, действительно ли на момент гибели вашего дяди вы находились в щекотливом финансовом положении? Прав ли я, сделав такой вывод?

Невилл смутился.

— Вообще-то нет. Я не считаю свое финансовое положение щекотливым.

— Правда? Вы готовы заявить, что у вас был положительный остаток на счете?

— Вряд ли, — покачал головой Невилл. — В конце квартала со мной такого не бывает.

— Сильно кредит превысили?

— Не знаю. Что — сильно?

— Как же так, мистер Флетчер? Разве четырнадцатого числа вам не прислали извещение о перерасходе?

— Значит, в том письме впрямь было извещение. Как всегда, — отозвался Невилл. — Ну, или почти всегда. Однажды из банка прислали письмо о каких-то моих ценных бумагах. Потом возникли серьезные проблемы: из банка шлют письма в фирменных конвертах, а

я такие оправляю прямиком в мусорную корзину. Разумно, не правда ли?

— Я должен верить, что вы не вскрыли письмо из банка?

— Так будет проще для вас, — вкрадчиво ответил Невилл.

— И вы не просили дядю покрыть вашу задолженность? — поинтересовался слегка оторопевший Ханна-сайд.

— Конечно, нет!

— Думали, дядя откажет?

— Он бы не отказал, — покачал головой Невилл.

— Разве ваш дядя не предупредил, что не желает возвращать ваши долги?

— По-моему, нет, — ответил Невилл после небольшой паузы. — Помню, как дядя злился из-за истории с русской женщиной, случившейся со мной в Будапеште. Я не просил его вмешиваться. Но когда речь шла о чести семьи, которую я мог запятнать, угодив в тюрьму, дядя становился настоящим ретроградом. Он выкупил меня без моего согласия. Мне всегда казалось, что куда проще объявить себя банкротом, но Эрни считал совершенно иначе. Впрочем, о мертвых плохо не говорят.

— Неоплаченные счета вас не тревожат?

— Нет. Сбегаешь из страны, и все, — проговорил Невилл с обычной сонной улыбочкой.

— Очень ново и оригинально, — отметил Ханна-сайд, пристально на него глядя.

— Неужели? Вот не подумал бы! — невинно отозвался молодой человек.

— Вряд ли Невилл убийца, — вмешалась Хелен, которая все это время сидела, бессильно откинувшись на спинку стула. — Это совсем не в его духе, к тому же как он успел? Когда я уходила из дома, его поблизости не было.

— Я подглядывал за тобой из-за перил, милочка, — пояснил Невилл. — Хелен была в кабинете в 22:00, а мой дорогой друг Малахия — в 22:05. Получается, мне очень повезло. Что скажете, суперинтендант?

— Скажу, что вам, мистер Флетчер, нужно как следует обдумать свое положение.

Глава тринадцатая

— По-вашему, что он имел в виду? — спросил Невилл, когда Бейкер проводил суперинтенданта Ханнасайда.

— Хотел тебя из колеи выбить, — отозвалась Салли.

— Что же, он преуспел, — вздохнул Невилл. — Хорошо, что я позавтракал до его прихода. Сейчас аппетит вконец пропал.

— Кстати, о завтраке... — начал Норт.

— Какая бестактность! — фальшиво возмутился Невилл. — Хелен, милая, ты правда видела, как Эрни выпроваживает того странного посетителя? Воображение-то у тебя богатейшее!

— Конечно, правда! Зачем мне выдумывать?

— Ну, если на то пошло, зачем было все это время обманывать Джона? — парировал Невилл. — Неразумная глупость — тавтология, конечно, ну да ладно! — очень свойственна женщинам.

Хелен улыбнулась, но ответила запальчиво:

— Никакая не глупость! Неразумно, конечно, но у меня была причина.

— Хорошо бы знать какая, — заметил Невилл. — Хотя нет, лучше не говори, не травмируй мою нежную душу! Джону оставалось лишь думать, что у вас с Эрни адюльтер, как изволят выражаться юристы. Мы с Салли хотели написать ему анонимку и объяснить, что к чему.

— Вот и зря не написали, — отозвался Норт. — Это было полезнее, чем требовать расписки у дяди. Не сомневаюсь, вы хотели, как лучше, но...

— Вы плохо меня знаете! — перебил Невилл. — Сам я как лучше не хотел. Меня силой заставили, и посмотрите, что вышло! Считаюсь добрым самаритянином, что само по себе чревато ужасными последствиями, хотя и наименьшее из грозящих мне зол.

— Очень жаль! — вздохнула Хелен. — Расписки мы не вернули и наломали дров, но обратилась я к тебе не напрасно. Если бы не ты, мы с Джоном могли не помириться.

Невилл закрыл глаза, и его лицо исказила выразительная гримаса.

— Какая мысль! Какие слова! Не зря я живу на свете! Мне как, умереть от счастья?

— Слушай, — вмешалась Салли, — тебе нужно не о содеянном жалеть, а думать, что делать дальше. Ты один из основных подозреваемых. С другой стороны, у полиции недостаточно улик, чтобы запросить ордер на твой арест. Вопрос в том, сумеет ли Ханнасайд собрать недостающие улики.

Невилл открыл глаза и посмотрел на Салли с неприговорным ужасом.

— Боже, эта молодая особа считает меня убийцей!

— Неправда! Я еще не определилась окончательно, — без обвиняков заявила Салли. — Если Эрни убил ты, то наверняка по веской причине. Я на твоей стороне.

— Неужели? — с благоговением спросил Невилл. — А как насчет второй моей жертвы?

— Я считаю, что вторая жертва — называть ее твоей рановато — слишком много знала о первом убийстве. Ее пришлось устранить. Жаль, конечно, но, боюсь, это неизбежное следствие первого убийства.

Невилл набрал в грудь побольше воздуха.

— Вот тебе и слабый пол! Как вспомню чушь, которую веками писали о женщинах, дурно становится. Неумолимая, дикая жестокость! Губительная для общества невосприимчивость к абстрактным понятиям добра и зла. Тошнотворно пугающая поглощенность страстями человеческими.

— Пожалуй, все так и есть, — невозмутимо ответила Салли. — В критический момент мы пренебрегаем условностями. Абстрактные понятия для нас пустой звук. Мы практичней вас и, да, согласна, безжалостней. Не думай, убийства я не одобряю. Если бы прочла об этих двух в газетах, ужаснулась бы. Но когда знаешь предполагаемого убийцу, совсем другое дело. Разве не подло было бы с моей стороны отвернуться от тебя, потому что ты убил человека, которого я ненавидела, и человека, которого я совсем не знала?

— Салли, боюсь, ты доказываешь правоту Невилла, — улыбнулся Джон. — Ваша дружба не должна влиять на твоё здравомыслие.

— Ерунда полнейшая! — заявила Салли. — С таким же успехом ты мог рассчитывать, что Хелен возненавидит тебя, посчитав убийцей.

— Да уж, мог, — согласился Норт. С каждым словом разговор все больше его забавлял.

— Впрочем, мы отвлеклись, — сказала Салли. — Невилл, я хочу понять, может ли полиция разыскать компрометирующие тебя улики.

— Таких улик нет! Ну сколько повторять: я с убийством не связан!

— Тогда кто связан? — осведомилась Салли. — Кто его совершил?

— А, таинственный дядин посетитель, — легкомысленно предположил Невилл.

— Какой же у него мотив?

— Такой же, как у Джона, — страсть.

— Неужели дело снова в долговых расписках?

— Нет! В ревности. В мести.

— А это мысль! — Салли насупилась. — Знаешь таких, с кем твой дядя дурно обошелся?

— Конечно, не знаю, милая дурашка, иначе давно бы все выложил. В жизни Эрни было немало хороших женщин.

— По-твоему, неизвестный мужчина мог убить его из-за женщины? Звучит правдоподобно, только когда он успел?

— Понятия не имею, меня там не было. Сама подумай.

— Главное, додумается ли суперинтендант, — отозвалась Салли.

— А для меня главное даже то, придумает ли он, как я мог совершить два убийства, — пробормотал Невилл.

Эти два вопроса и занимали Ханнасайда в тот самый момент. Он кратко, но выразительно объяснил констеблю Глассу перспективы тех, кто осуждает старших по званию, и отправился с ним обратно в участок.

— «Господь сказал Моисею: скажи сынам Израилевым: вы народ жестоковыйный; если я пойду среди вас, то в одну минуту истреблю вас»*, — сурово объявил констебль.

— Вполне вероятно, только вы не Моисей, а те люди не сыны Израилевы.

— Гордым да надменным должно склонить шею свою, ибо пред Богом они грешны.

— Опять-таки вполне вероятно, однако вас совершенно не касается, — парировал Ханнасайд. — Побольше думайте о расследовании, поменьше о чужих недостатках, и я буду вам весьма признателен.

— О расследовании я думаю беспрестанно, — вздохнул Гласс. — «Все — суета и томление духа»**.

* «Книга Исход» 33:5.

** «Книга Екклесиаста» 1:14.

— Вот с этим соглашусь, — едко ответил Ханна-сайд. — Супруги Норты исключаются, значит, главный подозреваемый теперь — Невилл Флетчер. Только... Почему-то мне это не нравится.

— Он невиновен, — уверенно проговорил Гласс.

— Неужели? Как вы пришли к такому выводу?

— Он не избрал дорогу света, черны уста его, «разврат его возмущает город»*, однако насилие этому человеку чуждо.

— Мне тоже так показалось, но я столько раз ошибался в людях, что интуиции своей не верю. Флетчера и Карпентера убил один человек. Возможно, это молодой Флетчер, но я отдам год пенсии, чтобы узнать, куда он дел орудие преступления!

— Откуда убеждение, что орудие то же самое? — спросил, как всегда, дотошный Гласс.

— Из отчетов патологоанатома по обоим убийствам.

— А что человек, которого я видел? Это не Невилл Флетчер.

— Карпентер, судя по всему.

Гласс нахмурился:

— Тогда кого видела миссис Норт?

— Тоже Карпентера. Если нет, я не знаю.

— Значит, Карпентера выпроводили из Грейстоунс, но он возвратился. С какой целью?

— Боюсь, на этот вопрос мог ответить только Чарли.

— В нашем деле все меньше ясности. Зачем Карпентеру возвращаться, если он не замыслил зло против Флетчера? Но сам он погиб, значит, было не так. Думаю, у Флетчера было много врагов.

— Эту теорию не подтверждает ни один известный нам факт. Вероятным убийцей казался Норт; кроме него и Бадда, в деле нет никого, кто похож на вчераш-

* «Книга Притчей Соломоновых» 29:8.

него джентльмена в смокинге. Прошлого Флетчера мы тоже на совесть проверили. Мерзкий тип, сержант так с самого начала говорил.

В глазах констебля загорелся огонек.

— «Нечестивые, они как прах, возметаемый ветром»*, — выдал он.

— Довольно! — холодно осадил его Ханнасайд, показывая, что разговор окончен.

Узнав, что Норт невиновен, сержант Хемингуэй с грустью вспомнил об отставке.

— Стопроцентный подозреваемый, и надо же, чист как слеза! Небось и алиби его фальшивкой быть не может?

— Не может, старина. Никакой липы, я проверял. Остается Невилл, у него на вчерашний вечер алиби нет. Кстати, он сам признает, что был в Лондоне.

— Ну, если бы он так ловко не подначивал Ихавода, я бы что угодно на него повесил, — признался рассудительный сержант.

— Увы, есть одно «но», даже два. Невилл чисто-сердечно признался, что вчера был в смокинге, однако упомянул и черную фетровую шляпу. А наш фигурант был в цилиндре.

— Ерунда! — покачал головой сержант. — Флетчер-младший все выдумал!

— Вряд ли. К этому молодому человеку не подкопаешься. Он заявил, что та шляпа у него единственная. Опровергнуть это было бы элементарно, поэтому я даже не пытался. А еще Невилл либо великолепный актер, либо и впрямь не понял, на что я намекал, спрашивая, чем он занимался вчера вечером.

* Псалтирь 1:4.

— Все равно, если Норт чист, молодой Невилл — единственный, кто мог совершить убийство в то время.

— В какое еще время?

— Как в какое? После ухода миссис Норт и до появления Ихавода, разумеется, — с едва ощутимым раздражением ответил Хемингуэй.

— Окно еще уже, — уточнил Ханнасайд. — Убийство должны были совершить после 22:01 и до 22:02.

— Если так, убийства вообще не было, — с безысходностью подытожил Хемингуэй. — Фантастика какая-то!

— Тем не менее убийство было, и даже целых два. Хемингуэй потер подбородок.

— Сдается мне, Карпентер убийства не видел. Просто не успел, если ушел в 22:02, это же ясно.

— Тогда зачем его убили?

— Пока не знаю, — произнес Хемингуэй. — Думаю, Чарли увидел нечто подсказавшее, кто убийца. Были у Энжелы Энжел другие поклонники? — Сержант сделал паузу, и его умные глаза стали поразительно похожи на птичьи. — Допустим, его выпроводили в 21:58. Еще допустим, по дороге из Грейстоунс он заметил, как знакомый парень выскальзывает за калитку Флетчеров. Вдруг у Чарли возникли подозрения? По-моему, он прибавил к двум два, а когда прочел, что Эрни проломил череп, получил четыре.

— Звучит разумно — за исключением одной детали. Вы предполагаете, что в 22:02 Гласс видел не Карпентера, а убийцу, а мы уже решили, что когда бы тот тип ни проник в сад, убить Флетчера раньше 22:01 он не мог. Так что по-вашему не получается.

— Не получается, — расстроился сержант, но буквально через минуту снова воспрянул духом и проговорил: — А если Карпентер вернулся посмотреть, чем занят тот другой парень? Увидел проломленный череп и во весь опор припустил к калитке.

— А другой мужчина?

— Как я и говорил, он услышал легчайшую поступь Ихавода, спрятался в саду и дал деру, едва Ихавод попал в кабинет. Чем больше об этом думаю, тем больше мне нравится такая версия.

— Звучит правдоподобно, — признал Ханнасайд. — Какой мотив у второго мужчины? Энжела?

— Если они знакомы с Чарли, то, вероятно, да, Энжела.

— А ее подруга, которую вы допрашивали — как ее, Лили? — других поклонников Энжелы не упоминала? Ну, кроме Флетчера и Карпендера?

— Никого конкретно. Хотя говорила, что вокруг бедняжки кавалеры стаями вились.

— По-моему, маловероятно, что отвергнутый поклонник решил убить Флетчера.

— В этом деле маловероятно все, кроме одного: мы его никогда не раскроем! — с досадой проговорил сержант.

— Не отчаивайтесь, старина! — улыбнулся Ханнасайд. — Мы еще не опустили руки. Что вам сегодня удалось выяснить?

— Ничего особо ценного, — ответил сержант. — Связались с родственником Карпендера, да от него толку чуть. Погодите, все, чем богат, у меня здесь. — Хемингуэй раскрыл папку. — Альфред Карпендер. Клерк. Возраст 34 года. Брат убитого. Не видел Чарльза с 1935 года.

— Об Энжеле этот брат слышал?

— Лишь мельком. По его словам, на Чарли родные особых надежд не возлагали. Он, мол, еще в школе чужое таскал. Работать начал у торговца тканями, но растратил небольшую сумму, и его уволили. До суда не дошло: старик Карпендер, ныне покойный, растрату возместил. Потом наш герой примазался к концертной труппе: у него и голосишко имелся, и внешность

смазливая. Чарли покрутился там немного и пролез в настоящую эстраду — в мужской хор. К тому времени родственники устали от его фокусов и выпихнули из дома. Чарли взял и женился на актрисе по имени Пегги Робинсон. Родственники отдышаться не успели, а Чарли уже бросил жену, и та скандалила у них на пороге. Альфреду она не понравилась — не женщина, а бешеная тигрица. Дескать, Чарли молодец, что сбегал от нее — это единственное, в чем Альфред его не упрекнет. Карпентеры отделались от Пегги, но ненадолго. Какое там... Пегги поехала на гастроли, по словам Альфреда, закрутила роман с другим парнем, но, вернувшись, закатила Карпентерам очередной скандал. Она прознала, что Чарли снова в Лондоне и живет с девицей, которую подцепил в центральных графствах. Похоже, Чарли сам на гастроли ездил. Правда это или нет, не знаем ни я, ни Альфред, но ясно одно: та девица не кто иная, как Энжела Энжел.

— Где сейчас его жена? — спросил Ханнасайд.

— Маргаритки удобряет, — ответил сержант. — Пару лет назад умерла от гриппа, осложнившегося пневмонией. Альфред в курсе, что братец тянул срок, но после освобождения Чарли его не видел, о чем ничуть не жалеет. Энжелу он тоже не видел, но уверен, что на момент знакомства с Чарли она не выступала. Как рассказывала ему покойная Пегги, там классическая история романтической провинциалки. Ну, вы представляете: воспитанная в строгости девушка западает на кучерявого тенора... Дорого же бедняжка заплатила за свою романтичность!

— Альфред Карпентер вспомнил ее настоящее имя?

— Не вспомнил, потому что никогда его не слышал. По-моему, если сопоставить одно с другим, хоть какая-то загадка разгадывается. Теперь ясно, почему никто не забрал тело Энжелы после того, как она покончи-

ла с собой. В пуританской семье она наверняка считалась изгоем, совсем как Чарли. Уж я пуритан знаю...

— Похоже на правду. Получилось что-нибудь с хозяйкой квартиры Карпендера или с владельцем ресторана, где он работал?

— С Джузеппе вышел гениальный, но совершенно бесполезный спектакль, — съязвил Хемингуэй. — Ума не приложу, как иностранцы сами от такого не устают? Меня ждал настоящий театр одного актера с вырыванием собственных волос и бесконечными «Боже мой!» и «черт побери!» на родном языке. Я потом стаканчик пропустил, чтобы успокоиться, а Джузеппе хоть бы хны — тут же затеял перепалку с женой. Точнее, мне это показалось перепалкой, а супруги небось мирно беседовали. Так или иначе, Карпендера он совсем не знал.

— А хозяйка квартиры?

— Тоже ничего не знает. Говорит, Чарли был не из разговорчивых. Неудивительно: такой, как она, нормальный человек не доверится. В общем, выбор невелик — либо Невилл, либо никто вообще. А если до сих пор гадаете, куда он дел орудие... Вдруг молодой Флетчер его сунул в рукав?

— Когда-нибудь пробовали засунуть в рукав дубинку? — поинтересовался Ханнасайд.

— Почему дубинку? Почему не ротанговую трость?

— Ротанговой тростью череп не проломишь. Орудие убийства было тяжелым; если палка, то очень толстая, вроде дубины.

Хемингуэй поджал губы.

— Если убийца — Невилл, об орудии преступления можно не думать: у молодого Флетчера было предостаточно времени избавиться от него. Касательно второго убийства... Он ведь не засунул бы пресс-папье в карман, верно?

— Засунуть, может, и засунул бы, но голова статуэтки все равно вылезала бы.

— В вечернем полумраке никто не заметит. Потолкую-ка я снова с Брауном, владельцем кофейного киоска, и с тем таксистом. Обоих я уже допрашивал, причем на совесть, но кто знает.

— А как насчет шляпы?

— Со шляпой какая-то ерунда, — поморщился сержант. — Раз собственного цилиндра у Невилла нет, он мог позаимствовать дядин, тем паче никто не ожидал бы увидеть его в цилиндре. Из дома Невилл мог вынести цилиндр сложенным, чтобы дворецкий не заметил. Потом он надел цилиндр, а свою шляпу затолкал в карман.

— Так, уже два оттопыренных кармана, — сухо проговорил Ханнасайд. — При этом два свидетеля — девица не в счет, у нее туман, а не показания — ничего особенного во внешности джентльмена не заметили. Есть еще один момент. Таксист, а он, по-моему, парень разумный, описал своего пассажира как приятного, но непримечательного. Заявил, что вряд ли узнает его при встрече. Мол, заурядный мужчина от тридцати до сорока. Вот если бы вы везли Невилла Флетчера, думаете, узнали бы его потом?

— Да, — неохотно кивнул Хемингуэй, — однозначно узнал бы. Во-первых, волосы у него темнее, чем у большинства, да и в целом внешность необычная. И длиннющие ресницы, и улыбочка, которая на нервы действует. Другими словами, невзрачным его не назовешь. Кроме того, он моложе тридцати и выглядит на свой возраст. Что же теперь делать?

Задумавшись, Ханнасайд барабанил пальцами по столу, Хемингуэй с сочувствием за ним наблюдал.

— Энжела Энжел. Все вокруг нее крутится. Нутром чую: если мы узнаем о ней побольше, увидим то, что так упорно от нас прячется.

— Интуиция, — кивнул сержант. — Сам я очень в нее верю. Ну так что, объявление дадим?

— Лучше не надо, — ответил Ханнасайд, немного подумав.

— Если честно, мне объявления тоже не нравятся. Тем более раз родственники не откликнулись после ее самоубийства, то вряд ли откликнутся теперь.

— Боюсь вызвать еще одну трагедию, — мрачно проговорил Ханнасайд.

Хемингуэй содрогнулся:

— Что? Еще одна проломленная голова? Шутите?

— Не знаю. Кто-то очень хочет, чтобы мы и дальше барахтались в тумане. Решительно все указывает, что за этими двумя убийствами стоит некто беспощадный.

— Маньяк, настоящий маньяк! — выпалил сержант. — Сами подумайте! Когда череп пробивают в приступе гнева, еще понятно. Тем не менее содеянное непременно потрясет убийцу, по крайней мере должно потрясти. Я не считаю себя слаонервным и впечатлительным, но ни убийцей Флетчера, ни даже сторонним наблюдателем быть не хотел бы. Столько крови, столько мерзости! А наш герой не расстроился. Ничуть! Он ускользнул и повторил содеянное, причем хладнокровно. По-вашему, это нормально? По-моему, нет!

— Тем важнее не дать ему повод для нового убийства.

— Верно. Но если наш фигурант сумасшедший, все хуже, чем я думаю. Вменяемого человека поймать можно: он мыслит логически, так же, как ты сам. Что еще важнее, у его преступлений есть мотив. С сумасшедшим убийцей лучше не сталкиваться, потому что в его мыслях не разберешься. Десять к одному, что у него вообще нет мотива, по крайней мере понятного вменяемому человеку.

— Согласен почти со всем, что вы говорите, только наш фигурант не сумасшедший. Карpentера он убил по совершенно конкретной причине, да и Флетчера наверняка не просто так.

Хемингуэй порылся в лежащих на столе бумагах и выудил листок, на котором явно писал сам.

— Признаться, шеф, я сам пробовал разобраться, в чем тут фишка. Вывод напрашивается один: история фантастическая. Если изложить известные нам факты на бумаге, получается, что бедного Эрнеста не убивали вообще: другое просто невозможно.

— Не болтайте ерунду! — вспыхнул Ханнасайд.

— Я и не болтаю. Если отрешиться от показаний миссис Норт, все хорошо и замечательно. Сейчас она понимает: ее благоверный ни при чем и врать ей незачем. Но даже без этого есть рассказ почтальона о женщине, одетой как Хелен, которая семнадцатого июня вышла из Грейстоунс сразу после 22:00. Итак, красавица там точно была. Не сверь старина Ихавод свои часы с часами в кабинете покойного Эрнеста, я решил бы, что он спутал время, когда неизвестный выскользнул за калитку. Наш Ихавод — честный, совестливый полицейский. Раз говорит, что на часах было 22:02, значит, это правда. Слышали бы вы, как он клянет лже-свидетелей! Нагоняй мне устроил, когда я попробовал на него давить. Если сумеете сопоставить его версию с версией миссис Норт, значит, вы куда умнее меня. Сперва единственными временными отметками были 22:02, когда Ихавод увидел неизвестного, и 22:05, когда он обнаружил труп Эрнеста — это еще терпимо. Но когда временных отметок прибавилось, все пошло наперекосяк. Теперь отметок четыре, и они исключают друг друга, если только Невилл не убил дядю, а увидевший его Карпендер не бросился наутек. Итак, в 21:58 Эрнест выпроводил мужчину, которого видела миссис Норт; в 22:01 сбежала миссис Норт, в 22:02 за калитку шмыгнул мужчина, которого видел Ихавод, и в 22:05 Ихавод обнаружил труп Эрни. Время не сходится, а больше нам ничего не известно. Вы ведь не

думаете, что Эрнеста убил Невилл, а миссис Норт его прикрывает?

— Нет-нет, миссис Норт интересуется только ее муж. По-моему, они с Глассом видели одного и того же мужчину. Разумеется, доказательство не решающее, но среди вещей Карпентера обнаружили светло-серую шляпу.

— Ладно, пусть мужчина будет один и тот же. Мы ведь не знаем, почему вернулся Карпентер. Эрнест же его выпроводил! Возможных причин уйма. Вдруг за стеклянной дверью кабинета он увидел Эрнеста с молодым Невиллом и решил, что ждать не стоит? Разумно, не правда ли? Чарли ретируется. Спешное бегство ничего не доказывает, верно? Намерения у него были явно недобрые, и встреча с полицейским ему совершенно не улыбалась. На тот момент Чарли не знал Невилла в лицо. Погодите, шеф, хотите догадку века? Фотографию Невилла напечатали в иллюстрированной газете, помните?

— Конечно, он еще назвался лакеем Криппеном, — мрачно проговорил Ханнасайд.

— Это не важно. Вдруг Карпентер читал ту газету? Тогда его интерес к делу вполне объясним. Невилла он узнал сразу, и если памятным вечером видел его в смокинге, лакейская сказка тотчас запахла липой. Сдается мне, Чарли решил подоить Невилла и проник в Грейстоунс, чтобы держаться поближе. Это получилось без особых проблем. Только Невилл слишком умен и огласки, чреватой для него виселицей, не допустит. Недолго думая, он решил избавиться от Карпентера. Как вам такой расклад?

— До определенного момента он безупречен, старина. Но к моменту гибели Карпентера рассыпается по причинам, которые мы уже называли.

— Значит, два убийства совершенно не связаны! — в отчаянии проговорил сержант.

— Где ваши материалы по делу Карпентера? — вдруг вскинулся Ханнасайд. — Позвольте взглянуть!

Сержант протянул ему листочки с машинописным текстом и безрадостно проговорил:

— Боюсь, они не помогут.

Ханнасайд просмотрел записи.

— Так я и думал! По словам хозяйки, Карпентер был жив в 21:30. Мисс Дора Дженкинс видела мужчину в смокинге на другой стороне улицы, а чуть позднее — полицейского, который шел ему навстречу.

— Ага, а чуть ниже идут показания ее дружка: тот утверждает, что полицейский прошел за сто лет до мужчины в смокинге. Лично я больше верю парню. Девушка откровенно старалась нас поразить.

— Да, я тоже так решил. Браун заявил, что видел полицейского около 21:40, а мужчину в смокинге парой минут позднее. Это больше согласуется с историей девушки. Выяснили у дежурного констебля, когда он появился на Барнсли-стрит?

— Нет, — признался Хемингуэй. — Раз он не видел мужчину в смокинге и не заметил ничего подозрительно у сорок третьего дома, я подумал, что это не важно.

— В самом деле? — Ханнасайд хмуро уставился на противоположную стену.

— У вас идея, шеф? — заинтересованно спросил сержант.

— Нет, — отозвался Ханнасайд. — Но не помешает выяснить, когда констебль попал на ту улицу.

— Простите, шеф! — выпалил Хемингуэй и снял телефонную трубку.

— Да я сам виноват. Я тоже решил, что это не важно. Может, и впрямь не важно, однако попробовать стоит.

Пока сержант ждал соединения с участком на Гласмир-роуд, Ханнасайд, насупившись, просматривал материалы по обоим убийствам. Хемингуэй перекинул-

ся парой слов с дежурным и, прикрыв ладонью трубку, спросил:

— Шеф, он только что заступил. Поговорите с ним?

— Да, пусть его позовут, — рассеянно попросил Ханнасайд.

Хемингуэй передал пожелание, и пока звали констебля Мейдера, с живейшим интересом наблюдал за шефом. Наконец в трубке раздался голос:

— Алло! Констебль Мейдер? С вами хочет поговорить детектив-суперинтендант Ханнасайд. Прошу вас, шеф!

Ханнасайд взял трубку:

— Алло! Мейдер, я по поводу вчерашнего вечера. Хочу прояснить один момент, который мы случайно упустили.

— Да, сэр, — вежливо отозвался Мейдер.

— Не припомните, в котором часу вы вышли на Барнсли-стрит?

— С точностью до минуты не вспомню.

— Ничего страшного, просто ответьте поточнее.

— Сэр, когда я проходил мимо почты на Глассмирроуд, часы на здании показывали 21:10. Значит, на Барнсли-стрит попал примерно к 21:15.

— Что? — переспросил Ханнасайд. — В 21:15?

— Да, сэр, плюс-минус минута.

— Точно не после 21:30?

— Совершенно точно, сэр. От почты до Барнсли-стрит идти всего ничего. Есть еще один ориентир, сэр, — к тому времени Браун свой киоск еще не открыл.

— Но на допросе Браун заявил, что открыл киоск в 21:30 и вскоре увидел вас.

— Он сказал, что видел меня вчера вечером? — уточнил Мейдер.

— Да, определенно.

— Сэр, не знаю, что там выкручивает Браун, но если он говорил о вчерашнем вечере, то явно ошиб-

ся. — В голосе Мейдера зазвенело подозрение. — Если позволите высказать свою версию...

— Да, выкладывайте.

— Видите ли, сэр, Браун видел меня шесть или семь вечеров подряд. Барнсли-стрит я патрулирую то в одно время, то в другое, но всегда после 21:30. Однако вчера я попал на Барнсли-стрит и Летчли-гарденс пораньше. Сэр, я думаю, Браун ошибся, положившись на то, что, по его мнению, должно было случиться.

— Спасибо, Мейдер, это все. — Ханнасайд опустил трубку на базу и перехватил заинтересованный взгляд Хемингуэя.

— Можете не объяснять, шеф, я все понял! Мейдер прошел по улице в 21:15, и Браун его вообще не видел. Так-так-так! Наконец-то мы до чего-то докопались. Кто этот мистер Браун и как связан с нашим делом? Если вдуматься, отвечал он мне чересчур охотно. Но если он не убивал Карпентера, то какую игру ведет, я не понимаю.

— У вас есть адрес Альфреда Карпентера? — спросил Ханнасайд, проигнорировав рассуждения Хемингуэя. — Мне нужно название актерской труппы, с которой гастролировал Чарльз.

— К Энжеле возвращаемся? — удивился сержант, протянув шефу листок с показаниями Альфреда Карпентера. — Кстати, она-то с труппой не гастролировала.

— Я в курсе. Мне нужен список городов, которые посетила труппа.

— Боже милостивый! — охнул сержант. — Не собираетесь же вы прочесывать центральные графства в поисках девицы, которую мы даже по имени не знаем.

Ханнасайд поднял голову, и в его глубоко посаженных глазах вспыхнул огонек.

— Нет, я не настолько безумен. По крайней мере пока.

— Что вы имеете в виду, шеф? Шутите?

— Отнюдь. Если очередная моя версия окажется притянутой за уши — а такие опасения есть, — вы надо мной шутить тоже не будете, — отозвался Ханна-сайд. — Пожалуйста, позвоните мистеру Карпентеру и выясните название труппы или хотя бы фамилию импресарио. Думаю, он уже дома.

Хемингуэй с сомнением покачал головой, но снова взял трубку. Через пару минут сержант доложил, что мистер Карпентер не знает названия труппы, с которой гастролировал его брат, зато помнит, как покойный Чарльз говорил об импресарио.

— Фамилия того импресарио не то Джонсон, не то Джексон, не то Джеймисон, — язвительно добавил Хемингуэй. — Точно на «Дж» начинается. Разве не чудесно?

— Вот, уже кое-что, — кивнул Ханнасайд. — Этим и займусь завтра утром.

— А мне чем заняться? — спросил Хемингуэй. — Еще раз допросить мистера Брауна?

— Да, обязательно. Еще разыщите ту девицу и послушайте, что она на этот раз скажет. Главное, никому не рассказывайте о расследовании. Переговорите с Брауном, с Дорой Дженкинс и поезжайте в Марли. Я либо дождусь вас там, либо оставлю записку.

— Что мне делать в Марли? — Хемингуэй пристально посмотрел на шефа. — Устроить молебен с Ихаводом?

— Проверьте свою теорию о шляпе Невилла Флетчера. Еще раз осмотрите пресс-папье.

— Так мы теперь занимаемся молодым Невиллом? — Сержант не сводил глаз с Ханнасайда. — Хотите связать его с Энжелой? Могу поинтересоваться, что пришло вам в голову? Двадцать минут назад у нас было два совершенно необъяснимых убийства. Помогите, Браун вас не особо интересуется. Так в чем же дело?

— В общем факторе, — ответил Ханнасайд. — Двадцать минут назад меня осенило, хотя очень возможно, что это снова ерунда.

— Общий фактор? — переспросил сержант. — Общий фактор — орудие убийства, мы с самого начала это знали.

— В таком ключе я о нем не думал, — отозвался Ханнасайд и ушел, оставив сержанта в недоумении.

Глава четырнадцатая

Утро уже основательно вступило в свои права, когда сержант Хемингуэй на подземке отправился в Марли. Обе беседы прошли не слишком удачно. Мисс Дженкинс раздирали естественный страх перед полицией и головокружительное ощущение собственной значимости. Она хихикала, теребила фартук и свои кудри. Ну что он нее ждет сержант? Только бы никто не подумал, что она замешана в убийстве. Она же чуть рассудка не лишилась, когда прочла о нем в газете и сообразила, для чего ее допрашивали. Под чутким руководством Хемингуэя мисс Дженкинс постепенно перестала юлить и перескакивать с одной темы на другую и заявила: она уверена, что джентльмен в смокинге прошел мимо них за пару минут до полицейского; настоящий щеголь, он точно был в цилиндре. Уже достаточно знакомый с эксцентричным Невиллом сержант понимал: этому молодому человеку такое описание решительно не соответствует. От мисс Дженкинс он направился на поиски мистера Брауна.

Поиски привели его в Балхем, где Браун жил, а в данный момент отсыпался после смены. При виде удостоверения сержанта супруга Брауна испугалась не меньше, чем мисс Дженкинс, и тотчас отравилась будить своего благоверного. Вскоре тот, заспанный и угрюмый, вошел в гостиную. Неприязненно оглядев Хе-

мингуэя, он осведомился, почему ему не дают выспаться. Сержант вопрос пропустил мимо ушей, даром, что искренне сочувствовал Брауну, и задал встречный вопрос. Мистер Браун огрызнулся: мол, если в полиции считают, что рабочего человека можно будить и расспрашивать о том, что он уже рассказывал, то глубоко заблуждаются. Он сказал как отрезал и ничего менять не станет. Когда Хемингуэй зачитал ему заявление констебля Мейдера, Браун сделал большие глаза, зевнул и пожал плечами:

— Будь по-вашему. Мне все равно.

— Так вы не видели констебля? — уточнил сержант.

— Не-а, — отозвался Браун. — Я призрака видел.

У нас же не улица, а рассадник нечисти!

— Не шутите со мной, дружище! — предупредил Хемингуэй. — Чем вы занимались в 21:40?

— Сандвичи готовил. Чем мне еще заниматься?

— Ну, это как сказать. Вы знакомы с неким Чарли Карпентером?

Мистер Браун тотчас узнал имя, густо побагровел и посоветовал сержанту уйти по-хорошему, не то его проводят по-плохому. Получив нагоняй, он заявил, что весь Скотланд-Ярд не докажет, что он хоть краем глаза видел Карпентера, а в тот вечер хоть на минуту отлучился из киоска.

Больше ничего ценного из Брауна вытянуть не удалось, и сержант поехал в Марли. В местном участке его указаний дожидался Гласс. Хемингуэй раздраженно посоветовал ему не слоняться без дела, и вообще, от такого лица молоко скисает.

— «Кто разглашает клевету, тот глуп»*, — сухо ответил Гласс. — Я пребывал в готовности исполнять веления надо мной стоящих. В чем я ошибся?

* «Книга Притчей Соломоновых» 10:18.

— Да прекратите же! — не выдержал сержант. — Ни в чем вы не ошиблись.

— Благодарствую! Вижу, нет в душе вашей мира и покоя. Нет конца вашим трудам по этому делу?

— Конца трудам правда нет, — отозвался Хемингуэй. — После ленча проверю пару моментов касательно мистера Невилла. Он теперь единственный кандидат на главную роль. Когда первым кандидатом был Норт, жизнь сахаром тоже не казалась, но сейчас, когда он вышел из игры, стало еще труднее. Как подумаю, что Норт и его дурочка-жена морочили нам голову, так и подмывает арестовать его за убийства.

— Они лгали, а в Писании сказано: «Мерзость пред Господом — уста лживые»*, но истинно и то, что «Любовь покрывает все грехи»**.

— Что это на вас нашло? — искренне удивился сержант. — Осторожнее, так и человеком стать недолго.

— Я и сам пребываю в печали и тревоге. Но тратить время на молодого своенравного Невилла Флетчера — пустое занятие. Насмешник, равнодушен он и к людям, и к благам мирским. Зачем ему убивать человека?

— Дело говорите! — одобрительно кивнул сержант. — Тем не менее последний рассказ Невилла не мешает проверить. Идите на обед, в Грейстоунс я и один справлюсь.

Час спустя Хемингуэй стоял у черного хода Грейстоунс и потчевал комплиментами полноватую миссис Симмонс. Та упросила его войти, и за ее недовольным мужем Хемингуэй проследовал в буфетную.

— Так, скажите, сколько шляп у молодого мистера Флетчера? — без промедления спросил сержант.

— Что? — растерялся Симмонс.

* «Книга Притчей Соломоновых» 12:22.

** «Книга Притчей Соломоновых» 10:22.

Хемингуэй повторил вопрос.

— Как ни прискорбно, сержант, у мистера Невилла только одна шляпа.

— Неужели? Судя по вашей гримасе, та шляпа не слишком хороша.

— Таких засаленных шляп джентльмену носить не пристало, — отозвался Симмонс. И поспешно добавил: — «Ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце»*.

— Прекратите! — взорвался сержант. — Прекратите немедленно! Мне достаточно бредней вашего друга Гласса. Вернемся к шляпам. Полагаю, у вашего покойного хозяина их было немало?

— Да, мистер Флетчер прекрасно одевался.

— А что стало с его шляпами? Их куда-то сложили, раздали или как?

— Нет, — с удивлением ответил Симмонс, — они в его гардеробной.

— На ключ заперты?

— Заперты? В этом доме нет нужды запиравать вещи на ключ!

— Вот и славно, — кивнул сержант. — Пожалуйста, проводите меня в бильярдную.

Дворецкий удивился еще сильнее, но возражать не стал — открыл дверь буфетной и выпустил сержанта в коридор.

В бильярдной на столе у окна были кожаный бювар, чернильница из граненого стекла и бронзовое пресс-папье с фигуркой обнаженной женщины. Сержант уже видел пресс-папье, но сейчас взял его в руки и осмотрел куда заинтересованнее, чем раньше.

— Мистер Невилл любит шутить, — проговорил дворецкий, откашлявшись.

* «Первая книга Царств» 16:7.

— Так вы слышали о той шутке?

— Да, сержант, крайне бестактно со стороны мистера Невилла. К сожалению, он весьма легкомысленный джентльмен.

Сержант заворчал и попробовал втиснуть пресс-папье в карман. Задача непростая, а тут еще из окна слышался негромкий голос:

— Опасная игрушка. Вот останутся на ней ваши отпечатки пальцев — проблем не оберетесь, — проговорил некто, чуть заметно глотая слова.

Хемингуэй подскочил от неожиданности.

— Ой! — воскликнул сержант. — Это вы, сэр?

Через низкий подоконник Невилл перелез в бильярдную.

— А вы мне не рады? Разыскиваете компрометирующие улики?

— Сэр, сержант Хемингуэй желает знать, запираются ли на замок шляпы вашего покойного дяди, — бесцветным голосом пояснил Симмонс.

— Странные вещи интересуют полицию, — проговорил Невилл. — Ну, Симмонс, они под замком хранятся?

— Нет, сэр. Так я и сообщил сержанту.

— Не совсем понимаю, каким образом, но чувствую, что вы набрасываете мне на шею удавку, — пробормотал Невилл. — Симмонс, можете идти. Я позабочусь о сержанте. Он мне нравится.

Хемингуэю стало не по себе. Не сказав ни слова против тет-а-тета с Невиллом, он предупредил:

— Сэр, умасливать меня бесполезно.

— Разве я осмелюсь?! Малахия уж разъяснил, что со льстецами случается. Жаль, вас вчера здесь не было. Я такой стих у Исайи отыскал!

— Что еще за стих? — не смог удержаться от вопроса Хемингуэй.

— Про всепоражающий бич. Напрасно суперинтендант с вами не поделился!

Сержант тоже так считал, но строго заметил, что у суперинтенданта есть проблемы поважнее.

— Поважнее?.. Он только и думает, что о моей вине. Да и вы о ней думаете... Даже обидно. Мне-то казалось, борьба с Малахией нас почти породнила. Так почему шляпы? — Сонные глаза Невилла впились в лицо Хемингуэя. — Скажете, когда будет теплее. Моя злосчастная поездка в Лондон? Черный фетр? Дядины шляпы? Считаете, я надевал шляпу Эрни?

Хемингуэй решил, что на откровенность нужно отвечать откровенностью.

— А вы надевали, сэр?

Невилл радостно закудаhtал и схватил сержанта за руку.

— Пойдемте! Жизнь полицейских скучна и беспросветна? Позвольте ее чуть раскрасить.

— В чем дело, сэр?! — запротестовал Хемингуэй, которого неумолимо волокли к двери.

— В моей невинности. Может, вам и не хочется ее устанавливать, но показывать это не стоит.

— Напрасно вы вбили себе в голову, что мы хотим арестовать невинного, — строго произнес Хемингуэй, влекомый вверх по лестнице. — Не представляю, что вы затеяли, сэр, но я здесь по долгу службы.

Невилл распахнул дверь в комнату, обставленную массивными шкафами красного дерева.

— Дядина гардеробная. Не бойтесь, его призрак сюда еще не вернулся.

— По-моему, вы просто кощунствуете.

Молодой человек открыл большой шкаф: на полке чинно выстроились шляпы.

— Да, такой грешок за мной водится, — согласился он. — Вот дядины шляпы. Чисто теоретически, в част-

ной собственности есть определенная несправедливость, вам так не кажется? Какая шляпа на мне была?

— По вашим словам, сэр, черная фетровая.

— Да не будьте таким реалистом, реализм губит искусство! Это и выбило из колеи суперинтенданта. Он сторонник традиций, моя шляпа для него анахронизм. Разумеется, он мысленно видит меня в чем-то вычурном, неотразимом для детей и не обремененных интеллектом личностей, в чем-то вульгарном, похожем на сигаретницу. Как, по-вашему, сержант, надел бы я дядину шляпу?

Хемингуэй живо представил себе Невилла Флетчера в цилиндре, который на три размера ему мал, и, с трудом подавив смех, прохрипел:

— Нет, сэр. Если честно, не представляю. В такой шляпе... в ней не каждый на улицу выйдет!

— Я тоже так считаю, — кивнул Невилл. — Я люблю комедию, а не фарс. Судя по вашему недовольному лицу, шляпа снимает с меня подозрение. Надеюсь, его тень впредь на меня не упадет. Врагу не пожелаю быть подозреваемым в убийстве.

— Я тоже надеюсь, сэр, — отозвался сержант, — но на вашем месте не стал бы принимать скоропалительных решений.

— Конечно, что вам еще сказать? — пожал плечами Невилл, возвращая дядину шляпу на полку. — Других подозреваемых у вас нет.

— Раз уж мы об этом заговорили, кого подозреваете вы? — осведомился Хемингуэй.

— Не знаю и, честно говоря, не хочу знать. Меня это волнует куда меньше вашего.

— Мистер Флетчер был вашим дядей, сэр!

— Трудно спорить. И если бы меня спросили, я проголосовал бы против его убийства. Однако меня никто не спрашивал, а рыдать о прошлогоднем снеге я считаю бессмысленным. Кроме того, все хорошо

в меру: на третий день расследование мне изрядно надоело. Интерес, пусть болезненный, возродился, когда я оказался главным подозреваемым. Сейчас, на радостях, хочу отметить отсрочку виселицы. Как сделать девушке предложение?

— Что сделать? — переспросил сержант, отчаянно стараясь не потерять нить разговора.

— Неужели не знаете? Я думал, вы в курсе.

— Вы... сэр, вы намерены жениться? — удивился Хемингуэй.

— Да, только не говорите, что я совершаю ошибку. Это и так ясно. Я всю жизнь себе испорчу.

— Тогда зачем жениться? — резонно спросил Хемингуэй.

Невилл пожал плечами:

— Обстоятельства изменились. Теперь девицы будут охотиться за моими деньгами. Женитьба — лучший выход из положения.

— Да уж, после свадьбы вам о девицах беспокоиться не придется, — сухо обронил Хемингуэй.

— Вы впрямь так считаете? Тогда сделаю предложение немедленно, пока не передумал. Всего хорошего!

— Сэр, окончательно подозрения с вас не сняты! — крикнул ему вслед Хемингуэй. — Я такого не говорил!

Невилл помахал ему рукой и спустился по лестнице. Десять минут спустя он вошел в гостиную Нортон через стеклянную дверь. Хелен писала письмо, а ее сестра сидела на полу и одновременно правила четыре экземпляра машинописного текста.

— Привет! — воскликнула Салли, увидев молодого человека. — Еще гуляешь на свободе?

— Я почти чист!.. Слушай, поехали со мной в Болгарию.

Салли нащупала монокль, вставила в глаз и взглянула на Невилла.

— Ну поехали, — равнодушно ответила она, отложив страницы. — Когда?

— Чем скорее, тем лучше. Согласна?

Хелен повернулась к ней:

— Салли, что ты такое говоришь?! Нельзя же взять и уехать с Невиллом!

— Почему нельзя? — заинтересовался Невилл.

— Не говори глупости! Ты прекрасно знаешь, что это неприлично.

— Салли — девушка необычайно широких взглядов.

— Но...

— Проснись, милая! — посоветовала Салли. — Похоже, ты не поняла: мне только что сделали предложение.

— Что?! — Хелен вскочила. — По-твоему, это было предложение?

— Как я ненавижу порядочных женщин! у них одни непристойности на уме.

— Салли, ты ведь не выйдешь за этого... за этого никчемного Невилла?

— Еще как выйду! Он же купается в деньгах! Глупо от такого отказываться!

— Салли!

— И в отличие от большинства мужчин он не деспот.

— Но ты его не любишь!

— С чего ты взяла? — огрызнулась Салли, слегка покраснев.

Хелен смотрела то на Невилла, то на сестру.

— По-моему, ты не в себе, других слов у меня нет.

— Вот и славно! — обрадовался Невилл. — А то я уже смущаться начал. Ну, если сказать тебе нечего, будь любезна, оставь нас вдвоем.

Хелен пошла к двери и, уже открыв ее, заметила:

— Мог бы дождаться моего ухода, прежде чем предложение делать, если абсурдное «поехали в Болгарию» впрямь было предложением.

— Уходить ты не собиралась, а я в жизни не осмелился бы попросить: «Хелен, пожалуйста, исчезни, потому что я хочу сделать Салли предложение».

— Вы оба спятили, — объявила Хелен и наконец ушла. Салли поднялась с пола.

— А ты не пожалеешь об этом? — с тревогой спросила она.

— Конечно, пожалею, а ты? — проговорил Невилл и обнял девушку.

Салли неожиданно улыбнулась:

— А я уверена, что не пожалею.

— Дорогая, это очень любезно с твоей стороны, но и очень наивно. Я знаю одно: если не рискну, буду жалеть ужасно. Это твой нос, да? Глаза у тебя голубые или серые?

Салли подняла голову, и Невилл тотчас ее поцеловал. Он обнимал ее все крепче, и потрясенная, огоршенная Салли вырвалась, жадно глотая воздух.

— Шутка! — воскликнул Невилл. — Глаза у тебя серые с золотыми крапинками, я давно это знаю.

Салли положила ему голову на плечо.

— Боже, Невилл, а я... я до сих пор сомневалась, что ты серьезно! Слушай, мы отправимся в Болгарию пешком, или нас ожидают другие неудобства?

— Нет, не пешком, но испытаний хватит, а ночевать придется в крестьянских домах. Ты козлятину ешь?

— Да, — кивнула Салли. — Какой у нее вкус?

— Довольно противный. Ты занята на этой неделе? Для свадьбы время выкроишь?

— Постараюсь. Но чтобы пожениться на этой неделе, нужно особое разрешение, а пока не утвердят завещание Эрни, его деньгами ты пользоваться не сможешь.

— Не смогу? Ну так займу, в конце концов.

— Лучше положишься на меня. — В Салли заговорила врожденная рассудительность. — А то принесешь еще разрешение на покупку собаки... Кстати, тебя точно не арестуют за те скучные убийства?

— Не арестуют! У дядиной шляпы размер не мой.

— Надеюсь, это веская причина?

— Ага, даже сержант так считает, — радостно заверил Невилл.

Сержант действительно так считал, но, не желая терять последнего подозреваемого, держал свои мысли при себе. На лестнице он столкнулся с мисс Флетчер, которая удивилась его присутствию. Хемингуэй солгал, что явился по приглашению Невилла, и она поверила.

— Милый мальчик, только очень неосмотрительный. Впрочем, мужчины все такие, да? Надеюсь, вы не думаете, что Невилл связан с этой страшной трагедией! Творить настоящее зло он не способен. Такое ведь сразу чувствуешь, правда?

Хемингуэй хмыкнул.

— Да, разумеется, — продолжала мисс Флетчер. — Но что сегодня с Невиллом? Почему он оставил вас одного на втором этаже? Не потому ведь... Нет, это полный абсурд!

— Не знаю, вправе ли я сообщать, но, по-моему, мистер Флетчер пошел делать предложение.

— Я очень рада! — просияла мисс Флетчер. — Думаю, ему следует жениться, как вы считаете?

— Считаю, за ним нужно присматривать, — ответил сержант.

— Как резонно с вашей стороны! — похвалила мисс Флетчер. — А вот я оплошала. Хотите чаю? Дорога от участка до Грейстоунс такая пыльная!

Хемингуэй приглашение отклонил и деликатно извинился от мисс Флетчер. В участок он вернулся в мрачном настроении, которое совершенно не улучшилось при виде констебля Гласса. Сержант спрятался в маленький кабинетик, разложил на столе свои заметки и в очередной раз принялся ломать над ними голову.

Гласс вошел следом, закрыл дверь и окинул сержанта меланхоличным взглядом.

— «Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут»*, — проговорил он.

— Увянут они, как же, если я не буду им ревновать! — буркнул Хемингуэй.

— «И ты будешь ощупью ходить в полдень, как слепой ощупью ходит впотьмах»**.

— Да замолчите вы! — рявкнул сержант, раздраженный тем, что Гласс попал в точку.

— Я исполнен гнева Господня! — объявил констебль, сверкнув глазами. — И устал его сдерживать.

— Дружище, что-то я пока не заметил у вас особого стремления сдерживать гнев. Читайте свои проповеди кому-нибудь другому. Еще немного общения с вами, и я стану атеистом.

— Я не уйду. Я внемлю гласу души своей. «Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их — путь к смерти»***.

Хемингуэй перевернул страницу.

— Не можете мириться с грехом — не годитесь для службы в полиции. Если хотите остаться в кабинете, сделайте милость, присядьте, нечего меня разглядывать!

Гласс уселся, но так и буравил сержанта взглядом.

— Что сказал Невилл Флетчер? — осведомился он.

— Он нес примерно ту же околесицу, что и вы.

— Невилл Флетчер не убийца.

— Ну, если он не убийца, пусть докажет, посмотрим, что получится, — отозвался сержант. — В шляпе или нет, вечер, когда убили Карпентера, Невилл провел в Лондоне, а из всей компании он единственный, кто имел мотив и возможность убить Эрнеста. Согласен, молодой Флетчер на убийцу не тянет, однако он чер-

* Псалтирь 36:1—2.

** «Второзаконие» 28:29.

*** «Книга Притчей Соломоновых» 14:12.

товски умен и, вполне вероятно, морочит нам голову. Насчет Карпендера не знаю, но чем больше думаю об уликах, тем сильнее убеждаюсь: именно Невилл проломил своему дяде голову.

— Тем не менее его не арестовали.

— Чувствую, арестуют, как только суперинтендант хорошенько все осмыслит.

— Судя по его деяниям, суперинтендант — человек справедливый. Где он?

— Не знаю. Наверное, скоро будет здесь.

— Довольно преследовать невиновных! Душа моя в смятении, но написано — да, огненными буквами! — «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека»*.

— Хорошо сказано, — согласился Хемингуэй. — Что же до преследования невиновных...

— «...оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума!»** — перебил его Гласс и мрачно улыбнулся. — «Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою!»***. «Готовы для кощунствующих суды, и побои на тело глупых»****.

— Отлично! — воскликнул уязвленный Хемингуэй. — Раз вы такой умник, может, знаете, кто настоящий убийца?

В глазах констебля вспыхнул странный огонек.

— Да, я один знаю, кто убийца!

Хемингуэй растерянно захлопал глазами. Ни он, ни констебль не заметили, как отворилась дверь. Негромкий голос Ханнасайда напугал обоих.

— Нет, Гласс, не один, — проговорил суперинтендант.

* «Бытие» 9:6.

** «Книга Притчей Соломоновых» 9:6.

*** «Исайя» 5:21.

**** «Книга Притчей Соломоновых» 19:29

Глава пятнадцатая

Хемингуэй, потрясенно взиравший на Гласса, тотчас посмотрел на дверь и встал.

— В чем дело, шеф? — спросил он.

Гласс мрачно взглянул на Ханнасайда:

— Так вам известна правда? Коли так, я доволен, ибо душе моей опостылела жизнь моя. Я подобен Иову: летят прочь дни мои и добра не видят.

— Господи, да он сумасшедший! — воскликнул сержант.

— «Глупость безрассудных — заблуждение»*, — презрительно улыбнулся Гласс. — Я не безумен. «У меня отмщение и воздаяние»**. Помяните мое слово: гореть нечестивцам в аду!

— Золотые слова! — воскликнул Хемингуэй, с опаской покосившись на констебля. — Только не надо свистопляску из-за этого устраивать!

— Сержант, достаточно шуток! — осадил его Ханнасайд. — Вы поступили дурно, Гласс, и сами это понимаете.

— «Можно поручиться, что порочный не останется ненаказанным»***.

— Верно, однако вы наказывать не в праве.

— В смятении разум мой! — простонал Гласс. — Но ведь «помышления праведных — правда»****. Меня переполнял гнев Господень.

Потрясенный Хемингуэй схватился за край стола, чтобы не упасть.

* «Книга Притчей Соломоновых» 14:8.

** «Второзаконие» 32:35.

*** «Книга Притчей Соломоновых» 11:21.

**** «Книга Притчей Соломоновых» 12:5.

— Батюшки, только не говорите, что это все Ихавод натворил!

— Тем не менее и Флетчера, и Карпентера убил Гласс, — сказал Ханнасайд.

— Так вам все известно? — с холодным интересом уточнил Гласс.

— Не все. Энжела Энжел была вашей сестрой?

Гласс замер.

— Мою сестру звали Рейчел, — сдавленно ответил он. — Она умерла, причем для людей праведных умерла много раньше, чем ее нечестивый дух покинул тело. А для того, кто привел ее к греху, я — сверкающий меч, который насытится плотью!

— Боже! — пробормотал Хемингуэй, и Гласс устремил на него пылающий взор:

— Ты, насмешник над праведностью, как смеешь ты взывать к Господу?! Возьми карандаш, запиши рассказ мой, и да будет порядок. Думаешь, я страшусь тебя? Нет, не страшусь ни тебя, ни закона людского, ибо встал я на путь истинный.

Сержант обессиленно рухнул на стул.

— Хорошо, — с трудом произнес он. — Я слушаю.

Гласс повернулся к суперинтенданту:

— Достаточно будет сказать, что оба эти человека пали от моей руки?

— Нет, вы сами понимаете, что недостаточно. Вы должны рассказать всю правду. — Ханнасайд взгляделся в лицо констебля и добавил: — Думаю, имя вашей сестры широкой огласке можно не предавать. Но мне нужны факты. Энжела встретила Карпентера, когда тот гастролировал по центральным графствам и неделю играл в Лестере, верно?

— Верно. Совратил он ее речами сладкими да языком лживым. В душе блудница, она по доброй воле пошла за сыном Велиаровым и предалась греху. С того дня

для нас, ее родных, она мертва. Ее имя канет в Лету, ибо сказано, что «беззаконные во тьме исчезают»*. Когда она себя убила, я возликовал, ведь плоть слаба, а любая мысль о ней и образ ее мучили меня, аки терние острое.

— Понятно, — негромко проговорил Ханна-сайд. — Но вы знали, что она любила Флетчера?

— Нет. Я не знал ничего. Господь направил меня в его жилище, но я не знал и тогда. При встрече он улыбался мне устами лживыми и желал доброго вечера. А я, глупец, вежливо ему отвечал.

Хемингуэй невольно содрогнулся, а суперинтендант спросил:

— Когда вам открылась правда?

— Неужто неясно? Тем самым вечером, когда я его убил. Я лгал, сказав вам, что в 22:02 видел, как из калитки Грейстоунс выходит мужчина. «Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к детям своим»**, — добавил Гласс и презрительно улыбнулся.

— Вы слуга закона, — строго напомнил Ханна-сайд. — Ваши слова выше подозрений.

— Согласен и признаю, что согрешил. Но я лишь исполнил долг, на меня возложенный, ибо никто иной не отомстил бы Эрнесту Флетчеру. Моя сестра сама лишила себя жизни, однако истинно, что ее кровь на его руках. Разве закон покарал бы Флетчера?

— Это мы обсуждать не станем, — отрезал Ханна-сайд. — Что случилось вечером семнадцатого июня?

— Карпентера я увидел не в 22:02, а парой минут ранее. Мы столкнулись лицом к лицу на углу Мейпл-гроув.

— Так миссис Норт видела Карпентера?

— Да. Она не лгала, рассказывая о его визите к Флетчеру. Когда я держал Карпентера за глотку, он говорил то же самое.

* «Первая Книга Царств» 2:9.

** «Книга Притчей Соломоновых» 14:15.

— Для чего Карпендер приходил к Флетчеру? Шантажировать?

— Именно. Он тоже пребывал в неведении, но однажды, еще до тюрьмы, узрел Флетчера в золоченом гнезде разврата, где сестра моя в непристойном танце обнажалась пред взорами мужскими. Когда Карпендер вышел на свободу, моей сестры уже не было в живых, а имени ее любовника не знал никто, кроме одной девушки, слова которой воскресили в его памяти мужчину, единожды им замеченного. Только имени мужчины Карпендер вспомнить не мог, пока не увидел в газете его фотографию. Проведав, что Эрнест Флетчер богат богатствами мирскими, он и замыслил своим порочным умом пригрозить скандалом и получить деньги. Сперва Карпендер пытался войти через парадную дверь, но Джозеф Симмонс не пустил его на порог. Поэтому вечером семнадцатого июня он проник в Грейстоунс через садовую калитку. Флетчер посмеялся над ним, назвал глупцом и выпроводил на улицу. Карпендер отправился не к Арден-роуд, а к Вейл-авеню, где столкнулся со мной.

— Он узнал вас? — спросил Ханнасайд, воспользовавшись паузой.

— Нет, это я его узнал. Карпендер не понимал, кто перед ним, пока я не сжал его за горло и не прошептал имя свое. Во власти праведного гнева, я мог убить его еще тогда, но Карпендер молил о пощаде, ибо гибель сестры моей не на его совести. Я не желал слушать, и он, захрипев, пообещал открыть имя виновного. Страшась смерти, Карпендер выдал мне все, даже свои гнусные замыслы. Услыхав имя человека, из-за которого погибла сестра моя, я вспомнил его лживую улыбку и приветливые слова. Душу мою захлестнул черный гнев такой силы, что я содрогнулся. В полном смятении я выпустил Карпендера, и он сбежал. Куда, я не знал и знать не желал, ибо в тот момент понял

свое предназначение, и покой, да, покой воцарился в моей смятенной душе. Я открыл калитку и по дорожке дошел до кабинета Флетчера. Тот сидел за столом и писал, а когда на пол легла моя тень, поднял голову. Флетчер не испугался: перед ним стоял лишь полицейский. Удивленный, он с улыбкой заговорил со мной. Улыбку ту я видел сквозь красный туман и насмерть забил его дубинкой.

— Дубинкой! — выпалил сержант, оторвавшись от своих записей. — Святые небеса!

— В котором часу это было? — спросил Ханнасайд.

— Я взглянул на часы в семь минут одиннадцатого. «Что делать?» — думал я. И в тот миг мне открылся путь. Я поднял трубку телефона, что стоял на столе, и доложил в участок об убийстве. Увы, «кривое не может сделаться прямым»*. Я стал лжесвидетелем, и из-за лжи моей пришли смятение, мрак и горе невинным. Да, «заклучились они в туке своем»** и грешны пред Господом все до единого, но из-за поступков моих страдать не должны. Сердце, истерзанное болью и тревогой, сулило беду. Однако казалось, тайное не станет явным, ибо вы не ведали, в каком направлении двигаться. Едва выяснилось, что отпечатки пальцев принадлежат Карпентеру, я понял, что попал в бездну, из которой не спастись. Я стоял подле сержанта, когда ему сообщили адрес Карпентера. Так я услышал все — и что Карпентер живет на подвальном этаже, и что служит официантом в дешевой ресторации. Сержант дал мне выходной, и я удалился, борясь с собою. «Не утвердит себя человек беззаконием»***. Карпентер был нечестивцем и заслужил смерть, но не за это убил я его.

* «Книга Екклесиаста» 1:15.

** Псалтирь 17:10.

*** «Книга Притчей Соломоновых» 12:3.

— Вы тот констебль, которого видел владелец кофейного киоска! — догадался сержант.

— Киоск там был, и, вне сомнений, его хозяин меня видел. Как на дежурстве, прошел я мимо него к дому, где жил Карпентер. В подвальное окно сквозь жалюзи сочился свет. Я спустился по лестнице. Дверь черного хода не заперли, и я тихо вошел. Когда я переступил порог комнаты, Карпентер стоял ко мне спиной. Он обернулся, но крикнуть не успел. Я снова стиснул ему горло, и сопротивляться он не мог. Я убил его, как убил Флетчера, и ушел, как пришел. Только Флетчер заслужил смерть, а убив Карпентера, я впал в грех убийства, и на сердце мое лег тяжелый камень. Теперь за мое деяние вы готовы арестовать Невилла Флетчера. Вы точно записали рассказ мой? — спросил констебль, повернувшись к Хемингуэю. — Пусть отпечатывают, и я скреплю его подписью.

— Всенепременно, — заверил Ханнасайд. — Гласс, вы арестованы. — Он распахнул дверь и проговорил: — Инспектор, мы готовы.

— Думаете, я вас боюсь? — презрительно спросил Гласс, вставая. — Вы оба — слабые человечешки, я мог бы убить вас так же, как и тех двоих. Но я не убью, ибо вражды к вам не питаю. Однако никаких наручников! Я пойду свободно.

Двое пришедших на зов Ханнасайда полицейских крепко взяли Гласса за руки.

— Спокойно, Гласс! — рявкнул сержант Кросс. — Хватит юродствовать!

Сержант Хемингуэй посмотрел, как Гласс выходит под конвоем, послушал, как он нараспев цитирует Ветхий Завет, и промокнул лоб носовым платком, в кои веки потеряв дар речи.

— Сумасшедший, — коротко объявил Ханнасайд. — А я думал, он не так безнадежен.

— Сумасшедший?! — Дар речи быстро вернулся к Хемингуэю. — Буйно помешанный, склонный к убийству, а я, ничего не подозревая, работал с ним в паре! Господи, да пока он тут исповедовался, меня то в жар, то в холод бросало!

— Бедняга!

— Бедняга?! А как насчет покойного Эрнеста и Чарли Карпентера? Сурово же он с ними обошелся! И из-за чего весь сыр-бор? Из-за пустоголовой девки, которая от скуки сбежала с одним из них и покончила с собой из-за второго. Нечего Ихавода жалеть! Отправится в Бродмур* за счет налогоплательщиков и славно встретит старость, вещая другим психопатам о смерти и гибели.

— И вы еще считаете себя психологом! — пожурил Ханнасайд.

— Я считаю себя справедливым полицейским, шеф, — твердо сказал Хемингуэй. — Как вспомню, через что мы прошли, пока этот маньяк ежесекундно называл нас грешниками и нечестивцами!.. Нет, со мной сейчас инфаркт случится! Ну, шеф, что навело вас на мысль?

— Слова констебля Мейдера. Когда он оказался на Барнсли-стрит, Браун еще не открыл свой киоск, помните? Это плюс взаимоисключающие показания молодых людей на другом конце улицы внезапно вызвали у меня подозрения. В обоих убийствах фигурировал полицейский — вот он, общий фактор, о котором я говорил. Если честно, сам я считал эту версию совершенно неправдоподобной. Поэтому и не обсуждал ее с вами, пока не проработал тщательнее. Стоило немного поразмыслить, и в памяти всплыло множество странных эпизодов. Например, письмо Энжелы Энжел в комна-

* Психиатрическая больница закрытого типа для лиц.

те Карпенстера. В нем была цитата из Библии. А помните, как в столе Флетчера обнаружили фотографию Энжелы? Гласс отказался на нее смотреть, но выдал зловещий пассаж о горьком, как полынь, конце. Чем больше я об этом думал, тем меньше оставалось сомнений. Сегодня утром я разыскал бывшего импресарио Карпенстера, получил список городов, по которым гастролировал Чарли, и все с одной целью — выяснить в полицейском управлении каждого города, не знают ли они неких Глассов. Глассов я обнаружил в Лестере и услышал от местного суперинтенданта, что девушка из той семьи пару лет назад сбежала с актером. Я сразу понял, что двигаюсь в верном направлении. В итоге я решил, что самое разумное — приехать сюда и выложить все Глассу. Пока ему не взбрело в голову убить вас, — добавил Ханнасайд и подмигнул.

— Как заботливо с вашей стороны, шеф! — съязвил Хемингуэй. — А я, стало быть, напрасно раздражал сонного Брауна и наблюдал, как молодой Невилл примеряет дядины шляпы?

— Простите, я боялся показать Глассу, что напал на его след. Нужно сообщить Невиллу Флетчеру, что загадка разгадана.

— Думаете, нужно? Эта загадка его уже не интересует.

— Тем не менее ему следует рассказать правду, — с улыбкой возразил Ханнасайд.

— Ваш рассказ наверняка его позабавит. Ведь у Невилла нет ни капли приличия, не говоря уже о нормальных человеческих чувствах. Впрочем, надо отдать ему должное, с Ихаводом он управлялся лучше любого из нас. Передайте Невиллу, что я рассчитываю на кусок свадебного пирога!

— С чьей свадьбы? — заинтересовался Ханнасайд. — Неужели самого Невилла?

— Да, — кивнул сержант. — Если только у девицы с моноклем не больше здравого смысла, чем кажется.

Тут в кабинет заглянул дежурный констебль, объявивший, что с суперинтендантом желает поговорить мистер Невилл Флетчер.

— Легко на помине! — воскликнул Хемингуэй.

— Проводите его сюда, — велел Ханнасайд.

— Он звонит по телефону, сэр.

— Тогда соедините.

Констебль удалился, а Ханнасайд поднял трубку. Через пару секунд послышался голос Невилла Флетчера:

— Суперинтендант Ханнасайд? Как мило! Где продают особое разрешение на брак? У вас?

— Нет, Скотланд-Ярд разрешения не продает, — ответил Ханнасайд. — Мистер Флетчер, мне нужно с вами встретиться.

— Что, опять? Мне сейчас не до расследований, не хочу, чтобы меня беспокоили. Я женюсь.

— Вас больше не беспокоят, мистер Флетчер. Расследование закончено.

— Вот это хорошая новость! А то нам уже надоело. Так где, вы сказали, мне купить особое разрешение?

— Я еще не сказал. Хотите узнать, кто убил вашего дядю?

— Нет, я хочу узнать, кто продает особые разрешения!

— Архиепископ Кентерберийский.

— Неужели? Какая прелесть! Спасибо огромное, и до свидания!

Ханнасайд положил трубку, с трудом сдерживая смех.

— Ну что? — спросил сержант.

— Ему неинтересно, — ответил Ханнасайд.

Содержание

НАЙДЕН МЕРТВЫМ	5
ТУПОЕ ОРУДИЕ	235

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Хейер Джорджет

**НАЙДЕН МЕРТВЫМ
ТУПОЕ ОРУДИЕ**

Сборник

Ответственный редактор *Т. Бронзова*
Художественный редактор *В. Половцев*
Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Т. Павлова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru ВКонтakte: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі
«РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 15.12.2014. Формат 84x108 ^{1/32}.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 2000 экз. Заказ 2172.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ISBN 978-5-17-088607-4

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Миллионер Сайлас Кейн обнаружен мертвым на скалистом берегу бухты, неподалеку от своего роскошного особняка. Несчастный случай? Но через несколько дней в особняке выстрелом из револьвера убивают его наследника и компаньона – Клементя.

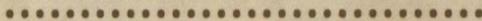
Подозрение падает на Джима Кейна: теперь он – наследник огромного состояния, и у него нет алиби. Но на него происходит несколько покушений, и он едва не становится третьей жертвой преступника...

Эрнест Флетчер – богач и любитель женщин – был убит в собственном кабинете.

Но кто нанес ему смертельный удар тупым орудием? Незамужняя сестра?

Погрязший в долгах племянник?

Красавица-соседка? Партнеры по сомнительным сделкам? Инспектор Ханнисайд начинает расследование и вскоре приходит к выводу: у Флетчера было много врагов, а его смерть выгодна им всем...

Книги Джорджет Хейер – это классика английского детектива.

Дороти Л. Сэйерс

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-088607-4

9 785170 886074